

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

44 2020
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 44 (334) / 2020

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, кандидат архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Тасуку Хондзё* (родился в 1942 году), японский ученый-иммунолог.

Тасуку Хондзё родился в Киото (Япония). Он окончил медицинский факультет Киотского университета, а позднее получил степень доктора философии. Является членом Японской академии наук, «Леопольдины» и членом Национальной академии наук США.

Хондзё был приглашенным научным сотрудником в отделе эмбриологии Вашингтонского института Карнеги. Затем он переехал в Национальный институт здоровья США в Бетесде, штат Мэриленд, где изучал генетические основы иммунной реакции. В то же время Хондзё был доцентом медицинского факультета в Токийском университете, профессором Осацкого и Киотского университетов. С 2005 года Хондзё был президентом Корпорации государственного университета префектуры Сидзуока. Он является членом Японского общества иммунологии и Американской ассоциации иммунологов.

Совместно с Джеймсом Эллисоном Хондзё стал лауреатом Нобелевской премии по физиологии и медицине в 2018 году за «открытие терапии онкологических заболеваний путем ингибирования негативной иммунной регуляции». Они показали, как различные стратегии подавления «тормозов» иммунной системы могут быть использованы в лечении рака. Благодаря их открытиям пациенты, которые раньше жили не более года, сегодня могут рассчитывать на 6–8 лет жизни, а в некоторых случаях — на полное излечение.

Долгое время оставалось непонятным, почему иммунитет, который хорошо справляется с вирусами и бакте-

риями, никак не реагирует на разрастание раковой опухоли в организме. Эллисон и Хондзё, работая параллельно, описали различные механизмы маскировки раковых клеток, а также способы борьбы с ними. Ученые выявили особые белки, которые тормозили работу иммунитета. На основе их открытий за последние годы было создано сразу несколько препаратов, способных затормозить болезнь на четвертой стадии развития, когда организм уже поражен метастазами. Конечно, речь идет только об определенных видах опухолей, но это однозначно признано важнейшим открытием в онкологии.

Во время пандемии COVID-19 в Интернете было широко распространено ложное утверждение о том, что профессор Хондзё считает, будто новый коронавирус искусственно изготовлен лабораторией в китайском городе Ухань. Команда BBC сообщила: «В заявлении, опубликованном на веб-сайте Киотского университета, он сказал, что «очень опечален» тем, что его имя использовалось для распространения «ложных обвинений и дезинформации». Ученые говорят, что секвенирование генома показывает, что вирус произошел от животных, а не был создан человеком».

Хондзё за свою жизнь получил несколько наград. В 2016 году он получил Киотскую премию в области фундаментальных наук за «открытие механизма, отвечающего за функциональную диверсификацию антител, иммунорегуляторных молекул и клиническое применение PD-1». Также они с Джеймсом Эллисоном разделили премию Танга в области биофармацевтики.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Абилова З. И.

Проблемы административных правонарушений
(по материалам судов г. Москвы) 153

Андрянова А. В.

Полномочия Центрального банка Российской
Федерации в осуществлении банковского
регулирования и надзора 156

Андрянова А. В.

Банковское регулирование и надзор 158

Артамонова К. С.

Понятие, функции и признаки банковской
тайны 160

Архипов М. М.

Административные отношения: определение,
содержание, законодательные пробелы
и пути их решения 162

Бабоева Л. Б.

Юридические факты как одно из оснований
возникновения гражданских правовых
отношений 168

Бакурадзе Н. С.

К вопросу о применении специальных знаний
в уголовном судопроизводстве 170

Борисов Д. В.

Некоторые спорные моменты правового
положения сторон по договору поставки 173

Веретенников Е. Ю.

Обстоятельства, устанавливаемые при выявлении
факта нарушения права на судопроизводство
в разумный срок 175

Генералов Д. Н.

Специфика расследования преступлений,
предусмотренных ст. 264 УК РФ. Характерные
черты причинно-следственной связи и значение
автотехнической экспертизы
при ее определении 177

Генералов Д. Н.

Понятие, задачи прокурорского надзора
за исполнением законов органами дознания . 182

Гильмуханова А. А.

Теоретико-правовые аспекты уголовной
ответственности юридических лиц
за коррупционные преступления 185

Голубцова Е. П.

Проблемы реализации полной изоляции лица,
в отношении которого избран домашний арест,
в жилом помещении 187

Дёмин А. И.

Выявление и доказывание преступлений,
совершаемых на объектах железнодорожного
транспорта в условиях Дальнего Востока 189

Джанибеков О. С.

К вопросу защиты прав и законных интересов
лиц, потерпевших от преступлений,
при производстве по уголовным делам 192

Донченко А. Г., Малькова Ж. А.

Судебное толкование уголовного закона
и его виды 194

Ермакова А. Д.

Систематизация законодательства
о нотариате 196

Жерноклева Ю. С.

История развития российского уголовного законодательства об ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности..... 199

Жигарев Р. В.

Право на квалифицированную юридическую помощь в конституционном судебном процессе..... 201

Зыкова А. А.

Актуальные проблемы контрактной системы в сфере публичных закупок..... 204

Зыкова А. А.

Пути совершенствования контрактной системы поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг для государственных и муниципальных нужд 207

Зяблова Т. Е., Парфенова Д. В.

К вопросу о значении правового эксперимента в правотворчестве..... 210

Ибатулина В. О.

О проблемных вопросах, касающихся сделок, в совершении которых имеется заинтересованность 212

Иванова В. В.

Формирование системы органов исполнительной власти в РФ 214

Ивасюк И. А.

Виды исков в процессуальном праве России.. 217

Ивасюк И. А.

Институты процессуального соучастия и группового иска: сходство и отличие 218

Ивасюк И. А.

Элементы иска в процессуальном праве России..... 220

Истомина В. А.

Соблюдение баланса интересов взыскателя и должника по алиментным платежам как одна из основных задач судебных приставов 222

Калякина О. О.

Особенности формы договора доверительного управления исключительными правами 224

Килимова Ю. Е.

Участие прокурора в гражданском судопроизводстве по защите прав несовершеннолетних..... 227

Ковалев Р. Д.

Вина в гражданском и уголовном праве: сходства и различия 228

Кукушкин П. В.

Общие и специальные проблемы договора строительного подряда с участием потребителя 233

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Проблемы административных правонарушений (по материалам судов г. Москвы)

Абилова Земфира Ильдаровна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье рассмотрены существующие проблемы в сфере административного права. Выделены отдельные аспекты квалификации административных правонарушений. Автор использует статистические показатели судебных и исполнительных производств, формирует логические выводы из аналитических данных.

Ключевые слова: административное право, административное правонарушение, состав правонарушения, административная ответственность.

Правонарушение является действием в нарушение норм законодательства, которое осуществлено дееспособным гражданином и имеет вредоносные последствия для всего общества и отдельных его членов. Здесь следует учитывать, что правонарушением может считаться не только действие, нарушающее нормы права, но и аналогичного рода бездействие. Причинами противоправных действий зачастую становятся желания одного лица, удовлетворить свои потребности за счет нарушения прав и интересов другого лица или лиц [2, с.120].

Административное правонарушение — это любое действие или бездействие, противоречащее установленным в организации, обществе или государстве нормам и пра-

вилам. Его может совершить как физическое, так и юридическое лицо. Отличие административного правонарушения от преступления в том, что оно не наносит обществу большого вреда или наносит вред в меньшей степени, чем преступление.

В 2019 году судьи московских районных судов рассмотрели почти 7,7 тыс. дел об административных правонарушениях, количество дел по сравнению с 2018 годом сократилось на 8,5 %, при этом доля дел, рассмотренных районными судами, составила всего 11,1 % от общего числа дел об административных правонарушениях, рассмотренных в первой инстанции районными судами и мировыми судьями Москвы (для сравнения: в 2018 году — 8,8 тыс., или 13,2 %).

Рис. 1. Количество дел. Рассмотренных районными и мировыми судьями Москвы от общего числа дел об административных правонарушениях, рассмотренных по первой инстанции (в тыс.) [8]

Результаты рассмотрения дел об административных правонарушениях московскими районными судами распределились следующим образом: 81,1 % были наказаны, производство по делу прекращено, в т. ч. 3,0 % освобо-

ждены от административной ответственности или наказания (2,3 тыс. человек)

Значительную долю дел в производстве районных судов г. Москвы составляют дела об административных

Рис. 2. Структура основных наказаний за административные правонарушения, наложенные судьями районных судов Москвы [8]

правонарушениях, влекущих административное выдворение за пределы Российской Федерации, которые рассматриваются судьями районных судов г. Москвы, — 28,5 тыс., или 26,6 % от структуры дел об административных правонарушениях, рассматриваемых в районных судах г. Москвы.

89,8 % от общего числа рассмотренных дел были подвргнуты административным взысканиям, 96,2 % — штрафу, а 36,8 % наказанных юридических лиц и лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без

образования юридического лица, которые подверглись наказаниям за правонарушения, предусмотренные главой 18 КоАП РФ, были подвергнуты административному приостановлению деятельности.

Административное выдворение применялось к 0,5 тыс. человек (как единственная мера наказания). К 12,6 тыс. правонарушителей по составу правонарушений, предусмотренных главой 18 КоАП РФ, в качестве дополнительного наказания применено административное выдворение

Рис. 3. Динамика дел об административных правонарушениях по главам КоАП РФ в 2019 г. (тыс.) [8]

Количество дел о нарушениях по статьям главы 18 КоАП РФ, рассмотренных районными судами, по сравнению с 2018 годом снизилось незначительно, на 1,3 %. Для сравнения — в 2018 году по Главе 18 КоАП РФ дела были рассмотрены в отношении 211,3 тыс. лиц (27,0 % в структуре дел), из которых 89,8 % были наказаны (96,5 % — штраф, 45,3 % — административное приостановление деятельности ряда наказанных юридических лиц и лиц, осуществляющих предпринимательскую дея-

тельность, 0,3 тыс. лиц — административное выдворение в качестве основного наказания и 133,3 тыс. лиц — выдворение в качестве дополнительного наказания).

Как и в прошлом году, неуплата административного штрафа (ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ) остается лидером среди правонарушений в Москве, причем количество рассматриваемых нарушений по указанному составу продолжает расти.

Одним из важных признаков административной ответственности является ее неотвратимость. К сожалению,

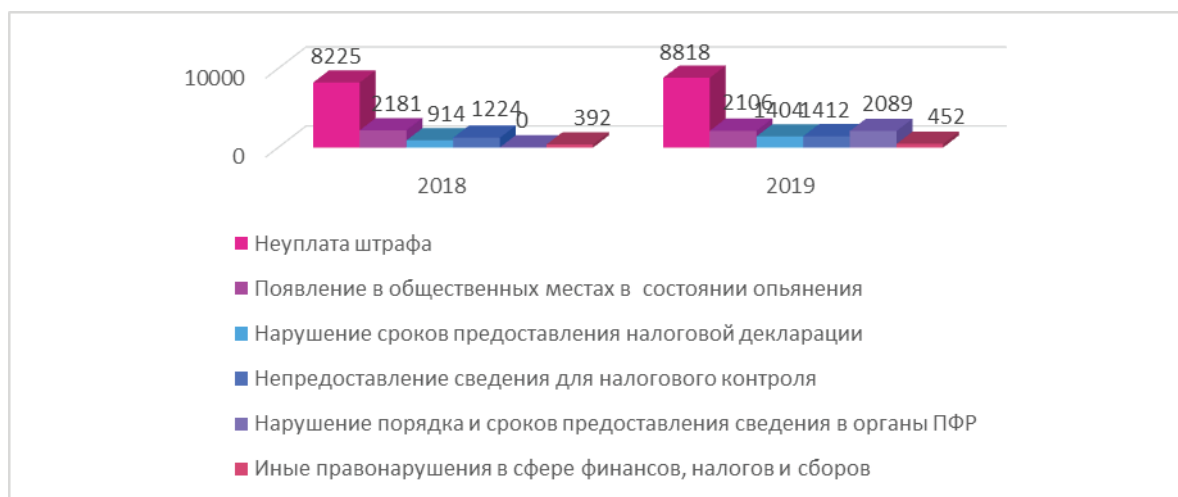

Рис. 4. Структура рассмотренных дел по административным нарушениям в Москве [8]

статистика по административным правонарушениям в Москве в виде неуплаты административного штрафа показывает, что ситуация неотвратимости не реализуется. В 2018 году за неуплату административного штрафа к административной ответственности привлечено 7697 человек.

Действующий КоАП РФ имеет много недостатков несмотря на то, что он действует уже 17 лет и по основным спорным вопросам выработана практика.

Самым существенным недостатком является безграничное усмотрение, предоставляемое должностным лицам административных органов и судьям при рассмотрении и пересмотре дел. Это вызвано недостаточной определенностью норм КоАП РФ, большим количеством оценочных категорий.

Ряд статей КоАП РФ содержат такой квалифицирующий признак объективной стороны, как «угроза причинения вреда жизни или здоровью граждан, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений». Способа определить, есть такая угроза или нет, КоАП не сообщает.

Следующая важная проблема — многие статьи основной части КоАП не конкретизируют состав правонарушения. В частности, неясно, за какое именно деяние назначается административная ответственность.

Еще один важный недостаток — нечетко прописанные процедуры. Возьмем, например, порядок судебного рассмотрения дел об административных правонарушениях. Если с порядком рассмотрения дел арбитражными судами, установленным АПК, все более или менее понятно, то КоАП, который должен применяться мировыми судьями, судьями районных судов, содержит всего несколько статей, предусматривающих процедуру подготовки дела к рассмотрению, порядок, место и сроки непосредственно рассмотрения, правила составления протокола, виды выносимых постановлений и порядок их объявления и направления.

Одной из актуальных проблем современного административного права является проблема административной

ответственности, как в материальном, так и в процессуальном аспектах.

Действующее законодательство об административных правонарушениях не определяет административную ответственность, что нельзя считать положительным моментом. В научной литературе административная ответственность определяется как мера административного принуждения, применяемая как к физическим, так и к юридическим лицам.

На сайте правительства России представлена концепция нового Кодекса об административных правонарушениях (КоАП). Среди предлагаемых мер — изменение величины штрафа в зависимости от уровня доходов нарушителя и его семьи. Также новая концепция КоАП предлагает расширить скидку на уплату штрафов. При этом отмечается, что документ в дальнейшем может видоизменяться. Новый КоАП должен будет вступить в силу 1 января 2021 года.

Несовершенством правовой основы и отсутствием достаточной материальной базы объясняются проблемы реализации положений ч. 6 ст. 28.3 КоАП РФ, обоснованно предлагая решать их посредством пропорционального перераспределения средств в пользу территориальных органов МВД России от поступлений в региональные бюджеты, связанных с привлечением к административной ответственности за правонарушения, установленные региональными законами.

Считаем обоснованным дополнить п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ абзацем 2 следующего содержания: «В случаях, предусмотренных законом субъекта РФ, должностные лица ОВД имеют право возбуждать дела об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов РФ».

Таким образом, отсутствие законодательных рычагов воздействия на лиц, нарушающих права граждан, способствует совершению правонарушений. Вследствие выявленных недостатков органы власти не располагают четким инструментом, позволяющим пресекать и преду-

преждать правонарушения в области общественного порядка и общественной безопасности, что способствует дискредитации как федеральных, так и региональных органов власти.

Литература:

1. КоАП РФ от 30.12.2001 N 195-ФЗ [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 20.08.2020)
2. Алексеев, И. А., Станкевич Г. В., Цапко М. И., Свистунов А. А., Белявский Д. С., Хабибулина О. В. Административное право. Учебник. — М.: Проспект, 2020. 320 с.
3. Бахрах, Д. Н. Административное право России. — М.: Эксмо, 2019—807 с.
4. Иванов, Д. В. Административное право Российской Федерации. — М.: Издательский дом Университета «Синергия», 2020. 320 с.
5. Ивашкина, А. В. К вопросу о классификации мер административного принуждения / А. В. Ивашкина // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2019. Т. 22. № 4. с. 218–221.
6. Побежимова, Н. И. Административное правонарушение и уголовный проступок // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 4.
7. Сургутсков, В. И. К вопросу о категоризации административных правонарушений // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 4.
8. Статистика Правонарушений [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://vavilon.ru/statistika-pravonarushenij/> (дата обращения: 20.08.2020)

Полномочия Центрального банка Российской Федерации в осуществлении банковского регулирования и надзора

Андриянова Анастасия Васильевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Шепелева Екатерина Вадимовна, кандидат юридических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Целью написания статьи является анализ и изучения понятия банковского регулирования и надзора деятельности Банка России.

Важнейшим направлением в сфере банковского регулирования и надзора являются: определение режима банковского надзора и применение мер надзорного реагирования исходя, прежде всего из характера рисков, принятых кредитной организацией, и качества управления рисками, обеспечения функционирования системы раннего реагирования и применения комплексной оценки деятельности кредитных организаций, включающей оценку качества управления и внутреннего контроля, повышение оперативности и эффективности принимаемых решений.

Ключевые слова: Центральный банк, банковское регулирование и надзор, кредитные учреждения, деятельность Банка России, показатели оценки эффективности, риск-ориентированные подходы.

Перед банковским надзором и регулированием ставится задача развития содержательных (риск-ориентированных подходов), включающих в себя оценку деятельности кредитных организаций и применение мер надзорного реагирования исходя из содержания и реальной оценки рисков банковской деятельности с позиций их потенциального влияния на устойчивость кредитных организаций (профессиональное суждение) [1, с. 184].

Существуют четыре основные категории риска: кредитный риск, рыночный риск, риск потери ликвидности, операционный.

Один из принципов банковского надзора гласит о том, что «органы банковского надзора должны быть уверенны

в том, что банки располагают процедурами всестороннего управления рисками (включая соответствующий надзор со стороны управления и высшего руководства) для выявления, измерения и контроля и управления всеми другими существующими рисками и там, где это не обходимо, для резервирования капитала на покрытие этих рисков.

Не смотря на то, что данный принцип в некоторой степени представляет собой обычное дополнение принципа, относящимся к конкретным видам риска, оценка качества активов и адекватность резервов на покрытие возможных потерь по ссудам, концентрация (в том числе крупных кредитных) рисков, кредитований связанных с банком заемщиков, страной и трансферный риски и рыночные риски, он содержит четкое изложение требований, вы-

двигаемых надзорными органами банкам, касательно выявления, измерения, мониторинга и ограничения уровня всех рисков, которым подвергается банк.

В сущность данный принцип является краеугольным камнем банковского надзора, т. к. он определяет основополагающие принципы для надзорных органов, осуществляющих проверку системы рисками в тех учреждениях, которым они выдали лицензию.

Банковский надзор определяет кредитный риск как вероятность невыполнения заемщиком или контрагент своих обязательств в соответствии с определенными условиями [2, с. 534].

Для оценки кредитоспособности клиента банк должен располагать инструментами получения информации, достаточной для анализа ежемесячного потока денежных средств, проходящих через потенциального заемщика (доходов и расходов), для того, что бы оценить, способность потенциального заемщика осуществлять платежи по кредиту в будущем.

Важность мониторинга кредитного риска изложена в «принципах управления кредитным риском». Эмпирические данные говорят, в том, что недостаточное внимание к выявлению измерению управлению и ограничению уровня кредитного риска является главной причиной банкротства банков.

Банк должен располагать своевременной и точной информацией о кредитных рисках, которым он подвергается в настоящий момент. Отсутствие данных затруднит оценку качества активов, а, следовательно, и потребностей в резервах на покрытие ожидаемых убытков. Дефицит резервов на покрытие ожидаемых убытков может создать дополнительную напряженность в неблагоприятный период, когда прибыль обычно падает. Нельзя забывать о том, что капитал — это защита от непредвиденных (не ожидаемых) убытков, и он не предназначен, для покрытия ожидаемых убытков. Кроме того, при отсутствии своевременно полученной информации о кредитном риске банк практически не сможет оценить стоит ли ему предоставлять тому или иному заемщику дополнительную ссуду, и если да, то на каких условиях (маржа, срок погашения и т. д.).

В прочем банк не должен ограничиваться знанием своих рисков на заемщика, что бы правильно оценить кредитоспособность каждого заемщика, очень важно, чтобы банк владел информацией о совокупном объеме рисков заемных средств каждого заемщика, в том числе, например, о ссудах, предоставляемых заемщику другими банками. Это подразумевает непрерывный мониторинг всех контрагентов в рамках оценки конечной потребности в резервах на возможные потери по ссудам. Данный мониторинг должен так же включать оценку общего влияния развития экономики на кредитоспособность отдельно взятого клиента, а также группы, частью которой является клиент (например, возможного влияния замедления экономического развития и роста безработицы на способность населения обслуживать свои долговые обязатель-

ства). С целью сбора информации о рисках заемщика в некоторых странах-членах ЕС существуют централизованные кредитные реестры, в которые вносится поступающая из банков информация о ссудах, выдаваемых компаниям, группам компаний и населению. Эти реестры могут помочь банкам в проведении анализа. В других странах операцию на информацию, содержащуюся в налоговых декларациях, т. к. банки сообщают в налоговые органы о ссудах и уплате процентов по этим ссудам. При отсутствии всех называемых объективных источников информации, полную картину рисков клиента банк может получить благодаря взаимному доверию, между банком и заемщиком.

От режима, финансовой отчетности которому следует конкретный банк, зависит эффективность и скорость отражения банком потерь от рыночных риск и финансовой отчетности. Европейские банки, как правило признают понесенные убытки, т. к. они придерживаются режима оценки и отражения финансовых инструментов, но по «наименьшей или рыночной стоимости», а доход, наоборот, не признается. Потери, обусловленные процентным риском, могут отражаться иначе, чем потери по иным видам рыночного риска, в зависимости от того, по какого рода определениям они возникли — по торговым операциям или по ссудным и депозитным операциям (банковский портфель). Режимы финансовой отчетности, позволяющие использовать рыночную стоимость для определения стоимости позиции, такие как международные стандарты финансовой отчетности. Коллегии по международным стандартам бухгалтерского учета, как правило требуют от банков признания и дохода и убытков по позициям, несущим рыночный риск.

Как и в случае со всеми остальными рисками, которые берет на себя банк, главная причина необходимости выявления, измерения, мониторинга и ограничения уровня рисков заключается в том, что банк может понести убытки по принятой (открытой) позиции. Чрезмерное принятие рисков может быть чревато банкротством учреждения, в случае если рыночная конъюнктура будет противоположной прогнозу банка.

Рыночный риск определяет «риск потерь по балансовым и внебалансовым статьям, обусловленный колебаниями рыночных цен».

Как правило, различаются четыре основных вида рыночных рисков:

— процентный риск, т. е. риск, которому подвергается владелец позиции, приносящей проценты. Примером такого риска является приобретение банком процентной облигации с фиксированным сроком погашения. Когда меняются рыночные процентные ставки, меняется и рыночная стоимость облигации. К потерям приводит рост рыночной процентной ставки с одновременным падением стоимости облигаций в связи с тем, что дисконтированный поток денежных средств при этом имеет меньшую текущую стоимость.

— Валютный риск, то есть риск, которым подвергается владелец позиции, выраженной в иностранной валюте.

Примером такого риска служит предоставление банком кредита в иностранной валюте. К потерям приводит повышение стоимости национальной валюты на валютных рынках, влекущая снижение стоимости ссуды (выраженной в местной валюте).

— Акционерный риск, т. е. риск, которому подвергается владелец доли акционерного капитала. Примером такого риска является покупка банком акции какой-либо компании. Банк терпит убытки, когда стоимость акции, например торгуемой на фондовой бирже, падает.

— Товарный риск, т. е. риск, которому подвергается владелец товарной позиции. Примером такого риска является покупка банком золота. Банк терпит убытки, когда цена золота на товарных рынках падает.

— Расчетный риск, т. е. риск сделок с процентными ставками, валютой, капиталом или товаром, расчет по которым ещё не произведен. Примером такого риска является, покупкой банком доли акционерного капитала у банка, который не является эмитентом этих акций, но должен передать их покупателю после получения платежа. Банк плательщик терпит убытки, когда банк получатель платежа, не передает акции после осуществления платежа.

От режима финансовой отчетности, которому следует конкретный банк, зависит эффективность и ско-

рость отражения банком потерь от рыночных рисков и финансовой отчетности. Европейские банки, как правило признают понесенные убытки, т. к. они придерживаются режима оценки и отражения финансовых инструментов, но по «наименьшей или рыночной стоимости», а доход, наоборот, не признается. Потери, обусловленные процентным риском, могут отражаться иначе, чем потери по иным видам рыночного риска, в зависимости от того, по каким родам определениям они возникли — по торговым операциям или по ссудным и депозитным операциям (банковский портфель). Режимы финансовой отчетности, позволяющие использовать рыночную стоимость для определения стоимости позиции, такие как международные стандарты финансовой отчетности. Коллегии по международным стандартам бухгалтерского учета, как правило требуют от банков признания и дохода и убытков по позициям, несущим рыночный риск [3, с. 115].

При проведении риск-ориентированного надзора надзорный орган должен обращать особое внимание руководство банка на те виды деятельности и системы внутреннего контроля, которые обеспечивали бы банку стабильное, разумное и уверенное развитие в интересах его кредиторов и вкладчиков и в целях укрепления общей финансовой стабильности.

Литература:

1. Банковские риски / О. И. Лаврушин под ред. Н. И. Валенцева — Москва: КноРус, 2020. — 361 с.;
2. Севрук, В. Т. Банковские риски / В. Т. Севрук. — М.: Дело ЛТД, 2019. — 876 с.;
3. Петров, М. А. Банковское дело / М. А. Петров. — М.: Рид Групп, 2019. — 244 с.

Банковское регулирование и надзор

Андриянова Анастасия Васильевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Шепелева Екатерина Вадимовна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Одним из важнейших компонентов банковской системы — как эффективная защита от дестабилизации, возникновения кризисных ситуаций, как локального характера, так и системных, становится создание сильных, подходящих рыночной среде механизмов банковского регулирования и надзора. Учитывая, что деятельность национальных банковских систем не ограничивается только рамками суверена и всегда носит, в целом, интернациональный характер, обоснованным является утверждение о необходимости формирования механизмов надзора, согласующихся с международными подходами в этой области государственного регулирования.

Ключевые слова: Центральный банк Российской Федерации, банковское регулирование и надзор, банковская система, кредитные организации.

Одной из основных целей Банка России является регулирование банковской системы.

Банковским регулированием является регулирование банковской деятельности посредством установления законодательных норм и требований к кредитным институтам. Установление определенных требований по-

рождает необходимость существования системы мер, призванных обеспечивать их соблюдение. Такой системой мер является банковский надзор.

Банковским надзором является наблюдение Банка России за исполнением и соблюдением кредитными организациями законодательства, регулирующего банковскую

деятельность, установленных им нормативных актов, в том числе финансовых нормативов и правил бухгалтерского учета и отчетности. По сути, это надзор за реализацией нормативности в банковской сфере. Организация банковского надзора основывается на национальной законодательной базе и рекомендациях международных банковских комитетов.

Свои полномочия органы надзора могут выполнять в процессе выдачи лицензий на банковскую деятельность; принятия решения об ограничении круга выполняемых операций; осуществления контроля за действующим банком или принятия решения о его ликвидации.

Центральные банки являются юридическими лицами, имеющими особый статус, отличительный признак которого — обособленность имущества банка от имущества государства. Хотя формально это имущество находится, как правило, в государственной собственности, центральный банк наделен правом распоряжаться им как собственник [1, ст. 2].

Правовой статус центральных банков развитых стран закреплен в правовых актах: законах о центральных банках и их уставах, законах о банковской и кредитной деятельности, в валютном законодательстве. Как правило, основным правовым актом, регулирующим деятельность центрального банка, является Закон о центральном банке, в котором определяются его организационно-правовой статус, функции, процедура назначения высшего руководящего состава, взаимоотношения с государством и национальной банковской системой и полномочия центрального банка как эмиссионного института страны.

Федеральным законом «О центральном банке РФ» к компетенции Банком России отнесено принятие решений о возможности государственной регистрации кредитных органов, выдача кредитным организациям лицензии на осуществление банковских операций, приостановление действия указанных в лицензии и отзыву их в порядке, установленном федеральным законом «О банках и банковской деятельности» [2, ст. 5].

Учредителями кредитной организации могут быть юридические и физические лица.

Учредители — юридические лица должны иметь устойчивое финансовое положение и достаточно собственных средств, для внесения в уставной капитал.

Учредители — физические лица должны иметь достаточно средств (имущество) для приобретения акций (долей) кредитной организации и удовлетворительное финансовое положение. Для государственной регистрации кредитной организации учредители должны подготовить учредительные документы, составить бизнес-план и оборудовать помещения для совершения операций с ценностями. Учредителям требуется подобрать на должность единоличного исполнительного органа (его заместителей), членов коллегиального исполнительного органа, главного бухгалтера (его заместителей) кредитной организации

лиц, которые имеют положительную деловую репутацию, специальное (юридическое или экономическое) высшее образование и опять руководства подразделением кредитной организации, связанной с осуществлением банковских операций.

Требования к деловой репутации предъявляются так же к кандидатам на должности членов совета директоров (наблюдательного совета) кредитной организации [2, стр. 63].

Создание кредитной организации должно быть согласовано с Федеральной антимонопольной службой на предмет соблюдения требований антимонопольного законодательства. Осуществление банком операций с драгоценными металлами требует согласования в министерством финансов Российской Федерации.

Текущий надзор (надзор за повседневной деятельностью кредитных организаций) включает в себя документарный (дистанционный) надзор и инспектирование. Стратегической задачей текущего надзора является обеспечение надлежащего уровня управления кредитной организацией, т. е. такого управления, которое учитывает как внутренние, так и внешние аспекты, деятельности кредитной организации и обеспечивает ее функционирование на непрерывной основе.

В Российской Федерации центральным звеном текущего надзора является документарный надзор. Его задача заключается в том, чтобы посредством постоянного мониторинга деятельности кредитной организации на как возможно ранней стадии обнаруживать возникающие в её деятельности проблемы, обострение которых может вызвать угрозу интересам акционеров и вкладчиков, подорвать платежеспособность кредитной организации и, в конечном счете, привести к ее банкротству. Так же он позволяет своевременно применить к банку адекватный комплекс корректирующих мероприятий, направленных на преодоление выявленных в деятельности кредитной организации негативных явлений и тенденций. Документарный надзор на деятельность кредитных организаций осуществляется в Российской Федерации территориальными учреждениями Банка России по месту нахождения кредитной организации.

Инспектирование кредитных организаций проводится Банком России в рамках реализации функций банковского регулирования и надзора.

Один из важнейших объектов банковского надзора — проверка правильности ведения бухгалтерского учета и достоверности, предусмотренной законами и нормативными актами Банка России, отчетности кредитных организаций.

Эти вопросы считаются центральными. В отличие от юридических и финансово-аналитических проблем проблема проверки бухгалтерского учета и достоверности отчетности, возможно, в силу своей простоты привлекает наибольшее внимание при проведении проверок.

Литература:

1. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) (с изменениями и дополнениями);
2. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (с изменениями и дополнениями);
3. Рождественская, Т. Э., Гузнов А. Г. Банковское право. Публично-правовое регулирование. Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2019. 222 с.

Понятие, функции и признаки банковской тайны

Артамонова Ксения Сергеевна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье изложены основные понятия, функции и современное понимание института банковской тайны, которые изложены в действующем законодательстве. В процессе анализа нормативно-правовых актов было выявлено, что четко определенное понятие банковской тайны как таковой отсутствует, что, безусловно, является огромным минусом и большим пробелом в современном законодательстве. Проанализированы основные признаки банковской тайны как самостоятельной правовой категории, регламентированной в сфере оказания банковских услуг физическим и юридическим лицам.

Ключевые слова: банковская деятельность, банковская тайна, информация, кредитная организация, тайна.

The concept, functions and signs of banking secrecy

The article describes the main concepts, functions and modern understanding of the institution of banking secrecy, which are set out in the current legislation. In the process of analyzing regulatory legal acts, it was revealed that there is no clearly defined concept of Bank secrecy as such, which is certainly a huge disadvantage and a big gap in modern legislation. The main features of banking secrecy as an independent legal category regulated in the sphere of providing banking services to individuals and legal entities are analyzed.

Keywords: banking activity, banking secrecy, information, credit organization, secrecy.

Одним из основных видов тайн, которые охраняются законом, является банковская тайна. Данный термин в законодательстве четко не определен, лишь в некоторых статьях дается приблизительная информация, которая может быть отнесена к банковской тайне. Отсутствие легального понятия предопределяет собой проблему определения правовой природы банковской тайны.

В литературе можно встретить следующие определения банковской тайны:

— банковская тайна представляет собой документированную информацию (совокупность сведений установленных законом сведений) ограниченного доступа, полученную кредитными организациями в силу специфики их деятельности, защищаемую и гарантируемую субъектами, на которых такая обязанность возложена в силу прямого указания закона (Сумская М. Ю., Бакуева Д. Х.) [5, с. 607];

— банковская тайна — это защищаемые кредитной организацией сведения об операциях, счетах и вкладах ее клиентов и корреспондентов, а также иные устанавливаемые кредитной организацией на основании федеральных законов в их интересах сведения, по которым

можно идентифицировать клиентов и корреспондентов кредитной организации, включая персональные данные (Клебанов Л. Р.) [3, с. 181];

— банковская тайна — особый режим информации с ограниченным доступом, отличный от режима коммерческой тайны или иной тайны (Копьёв А. В.) [4, с. 102].

Можно сказать, что непосредственно сам институт банковской тайны включает в себя как материальный (административный, гражданский и уголовный), так и процессуальный правовые аспекты. Соответственно, если меняются нормы, регулирующие данную отрасль, то так же претерпевают изменения и органы власти, которые так или иначе контактируют с подобной конфиденциальной информацией.

Институт банковской тайны — это самостоятельный вид тайн, охрану которых обеспечивает специальный режим конфиденциальности.

Обычно в научной литературе выделяют следующие функции института банковской тайны:

— сохранение сведений об операциях, вкладах и счетах, которые есть у определенного субъекта;

— поскольку речь идет о правах гражданина, то крайне важным аспектом является сохранение его личной тайны;

— сохранение недоступности для третьих лиц сведений о материальном положении гражданина, что помогает предотвратить противоправные деяния;

— институт банковской тайны, который зачастую выражен в денежном эквиваленте, влияет на репутацию определенной кредитной организации.

Регламентация банковской тайны в российском праве носит абстрактный характер, закрепляет общие положения о процедуре и основаниях отнесения сведений к банковской тайне, правила «хранения» такой тайны и прочие аспекты изучаемой правовой категории, при этом никак не определяя собственно само это правовое явление.

Обычно это понятие раскрывают через следующие законодательные акты:

— п. 1 ст. 857 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020) [1] (далее — ГК РФ) включает в себя норму-гарантию, обеспечивающую установление режима тайны по отношению к информации о вкладах и банковских счетах клиента, сведениях о самом клиенте и его операциях по счету;

— немного более детализированное косвенное толкование искомой дефиниции было приведено в ст. 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 27.12.2019) «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.06.2020) [2], где указано, что финансовая организация, осуществляющая функции по обязательному страхованию вкладов, гарантирует тайну об операциях, о счетах и вкладах своих клиентов и корреспондентов. При этом данные правила также распространяются на всех работников, занятых в таком учреждении.

Интересно то, что информация, которую содержат данные законодательные акты, несколько разнятся между собой и при выборе наиболее правильного источника, многие ученые отдают предпочтение именно федеральному закону, так как, по их мнению, он более специализирован в данной сфере, а следовательно, и более точен.

Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» включает в себя более всеобъемлющее понятие субъекта, который в силу каких-либо обстоятельств обладает конфиденциальной информацией, т. е. непосредственно тайной. Под такими субъектами обычно понимают любую кредитную организацию, будь то банки или обычные кредитные организации. Так же Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» предоставляет больший круг операций, чем ГК РФ. Важно еще отметить, что содержание банковской тайны Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» трактует как информацию, которая стала известна кредитной организации посредством заключения с клиентом какого-либо договора. Соответственно за разглашение подобных сведений виновный субъект будет нести уголовную ответственность. В связи с этим в законодательстве точно про-

писаны все лица, которые имеют право получать доступ к подобному рода информации.

Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» делит информацию, которая попадает под понятие «банковская тайна» на две группы:

— во-первых это информация, которая связана со счетами и операциями, проводимыми юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями (гражданами). Доступ к этому виду информации имеют сам клиент, Счетная палата России, все судебные инстанции (включая самих судей), налоговые органы, Пенсионный фонд России, органы принудительного исполнения судебных актов, а так же в некоторых случаях органы предварительного следствия по делам, находящимся в их ведении;

— во-вторых это вся информация, связанная со счетами и вкладами физических лиц, то есть непосредственно самих граждан. Данным видом информации могут пользоваться сами граждане, опять же все судебные инстанции, органы принудительного исполнения судебных актов, организация, которая осуществляет функции по обязательному страхованию вкладов и органы предварительного следствия по делам, которые находятся в их ведении.

Выделим основные признаки, позволяющие отнести информацию из общего распространения к категории банковской тайны:

— неизвестность информации третьим лицам. Даже исходя из общепринятого восприятия понятия тайны, сразу представляется такая категории информации, которая не является общеизвестной. В правовой плоскости, в частности банковских правоотношений, любой клиент банка, прежде всего, заинтересован не только в безопасности его вкладов, но также и уверенности конфиденциальности любых сведений, переданных им банку;

— отсутствие доступа информации на законном основании. Данный критерий обозначает то, что в случае отнесения каких-либо сведений к категориям банковской тайны, свободный доступ к ней на основании закона запрещается. Данное положение имеет тесную взаимосвязь с первым критерием отсутствия «общеизвестности» такой информации;

— известность информации кредитным организациям в силу специфики их деятельности. Данный критерий, прежде всего, означает, что весь объем информации, составляющий банковскую тайну, был получен финансовыми учреждениями не в силу случая, а непосредственно при реализации своей профессиональной деятельности, в силу чего такие сведения получают государственную охрану и защиту, путем соблюдения регламентированных императивных норм, регулирующих данную сферу.

На основании всего вышеизложенного, автором предлагается следующее понимание понятия банковской тайны: «банковская тайна — особая разновидность конфиденциальных сведений, используемых кредитной организацией в целях оказания банковских услуг и защищаемых от несанкционированного доступа третьих лиц (о счетах и вкладах клиентов, а также банковских операциях).

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 27.12.2019) «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.06.2020) // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР. — 1990. — № 27. — Ст. 357.
3. Клебанов, Л. Р. Преступления против коммерческой, налоговой и банковской тайны: понятие, признаки, особенности квалификации / Л. Р. Клебанов. // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2016. — № 5. — с. 175–190.
4. Копьёв, А. В. Некоторые проблемы определения понятия банковской тайны в предпринимательской деятельности / А. В. Копьёв, Я. С. Иванова. // Кооперативный сектор экономики в инновационном развитии российского общества: теория и практика. — Волгоград: ООО «Волгоградское научное издательство», 2016. — с. 99–104.
5. Сумская, М. Ю. К вопросу о понятии и правовой природе банковской тайны / М. Ю. Сумская, Д. Х. Бакуева. // Аллея науки. — 2017. — № Т. 1. — № 15. — с. 603–608.

Административные отношения: определение, содержание, законодательные пробелы и пути их решения

Архипов Михаил Михайлович, студент магистратуры
Гогинский филиал Московского государственного областного университета

В статье рассмотрена сущность понятия «административные отношения», приведены различные точки зрения на их содержание, освещены несколько проблем правового статуса субъектов административных отношений и защиты их прав, приведена юридическая практика по определению статуса организаций публичной администрации и нарушения прав граждан, кратко предложены варианты по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: административное право, административные правоотношения, субъекты административных правоотношений, способы защиты прав в административно-правовых отношениях, пробелы административного законодательства.

Административно-правовые отношения — урегулированное административно-правовой нормой управленческое общественное отношение, в котором стороны выступают как носители взаимных обязанностей и прав, установленных и гарантированных административно-правовой нормой [1].

Вопросы правовых отношений всегда вызывали большой интерес и наибольшие споры в юридической науке. Можно с уверенностью констатировать тот факт, что проблема правовых отношений является доминирующей в общей теории права. Типичные черты правоотношения свойственны общественным отношениям, урегулированным нормами права, характерными для любых отраслей правовой системы и сфер российского законодательства [2].

Основными признаками правоотношения являются:

- а) первичность правовых норм;
- б) регламентация правовой нормой действий (поведения) сторон отношения;
- в) взаимные права и обязанности сторон правоотношения, определяемые нормой права;
- г) установление юридической ответственности за несоблюдение нормы права.

Вместе с тем есть и особенности, связанные с тем, что административно-правовые отношения — это отношения именно в сфере управления, урегулированные нормами административного права, соответственно:

- а) они возникают в процессе государственного управления и всегда присутствует орган государственного управления в качестве субъекта;
- б) как правило, одна сторона, субъект управления (управляющая сторона), занимает доминирующее положение, и в основном на эту сторону накладываются ограничения;
- в) между сторонами возможны споры;
- г) за нарушение нормы ответственность наступает перед государством
- д) в основном возникают по инициативе одной из сторон, этот признак отличает их от гражданско-правовых отношений;

Следует отметить, что в ряде работ административно-правовые отношения относят к правовым отношениям только с участием исполнительных органов. Например: Административно-правовые отношения возникают непосредственно в связи с практической деятельностью исполнительных органов по реализации возложенных на них

исполнительно-распорядительных функций [1] или Административно-правовые отношения напрямую связаны с практической реализацией задач, функций и полномочий исполнительной власти в процессе государственного-управленческой деятельности [3, с. 35].

На самом деле, хотя действительно в основном эти отношения и связаны с органами исполнительной власти, но в полной мере касаются и других государственных органов (должностных лиц).

Депутаты законодательных органов ведут активную работу с избирателями, и к тому же обладают эксклюзивными административными процедурами: депутатский запрос, парламентский запрос и заслушивание должностных лиц на пленарных заседаниях. В том числе в соответствии со ст. 4 Федерального закона [6] само обращение граждан может быть в виде: предложения, заявления и жалобы. Депутаты активно принимают предложения граждан по изменению действующего законодательства и вносят на их основании свои законодательные инициативы, обсуждают их на комитетах и комиссиях.

Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, как и прокуратура являются органами публичной администрации, т. е. не относятся к исполнительной власти, но осуществляют публичные функции. В органы судебного департамента поступают жалобы на секретарей судебного заседания и ряд других лиц, а прокурор может принимать участие во всех видах административно-правовых отношений. Счетная палата проверяет организации на предмет использования ими бюджетных средств, т. е. осуществляет административный контроль. Кроме того, административно-правовые отношения затрагивают и деятельность других многочисленных организаций публичной администрации. Например, в Фонде социального страхования принята инструкция по рассмотрению обращений граждан, и его структурные подразделения активно рассматривают обращения.

Таким образом административно-правовые отношения в полной мере затрагивают все ветви власти и должностных лиц, соответственно и защита прав субъектов административных отношений подразумевает защиту во всех сферах государственного управления.

Все правоотношения состоят из определенных элементов: субъектов, объекта и содержания правоотношения. В содержании административного правоотношения различаются две стороны: материальная (поведение субъектов) и юридическая (субъективные юридические права и обязанности). Непосредственным объектом административных правоотношений является волевое поведение человека, его деяния. [3, с. 37]

Некоторые авторы отдельно выделяют в качестве объекта неимущественные отношения, иногда именуемые предметом (материальные предметы и вещи) в дополнение к неимущественному объекту [3, с. 38].

Нормами административного права определяются субъекты, права и обязанности сторон правоотношения. Так, отношения граждан, связанные оформлением земель-

ного участка, возникают с определенными органами исполнительной власти и при заранее определенных обстоятельствах, при этом права и обязанности сторон четко закреплены административной нормой. Межевание проводит кадастровый инженер по специфичной процедуре, границы согласовываются с соседями, в определенные сроки и по определенной форме гражданин подает заявление о признании права.

Поскольку административно-правовые отношения возникают при наличии условий, предусмотренных административно-правовыми нормами, то речь идет о юридических фактах — обстоятельствах, при которых в соответствии с требованиями данной нормы между сторонами должны (или могут) возникнуть конкретные правоотношения [3, с. 38].

В качестве юридических фактов выступают, действия и события. Действия являются результатом активного волеизъявления субъекта по возникновению, изменению или прекращению административно-правового отношения. События — явления, независимые от воли людей (например, смерть, стихийное бедствие и другие) [1].

По мнению автора, одна из ключевых проблем низкой эффективности механизма внесудебной административной защиты прав заключается в низкой правовой грамотности населения и сложности в связи с этим правильно пользоваться существующим правовым механизмом: связать свою проблему с конкретным юридическим фактом и выполнить предписанную процедуру в установленный срок. В этом случае, орган государственной власти больше заинтересован в формальном следовании процедуры, чем в защите прав заявителя и его права могут оказаться незащищенными.

Эту проблему отмечают и другие авторы, например, Д. В. Гвоздев: Говоря об опосредованных способах защиты прав, свобод и законных интересов подвластного субъекта, к которым следует относить надзорную и контрольную деятельность государства, следует отметить, что приоритетным объектом такой защиты является формальное соответствие деятельности органа государственного управления его компетенции. Связано это с тем, что деятельность органов государства максимально формализована путем нормативного закрепления их полномочий. Таким образом, для этих органов максимально важно соответствие внешнего проявления их деятельности нормативным предписаниям, что приводит в определенном смысле к приоритету в их деятельности так называемого формализма (строгости соответствия поведения (содержания) и его нормативного основания (формы)). Иными словами, опосредованные способы защиты государственно-управленческих правоотношений направлены не столько на защиту конкретного субъективного права, сколько на воздействие на деятельность (поведение) администрации в целях ее приведения в соответствие с установленными законом предписаниями.

Так, если субъективное право подвластного субъекта не реализовано и при этом деятельность администрации по

формальным признакам соответствовала ее компетенция, то это право может так и остаться необоснованно не реализованным. Связано это с тем, что орган государственного управления, поскольку именно он обладает полномочиями по принятию решения о реализации того или иного субъективного правового интереса, наделен некоторым объемом дискреционных полномочий (полномочий усмотрения). В данном случае особо следует обратить внимание на то, что под дискреционными полномочиями (полномочиями усмотрения) понимается не возможность выбора модели поведения (свобода поступать (принимать решения) по своему усмотрению), а то, что должностное лицо органа государственного управления принимает решение в отношении подвластного субъекта исходя из своих субъективных представлений о возможности, целесообразности и необходимости реализации им своего правового интереса. При этом субъективные суждения должностного лица органа государственного управления могут быть ошибочными, а сами его действия формально могут и не выходить за пределы его полномочий [4].

Подобную проблему отмечает и автор статьи Т. А. Нестерова: «Закон полностью не связывает свободу выбора способов защиты только теми инструментами, которые характерны для определенной сферы общественных отношений. Теоретически субъект наделяется правом самостоятельно выбирать тот или иной способ защиты своих прав, но практически — неправильно выбранный способ защиты права приведет к тому, что будет невозможно либо затруднено предотвращение нарушения прав [5].

Кроме того, важно, чтобы защита прав была своевременной, чтобы разрыв во времени между нарушением субъективного права и принятыми мерами был минимальным. На это было указано Постановлением Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П.

Для пояснения приведу несколько примеров:

Гражданином М неоднократно подавались жалобы в Управляющую компанию, Государственную жилищную инспекцию г. Москвы и прокуратуру ЦАО г. Москвы о незаконной перепланировке системы вентиляции соседями сверху. В ходе первой проверки специалистами управляющей компании при визуальном осмотре вентиляционного короба был составлен акт, не зафиксировавший нарушения (в ходе перепланировки внешне не был уменьшен вентиляционный короб). В дальнейшем несмотря на акт о низкой пропускной способности вентиляции заявителя, составленный экспертами Роспотребнадзора, и многочисленные жалобы на бездействие представителей властей, каждый раз по жалобе запрашивались материалы, предоставлялся этот акт и заявителю сообщалось об отсутствии нарушений. Все это происходило потому, что заявителю необходимо было также зафиксировать низкую пропускную способность вентиляции в квартире над соседом, для подтверждения вины, и должен был быть обжалован сам акт проверки системы вентиляции у соседа, а не ответы представителей власти и управляющей компании, произведенные на его основе.

Гражданкой П подавались многочисленные жалобы на бездействие судебных приставов по исполнению решения суда о запрете проживания лиц в помещении консьержа ее подъезда. В этом нежилом помещении были оборудованы все удобства, аналогичные номеру полулюкс гостиницы, и круглосуточно находился мигрант по трудовому договору, одобренному на общем собрании собственников жилья. Судебные приставы неоднократно выходили на место и составляли акт об отсутствии проживания лиц в данном помещении. Дело в том, что согласно ст. 15 и главы 3 ЖК РФ жилое помещение предназначено для проживания, а нежилые помещения для иных целей. Действующее законодательство не содержит такого состава нарушения как проживание в нежилом помещении и признаков проживания, кроме временной или постоянной регистрации в жилом помещении. Соответственно нет правовых оснований для утверждения о проживании в нежилом помещении лиц, даже если они там находятся. Заявительнице необходимо было не полагаться на юриста управляющей компании, которая возможно была заинтересована в существующем порядке, а обратиться к независимому юристу. Поскольку и исковые требования должны были быть сформулированы по-другому, и жаловаться надо было не на бездействие судебных приставов, а на неиспользование ими полномочий по разъяснению решения суда в порядке ст. 202 ГПК РФ. При анализе трудового договора обнаружилось бы, что он является не заключенным в связи с отсутствием положений об оплате труда (они работали за ночлег) и соответственно нахождение мигрантов в помещении было незаконным.

Также типична ситуация, когда после отрицательного ответа заявитель направляет повторную жалобу в вышестоящий орган, практически не меняя текста и не обосновывает чем именно его не устраивает полученный ответ. В этом случае в соответствии с п. 3 ст. 8 Федерального закона [6] жалоба направляется в тот же орган, что его до этого рассматривал. Как правило, результат рассмотрения не меняется и права оказываются не защищены.

Из вышеизложенной проблемы видится несколько механизмов решения:

а) Повышение роли общественных организаций и публичных должностных лиц в механизме административной защиты прав. Эти лица заинтересованы в совершенствовании механизма правовой защиты и защиты прав субъектов административных отношений, поскольку представляют интересы определенных групп лиц и имеют политическую волю. Данный процесс уже развивается в России, при органах власти создаются общественные советы, поправками в Конституцию Российской Федерации 2020 года существенно расширены полномочия органов законодательной власти.

б) Повышение ответственности субъектов административных правоотношений, а именно:

— для снижения количества необоснованных обращений в органы власти необходимо ввести ответственность за предоставление заведомо ложных данных, за си-

стематическое направление обращений, не содержащих сути (т. е. не содержащих предложений, заявлений или жалоб), или обращений в защиту другого лица, не имея права представления его интересов (речь о жалобах, основанных не на фактах, а на слухах и неполной информации из средств массовой информации), а также ввести административную ответственность за агитацию к направлению гражданами одинаковых обращений, что по сути является действиями, нарушающими нормальное функционирование органов власти;

— для реализации возможности применения ответственности к организациям и частным лицам необходимо предусмотреть обязательную аутентификацию лица, подающего обращение в электронном виде, что также должно снизить количество необоснованных заявлений о преступлении в правоохранительные органы и позволит решать жалобы, требующие проведения проверки коммерческих организаций (в соответствии с ч. 3 ст. 10 Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ внеплановые проверки таких организаций запрещены по электронному обращению без аутентификации в системе ЕСИА);

— для повышения качества работы с заявителями необходимо ввести в практику отслеживания результатов рассмотрения обращения органами государственной власти, были ли защищены права заявителя, с фиксированным объемом минимального процента / количества обращений на контроле.

в) Рубрицирование обращений граждан и претензий, при их подаче.

Действующее законодательство серьезно отстает от новых технологий, в том числе в муниципальных органах власти в нашей стране, и ряде органов власти других стран функционируют сервисы, позволяющие оперативно и точно реагировать на запросы граждан и организаций по защите своих прав. Такие сервисы позволяют сразу доставить обращение до конкретного исполнителя, оперативно его исполнить, и легко контролировать процесс исполнения. Сервис должен включать интернет-форму обращения, с детальным указанием проблемы из рубрикатора, систему идентификации заявителя, систему делопроизводства, планирования и контроля работы над обращением или претензией. Для чего необходимо внести такую возможность в Федеральный закон [6].

В качестве реализации этой технологии можно привести в пример сервис Интернет-сайта Правительства Москвы (URL: <https://dobrodel.mosreg.ru>).

г) Расширение видов бесплатной юридической помощи, оказываемой органами власти гражданам для добавления функционала по помощи в составлении заявлений.

Характерной чертой административно-правовых отношений является множественность их субъектов.

Под субъектом административного права понимается лицо или организация, которые в соответствии с действующим законодательством могут быть участниками (сторонами) регулируемых административным правом управленческих отношений, носителями соответствующими

прав и обязанностей [1]. Объединяет их обладание особым юридическим качеством, а именно: административной правоспособностью.

Административная правоспособность — это признаваемая законом возможность гражданина быть субъектом административного права, иметь права и обязанности административно-правового характера. Правоспособность возникает с момента рождения гражданина и прекращается с его смертью.

Административная дееспособность граждан — это способность личными действиями приобретать права и обязанности административно-правового характера, осуществлять их, а также нести личную ответственность за совершенные правонарушения. Дееспособность в полном объеме возникает по достижении 18 лет [7].

Для индивидуальных субъектов административная правоспособность, как правило предшествует дееспособности, у коллективных субъектов и должностных лиц они обычно наступают одновременно, что называется правосубъектностью. Правовой статус субъекта административного правоотношения определяется прежде всего объемом его административной дееспособности:

а) Индивидуальные: граждане (граждане РФ, иностранцы, лица без гражданства), субъекты, обладающие специальным административно-правовым статусом (должностные лица, военнослужащие, беженцы, вынужденные переселенцы, инвалиды и т.п.).

б) Коллективные: органы власти, организации, предприятия, учреждения, структурные подразделения этих организаций, трудовые коллективы и т. п.

Существуют и другие классификации субъектов административных правоотношений, например, В. Т. Батычко выделяет следующие группы: индивидуальные, коллективные, специальные [7], Т. Б. Макаров: субъекты, которые представляют публичный интерес и субъекты, реализующие частный интерес [8].

По мнению автора, наиболее незащищенным субъектом административно-правовых отношений являются апатриды (физическое лицо, не имеющее какого-либо гражданства или подданства и не обладающее доказательствами, которые могли бы установить принадлежность его к какому-либо гражданству или подданству).

На территории страны в глубинке проживает ряд апатридов, длительное время не имеющие никаких документов, на Дальнем востоке, в Сибири и Приморском крае целые заготовительные картели китайцев без документов осуществляют незаконную добычу ресурсов. Только по официальным данным МВД России на территории Российской Федерации находятся более 5 тыс. лиц с неурегулированным правовым статусом [9]. Административная дееспособность таких лиц существенно ограничена. Приведу несколько примеров:

Уроженка Донецкой области Республики Украины Р была похищена с территории Украины в 2003 году (в 15 лет) обманом вывезена и насильно удерживалась на территории России без документов, удостоверяющих личность.

В 2005 году она сбежала, сама пересечь границу не могла, в органы полиции обратиться боялась (похитители были из полиции) и в общей сложности пробыла на территории России без документов 15 лет. Отсутствие документов не позволяло вести нормальный образ жизни, она не могла официально устроиться на работу, не имела миграционного статуса, не могла оформить брак, ее дочь официально не имела матери и ей грозило помещение в детский дом. В 2017 году начала восстанавливать документы, но в Украинском посольстве ей отказали в восстановлении документов в связи с признанием территории Донецкой Народной Республики оккупированной. В пересечении границы отказали из-за отсутствия документа, удостоверяющего личность. Волонтер не смогла получить дубликат свидетельства о рождении в связи с отсутствием доверенности. Органы внутренних дел не смогли установить ее личность в связи с отсутствием каких-либо родственников на территории России и отсутствием документов. Ее отец умер, а мать лишена родительских прав и пропала без вести.

Только благодаря ответственному отношению должностных лиц: депутата, органов опеки, органов внутренних дел, суда и Министерства юстиции Донецкой Народной Республики удалось провести генетическую экспертизу, признать ее матерью своей дочери, получить копию свидетельства о рождении и на его основании установить ее личность, тем самым позволив защищать свои права, признать дочь, получить возможность официально трудоустроиться и т. д.

Гражданка Украины П в 70 лет была лишена гражданства Российской Федерации через 21 год, после его получения, в связи с признанием заявления на получение гражданства поддельным. После чего в последние 11-ть лет она утратила средства к существованию: пенсию (имея трудовой стаж 53 года и статус ветеран труда), пособие по инвалидности, право на социальное и медицинское обслуживание, была приостановлена деятельность фирмы, директором которой она являлась. У нее отсутствовали какие-либо документы, удостоверяющие личность, как гражданки Украины. В настоящий момент проводятся мероприятия по установлению ее личности, но в соответствии с действующим законодательством никто не компенсирует финансовый ущерб и все вышеуказанные выплаты за период отсутствия документов, поскольку они имеют заявительный характер и могут быть назначены только после установления ее личности и разрешения на временное проживание. Гражданкой Украины она также не является, поскольку отказалась от гражданства. Уголовное дело о мошенничестве к лицам, оформлявшим ей паспорт гражданина Российской Федерации, не возбуждают в связи с истечением сроков давности.

Для решения данного вопроса в Государственную Думу был внесен законопроект № 948528-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части урегулирования правового статуса лиц без гражданства», по-

зволяющий существенно ускорить процедуру приема в гражданство апатридов [9]. Законопроект концептуально одобрен в первом чтении, он только сокращает сроки, но и это уже существенный прогресс.

Законодательно слабо урегулирован порядок внесудебной защиты от действий лиц организаций публичной администрации, на что также указывается в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2012 № 19-П, в частности:

— законодательно не определен вопрос о том, какие организации относятся к осуществляющим публично значимые функции, какие функции в этих организациях являются властными и публично значимыми;

— в ряде организаций отсутствуют подзаконные акты по применению Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [6], а где есть подзаконный акт, он может противоречить Федеральному закону, в связи с чем закон фактически не применяется (например, срок направления обращения по компетенции в Московской городской нотариальной палате не установлен, для нотариусов-членов Нотариальной палаты ХМАО-Югры составляет 10 дней, а по Федеральному закону — 7 дней);

— в нарушение ст. 53 Конституции Российской Федерации нет механизма возмещения из казны Российской Федерации ущерба, причиненного действиями таких лиц, поскольку ст. 1069 ГК РФ «Ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами» не предусматривает ответственность организаций публичной администрации не являющихся органами власти, за исключением органов местного самоуправления.

В настоящий момент согласно правоприменительной практике к организациям, осуществляющим публично-значимые функции, относятся:

а) избирательные комиссии (определение Конституционного Суда РФ от 16.12.2010 № 1722-О-О), за вред, причиненный их действиями по ст. 1069 ГК РФ несет ответственность создавшее их публично-правое образование;

б) нотариусы и нотариальные палаты (постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.1998 № 15-П), при этом не смотря на то, что обе категории исполняют публичные функции, вред за действия государственного нотариуса может быть возмещен государством, а частного — нет (ст. 17 Основ нотариата);

в) адвокаты (постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.1999 № 18-П);

г) саморегулируемые организации, в том числе саморегулируемые организации арбитражных управляющих (постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П);

д) аудиторские организации, действующие официально в качестве независимой контрольно-ревизионной (надзорной) инстанции в силу закона по уполномочию государства (определение Конституционного суда РФ от 13.05.2010 № 685-О-О);

е) коммерческие банки, принявшие на себя обязательства по обеспечению государственной финансовой поддержки из средств специального бюджетного фонда организаций агропромышленного комплекса путем их льготного кредитования (определение Конституционного суда РФ от 19.05.2009 № 596-О-О);

ж) государственные и муниципальные унитарные предприятия (постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2012 N 19-П);

з) третейские суды (определение Конституционного суда РФ от 04.10.2012 № 1912-О-О);

и) аттестационные комиссии (определение Конституционного суда РФ от 07.06.2011 г.№ 767-О-О);

к) политические партии (постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2007 № 11-П);

л) высшие учебные заведения (определение Московского городского суда от 17.02.2016 по делу № 4г/1-1587).

Вместе с тем для ряда организаций явно отсутствует правовое регулирование, например, для:

а) государственных фондов, хотя они нередко выполняют распределительную функцию государства и созданы для решения государственных целей и задач, включая ПФ, ФСС и ФОМС.

б) других кредитных организаций, которые, например, исполняют решения налоговых органов о списании денежных средств со счетов вкладчиков по инкассовым поручениям, выдают льготные кредиты, замораживают счета, если есть подозрение о причастности этих счетов к финансированию терроризма и т. п.

в) организаций среднего и начального образования, которые осуществляют бесплатное обучение, исполняют государственные заказы;

г) капитанов морских, воздушных судов и врачей, которые могут удостоверять завещания и выполнять другие публичные функции.

Не являются организациями публичной администрации организации, осуществляющие деятельность по управлению многоквартирными домами (постановление Верховного Суда Российской Федерации от 15.02.2019 № 48-АД19-2), при этом не рассмотрение жалобы может повлечь гражданско-правовую ответственность компании. Например, по гражданскому делу № 33-21791/2020 от 24.08.2020 Московским областным судом было отменено решение суда первой инстанции и вынесено новое решение, согласно которому с гражданки были списаны пени за неуплату коммунальных платежей в связи с тем, что поставщик коммунальных услуг не рассмотрел ее обращение о заключении с ней договора добровольного погашения долга после смены плательщика, и тем самым неуплата произошла не по ее вине.

Для устранения данного правового пробела на взгляд автора необходимо принятие специального федерального закона, определяющего понятие и правовой статус организаций публичной администрации, проработать правовой механизм компенсации ущерба по ст. 1069 ГК РФ, а также внести изменения в федеральные законы и подзаконные акты, определяющие их деятельность для установления переданных им от государства публичных полномочий, особенностей их применения, пределов ответственности и методов контроля их деятельности.

Подводя итог, необходимо отметить, что в настоящее время слабо законодательно урегулирован правовой статус субъектов административных правоотношений и порядок внесудебной защиты их прав. Для законодательного регулирования этого вопроса требуется кодификация законодательных актов, регулирующих порядок рассмотрения обращений граждан, определение правового статуса организаций публичной администрации и систематическая работа по развитию и совершенствованию институтов административной юстиции.

Литература:

1. Попов, Л. Л. Административное право Российской Федерации. 2019. // Попов Л. Л., Мигачев Ю. И. [Электронный ресурс]. URL: be5.biz/pravo/a037/index.html
2. Зеленцов, А. Б. Административная юстиция. Общая часть. Теория судебного административного права: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». -М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015.-С 56.
3. Чернов, С. Н. Административное право. Часть I. Учебное пособие. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012.-С 35-38.
4. Гвоздев, Д. В. Административное правосудие в системе способов защиты государственно-управленческих правоотношений // Административное право и процесс. 2017. № 10. — С. 67.
5. Нестерова, Т. А. Проблемы защиты прав субъектов административных правоотношений.-Молодой ученый. Международный научный журнал. № 31. 2019. — С 100.
6. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». // Собрание законодательства РФ. 08.05.2006. № 19. ст. 2060.
7. Батычко, В. Т. Административное право. — Таганрог: 2018. — С 54.
8. Волков, А. К. К вопросу о субъектах административного права. // Вестник МФЮА. 2016. № 1. — С. 43.
9. Законопроект № 948528-7. [Электронный ресурс]. URL: sozd.duma.gov.ru/bill/948528-7 (дата обращения 20.09.2020)

Юридические факты как одно из оснований возникновения гражданских правовых отношений

Бабоева Лейла Борисовна, студент магистратуры
Северо-Кавказская государственная академия (г. Черкесск)

В статье рассмотрено понятие юридического факта: мнения ученых относительно понимания данного правового термина. Также автором проанализированы юридические факты как основания возникновения гражданских правоотношений.

Ключевые слова: юридический факт, основание возникновения гражданских правоотношений, сложный юридический факт, правоотношение, гражданские юридические факты, гражданские права и обязанности.

В рамках развития правовой науки была разработана теория юридических фактов. Именно с развитием данного правового института ученые-правоведы связывают активное развитие теории гражданских правоотношений. Так как именно с юридическими фактами связывают процессы возникновения, прекращения и изменения правовых отношений.

Обе выделенные теории развивались практически параллельно и входят в науку теории права. Помимо этого, справедливо необходимо отметить, что учение о юридических фактах является неотъемлемой частью и гражданского права.

Для более детального понимания данного правового института и его влияния на возникновение и развитие правовых отношений необходимо сначала определиться с определением понятия юридические факты.

Не смотря на разностороннее теоретическое изучение данного института, на наш взгляд самое определение «юридический факт» требует более детального изучения.

Для начала необходимо дать легальное определение рассматриваемому понятию. В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ) [2] не содержится конкретной статьи, которая посвящена юридическим фактам. Проанализировав нормы ГК РФ представляется возможным отметить, что в кодексе нет определения понятию «юридический факт», но виды юридических фактов часто упоминаются в различных статьях, например: виды сделок или определенные события, такие как смерть, рождение и др.

По мнению ряда ученых [5] отсутствие легального определения рассматриваемого понятия не является правильным. Именно по этой причине в науке гражданского права имеются столь различные мнения.

Общепризнано считать, что впервые изучаемый термин был применен Ф. К. Савиньи [4]. По его мнению, под юридическим фактом понималось определенное событие, которое давало начало правоотношениям.

По мнению Г. Ф. Шершеневича юридический факт — это «рычаг» гражданского оборота, конкретное основание для возникновения правовых последствий [13].

М. В. Карпычева и А. М. Хужина [7] понимают под юридическими фактами совокупность определённых об-

стоятельств, которые в цивилистической науке связаны с развитием гражданских правовых отношений.

По мнению М. А. Рожковой юридический факт по своей природе должен быть не абстрактным определением, которое расписано в правовой теории, а достаточно реалистичным обстоятельством (жизненным), соответствующим действительности [9].

Изучив мнения ученых, можно прийти к выводу, что под юридическим фактом необходимо понимать определенное жизненное обстоятельство (факт), которое происходит в реальной действительности, в определенной форме (действие или событие), влияющее на возникновение, изменение и прекращение правовых отношений, в том числе и гражданско-правовых. Указанные жизненные обстоятельства, содержатся в нормах права. Но сами по себе данные гражданские правовые нормы не являются основанием для возникновения любого правоотношения.

Для того чтобы правоотношение возникло в реальной действительности необходимо чтобы произошло жизненное обстоятельство (событие или действие), которое с одной стороны может зависеть от воли людей, а с другой может произойти и не зависимо от воли людей. А как было указано выше, эти жизненные обстоятельства и являются юридическими фактами, которые являются основанием для возникновения гражданских правоотношений.

Данное утверждение находит отражение и в нормах законодательства. Как утверждает В. С. Мельников: «в законе указано общее правило, определенная модель, которая определяет из чего состоит гражданское правовое отношение. Но для того, чтобы норма была применима в реальной действительности необходимо обязательное наличие основания. Именно этим основанием и является юридический факт» [11].

Таким образом, юридический факт можно рассмотреть как «нечто связующее» между закреплённой в законе нормой и возникающим правоотношением.

Для того, чтобы возникло правоотношение достаточно и одного юридического факта, но иногда для некоторых правоотношений присуще наличие совокупности юридических фактов. Совокупность фактов может быть как одномоментной, так и длиться во времени последовательно. Такая модель по возникновению гражданского правоотношения

ношения в цивилистике называется «сложным юридическим фактом».

Примером одномоментного юридического факта может считаться заключенный договор купли-продажи, который заключили продавец и покупатель. А вот если речь идет об институте наследства, то для возникновения правоотношений в данной сфере необходима целая совокупность фактов, таких как: смерть наследодателя, открытие наследства, принятие или отказ от наследства и др. Только при наличии всей совокупности указанных фактов правоотношение возникает.

Ранее нами было отмечено, что в нормах ГК РФ содержатся основания возникновения гражданских правовых оснований. Так в статье 8 ГК РФ указан неисчерпывающий перечень оснований. И на первом месте в списке указаны договоры (сделки). Именно договоры являются наиболее распространенными основаниями возникновения правоотношений в гражданском праве и соответственно возникновения прав и обязанностей у субъектов договорных отношений.

Еще одно основание содержится в пункте 1.1. статьи 8 ГК РФ [1]. В указанном пункте прописано, что права и обязанности могут возникнуть и на основании решения собраний. Указанные решения должны быть предусмотрены законодательством. Прямо в законе нет определения понятию решения собраний но Верховный Суд Российской Федерации в постановлении от 26.05.2015 № 25 [3] в пункте 103 указал, что решение собраний это решение определенной группы заинтересованных лиц, точнее даже гражданского правового сообщества, обладающие полномочием по принятию решений, которые будут основанием для гражданских правовых последствий.

Например, на практике к таким решениям относятся решения ряда коллегиальных органов: собрание директоров, общее собрание жильцов многоквартирного дома по вопросам управления совместным имуществом, решения, принимаемые на собрании кредиторов, решения участников общей долевой собственности и др.

Указанное в пункте 1.1. статьи 8 ГК РФ основание в теории гражданского права не всеми учеными принима-

ется однозначно. По мнению ряда авторов [8], рассматриваемое решение это простой локальный акт. По мнению других авторов [12], решения собраний одно из оснований гражданских правовых отношений.

В ГК РФ как основание возникновения гражданского правоотношения указаны и акты органов государственной власти. По нашему мнению, данное основание является одним из элементов сложного юридического факта, а не самостоятельным основанием.

Бесспорными юридическими фактами возникновения гражданских правоотношений является судебное решение приобретение имущества, причинение вреда, неосновательное обогащение и др.

Не менее интересным основанием является и такой юридический факт как создание изобретения, но это основание, так же элемент сложного юридического факта, так как для создания изобретения необходимо не только его физическое создание, но также необходимо пройти процедуру государственной регистрации.

Указанный перечень оснований возникновения гражданских правовых отношений в статье 8 ГК РФ носит открытый характер. И в связи с этим учеными в перечень юридических фактов относятся, например, фактов-состояний. Причем ряд авторов выделяет их в отдельную группу фактов, а другие указывают, что они входят в действия или в события.

По нашему мнению, данное положение противоречит общей теории юридических фактов. Состояние само по себе не представляется возможным отделить от сложного юридического факта или длящегося факта. Само состояние не является основанием, основанием является факт. Таким образом выделять состояние как один из видов юридических фактов не столь целесообразно.

Таким образом, наличие открытого перечня юридических фактов вызывает наличие огромного количества дискуссий в правовой науке. Но в тоже время точное закрепление оснований на данный момент невозможно и все дискуссионные вопросы необходимо разрешать в рамках правовых научных трудов и практической деятельности.

Литература:

1. Федеральный закон № 302-ФЗ от 30.12.2012 «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» перечень оснований возникновения гражданских прав и обязанностей // СПС Консультант плюс. 2020.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; СПС «Консультант плюс». 2020.
3. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант плюс. 2020.
4. Savigny, F. System des heutigen römischen Rechts. T. III, 2003, R. 3. Tsitiruetiya po: Bakirova E. Yu. Yuridicheskie fakty v sovremennom grazhdanskom prave. — М.: Izdatelstvo «Promete», MPG, 2006. 232 s.
5. Антимонов, Б. С., Флейшиц Е. А. Авторское право. М.: Юридическая литература. 280 с.
6. Гражданское право. Под ред. Рассолова М. М., Алексия П. В., Кузбагарова А. Н. М.: Юнити Дана. 2015. 895 С.
7. Гражданское право: учебник: в 2 т. Том 1 / под общ. ред. М. В. Карпычева, А. М. Хужина. М., 2016. 340 с.
8. Корпоративное право: Учебник для студентов вузов / Отв. ред. И. С. Шиткина. М., 2008. 400 с.

9. Рожкова, М. А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010.
10. Андреев, В. К. Решение собраний // Цивилист. 2013. № 3. с. 63–72.
11. Мельников, В. С. Решения собраний — сделка? // Актуальные вопросы юриспруденции. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 3. Екатеринбург, 2016. с. 91–94.
12. Труханов, К. И. Решения собраний — новая категория в Гражданском кодексе РФ // Закон. 2013. № 10. с. 126–129.
13. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права. URL: http://lawdiss.org.ua/books/912.doc.html#_Toc42402221 (дата обращения: 21.08.2020).

К вопросу о применении специальных знаний в уголовном судопроизводстве

Бакурадзе Наталья Сергеевна, студент магистратуры
Оренбургский государственный университет

Ключевые слова: судопроизводство, специальные знания, судебная экспертиза, специалист, эксперт.

Уголовное судопроизводство невозможно представить без использования современных достижений различных наук. Уголовно-процессуальная форма применения специальных знаний — это закрепленная в уголовно-процессуальном законе система случаев и правил применения в предварительном расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел специальных познаний сведущих лиц определенным образом.

Существуют различные виды использования специальных знаний, основным из которых является судебная экспертиза. Сущность судебной экспертизы состоит в проводимом по заданию следователя, дознавателя, суда исследовании сведущим лицом (экспертом) предоставляемых в его распоряжение материальных объектов экспертизы в целях установления фактических данных, имеющих значение для разрешения дела. По результатам проведенного исследования эксперт составляет экспертное заключение, которое является доказательством по уголовному делу.

Специальные знания в уголовном судопроизводстве используются как в процессуальной, так и в непроцессуальной форме.

В процессуальной форме специальные знания используются в виде:

- 1) участия специалиста в производстве процессуальных действий для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств (ст.ст. 58, 74, 80 УПК РФ), оказания помощи следователю при общении с некоторыми категориями лиц (речь идет в первую очередь о педагоге, психологе, переводчике — ст. 191, 280, 425, 59 УПК РФ);
- 2) производстве экспертизы (ст.ст. 80, 195 УПК РФ);
- 3) даче специалистом сторонам и суду консультаций и разъяснений для постановки вопросов эксперту, а также

для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ст. 58, 80 УПК РФ, ст. 25.8 ГПК РФ);

4) дачи специалистом показаний (ст.ст. 74, 80 УПК РФ);

5) привлечения специалистов к участию в документальных проверках, ревизиях, исследований документов, предметов, трупов при рассмотрении сообщения о преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

В зависимости от обязательности привлечения специалистов при проведении следственных действий процессуальные виды использования специальных познаний можно классифицировать на две группы:

1. Требующие обязательного привлечения специалиста:

— Специалиста-медика при осмотре трупа и эксгумации (ст. 178 УПК);

— педагога при допросе малолетних свидетелей и потерпевших (ст.ст. 191, 280 УПК).

— педагога или психолога при допросе подозреваемых, обвиняемых, не достигших 16 лет (ч. 3 ст. 425 УПК);

— переводчика при допросе лиц, не владеющих языком (ст. 18 и др. УПК).

Неиспользование специальных знаний в указанных случаях рассматривается как существенное нарушение процессуального закона, влекущее утрату доказательственного значения результатов таких действий.

В эту группу относят еще одну разновидность использования специальных знаний — привлечение эксперта для проведения экспертиз. Однако данная форма использования лица (в качестве эксперта при проведении экспертизы), обладающего специальными познаниями, в законе и теории обособляется и рассматривается отдельно в связи с особенностями статуса эксперта и его полномочий

по использованию специальных познаний, а также особенностями доказательственного значения заключения эксперта.

2. Случаи необязательного участия специалиста. Все эти случаи можно условно разделить на следующие группы:

2.1. Привлечение специалиста прямо рекомендуется в законе:

— при производстве личного обыска (ч. 3 ст. 184 УПК РФ)

— при наложении ареста на почтово-телеграфные отправления (ч. 5 ст. 185 УПК РФ), для осмотра и выемки этих предметов.

— при производстве освидетельствования (ст. 179 УПК РФ)

— при наложении ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ)

— при получении образцов для сравнительного исследования (ст. 202 УПК РФ).

2.2. Привлечение специалиста прямо не рекомендуется, но допускается по усмотрению следователя. Согласно ст. 168 УПК следователь вправе привлечь специалиста к участию в любом следственном действии. При этом перечень таких следственных действий не ограничен. По своему усмотрению следователь может привлечь специалиста для участия в следственных действиях для помощи в видеозаписи (при допросах, проверках показаний на месте), для помощи в общении и оценке показаний (психолог при допросах) и др.

К непроцессуальным формам использования специальных знаний относятся:

— консультативная помощь специалиста, оказываемая суду и сторонам (ч. 1 ст. 58 УПК РФ);

— производство документальных проверок, ревизий, исследований предметов, документов, трупов в ходе проверки сообщения о преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ);

— оказание технической и консультативной помощи при производстве оперативно-розыскных мероприятий.

К непроцессуальной форме использования специальных знаний можно отнести справочно-консультационную деятельность специалиста. В этой форме специалист оказывает помощь следователю, дознавателю и суду в подготовке и проведении следственных и судебных действий, ставит вопросы перед экспертом, разъясняет сторонам вопросы, входящие в его профессиональную компетенцию.

В непроцессуальной форме возможна дача специалистами заключений адвокатам, так как в соответствии с п. 4 ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат вправе привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи [3].

Хотя заключение специалиста в соответствии с п. 3.1 ст. 74 УПК РФ является доказательством, законом не определена форма получения и оформления заключения специ-

алиста, нет разъяснения по поводу ознакомления специалиста с уголовной ответственностью по ст. 307 УК РФ, кто и каким образом должен брать у специалиста расписку об ознакомлении с ответственностью за выдачу заведомо ложного заключения. И, как правило, на практике следователь и суд фактически не рассматривают заключение специалиста в качестве доказательства.

При участии в следственных действиях специалист, оказывая содействие следователю, не обладает процессуальной самостоятельностью. В таких случаях он выступает либо как технический помощник следователя (помогает собирать следы преступления, фиксировать ход и результаты следственного действия и др.), либо как информационный, психологический помощник, оказывающий помощь.

В специальной литературе отмечается, что определяющее значение в ряду непроцессуальных форм использования знаний сведущих лиц имеет консультативная помощь по поводу весьма широкого круга вопросов, возникающих у сторон при производстве расследования. Отсутствие у такой помощи легитимной формы обусловлено, на наш взгляд, ее вспомогательным значением. Так, например, при подготовке к экспертному исследованию следователь, дознаватель могут получить консультацию относительно объема и качества материалов, необходимых для получения обоснованных и достоверных экспертных выводов; формулировки вопросов, ставящихся перед экспертом и т. д.

На наш взгляд, динамика развития законодательства актуализирует проблему поиска оптимальных критериев разграничения форм участия специалиста (эксперта) в уголовном судопроизводстве. В этой связи позволим себе заметить следующее. В качестве основания разграничения правовых форм использования специальных знаний может выступать функциональная роль сведущего лица и результат оказываемого им содействия. Так, если судебная экспертиза является самостоятельным следственным действием, имеющим своим содержанием производство исследования, то участие в производстве таких следственных действий как осмотр освидетельствование, обыск, выемка и т. д. заключается в фиксации специалистом имеющихся, «лежащих на поверхности» признаков. Этот тезис может быть аргументирован исторически с учетом того факта, что экспертиза обособилась из общей совокупности следственных действий, а именно — из осмотра, что потребовало привлечения к его производству сведущих лиц в ином качестве — в качестве специалистов [5].

Интересна позиция Ю. К. Орлова, который в качестве условий использования специальных познаний в рамках следственных действий называет выявление наглядно воспринимаемых признаков объектов, а также общедоступность его результата для восприятия всеми участвующими лицами [6]. Специалисту, оказывающему содействие в производстве следственных действий, заранее не известен объект применения его знаний, а также пре-

дела такового, т. к. перед ним не ставится конкретных вопросов в период его производства. Следовательно, дознаватель, в зависимости от хода следственного действия и искомого результата могут конкретизировать и уточнять стоящие перед специалистом задачи.

Иную функцию выполняют консультации, которые до принятия УПК РФ имели исключительно непроцессуальную природу, однако в действующем уголовно-процессуальном законе им придается правовое значение, но без регламентации уголовно-процессуального механизма получения и использования сведений, полученных от сведущего лица, которые в материалах уголовных дел фигурируют в виде справок, актов и иных документов, а также протоколов допроса специалиста, в том числе и в качестве свидетеля. Необходимо отметить, что допрос специалиста, в отличие от допросов иных лиц, не имеет доказательственного значения, поскольку он сообщает сведения, которые широко известны в профессиональных кругах, т. е. не требуют доказывания ввиду их справочного характера. Так, если в результате допроса ничего кроме справочных сведений выяснено не будет, то его сущность составит справка-консультация. При этом, содержанием проверочной деятельности, если таковая необходима, будет установление не достоверности сведений, а их общеизвестный для узкого круга специалистов характер.

В этой связи, на наш взгляд, достаточно обосновано справочная деятельность выделяется как самостоятельная форма применения специальных знаний. На

основании эмпирических исследований можно констатировать, что в судопроизводстве фигурируют два вида соответствующей деятельности: 1) предоставление справочной информации по вопросам, по которым исследование уже проведено и интересующие следствие и суд факты установлены; 2) предоставление информации, касающейся какой-либо отрасли знаний, доступной только сведущим в ней лицам. С. А. Шейфер, объединяя оба указанных вида, предлагает определять рассматриваемую форму как «документы справочно-удостоверительного характера» [5].

Таким образом, в зависимости от функциональной роли сведущего лица и результата, оказываемого им содействия, формы применения специальных знаний при судопроизводстве по делу могут быть систематизированы следующим образом:

- 1) проведение исследований с составлением процессуального акта, имеющего доказательственное значение (судебная экспертиза);
- 2) оказание содействия в поиске, обнаружении и фиксации доказательств (участие специалиста в производстве следственных и иных процессуальных действий);
- 3) консультативная и справочно-удостоверительная деятельность (дача устных консультаций, предоставление справок и иных документов, дача показаний специалистом);
- 4) обеспечительная деятельность (участие в уголовном судопроизводстве переводчика, педагога, психолога).

Литература:

1. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации: офиц. текст: принята Всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: по состоянию на 21 июля 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2014. — № 30 (ч. 1). — Ст. 4202. — ISSN 1560-0580.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: офиц. текст: по состоянию на 12 апреля 2019 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2019. — № 52 (Ч. 1). — Ст. 4921. — ISSN 1560-0580.
3. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 N 63-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/
4. Костюковский, К. М. К вопросу о назначении экспертизы // Уголовный процесс. — № 6. — 2011. — с. 31–39.
5. Огнерубов, Н. А., Болгова Н. М. К вопросу о формах использования специальных знаний в современном уголовном судопроизводстве // В сборнике: Современная наука Евразии. Сборник материалов международной научной конференции. Ответственный редактор Л. И. Королев. 2017. с. 6–8.
6. Орлов, Ю. К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве: научно-учебное пособие. — М.: Проспект, 2016 — с. 154.

Некоторые спорные моменты правового положения сторон по договору поставки

Борисов Денис Витальевич, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

В статье рассматриваются особенности правового положения сторон договора поставки. Изучается и анализируется правовой статус поставщика и покупателя, приводятся примеры из судебной практики по возникающим спорам между сторонами.

Ключевые слова: договор поставки, покупатель, поставщик, ответственность, риск, свобода, стороны договора.

Сегодня современные реалии диктуют необходимость постоянного развития экономической деятельности, ее совершенствования и обновления. Любой бизнес не может существовать обособленно, а предприниматель так или иначе имеет множество контрагентов своей деятельности, одним из которых является поставщик.

Предпринимательская деятельность, основанная на купле-продаже, просто не может развиваться без поставок продукции, особенности которой урегулированы договором поставки.

Сам по себе договор поставки представляет собой сделку, заключенную между субъектами — участниками гражданско-правовых отношений, направленную на осуществление предпринимательской деятельности, которая реализуется как поставщиком, так и покупателем.

В настоящее время договор поставки не выделен в самостоятельный договор, а является лишь разновидностью договора купли-продажи, что существенно осложняет не только его правовое регулирование, но и отношения между сторонами договора.

Здесь следует согласиться с высказыванием С. С. Занковского, что договор поставки, норма регулирования которого содержится в ст. 506 Гражданского кодекса РФ [1], представляет собой акт частного права, регулируемого не только законом, но и самими сторонами, но поскольку в российском законодательстве не предусмотрен кодекс о предпринимательской деятельности, то все попытки придать договору самостоятельный вид — отсутствуют. Более того этот договор имеет не только гражданско-правовое регулирование, но и контролируется государством, так как отдельные разновидности поставки заключаются в интересах государства, что ограничивает волю и свободу сторон [4, с. 64].

Незнание особенностей договора, приводит к тому, что стороны, заключая сделку, могут нести убытки или же претерпевать определенные лишения, что является довольно распространенным явлением на практике.

В договоре поставки основными сторонами являются поставщик-продавец и покупатель. Отличительной особенностью отношений между сторонами является то, что в отличие от договора купли-продажи, отношения имеют длящийся характер, оформляются не разовым договором, а имеют долгосрочную договорную конструкцию. Именно долгосрочные отношения и определяют статус сторон.

Статья 506 ГК РФ четко закрепляет, что одна из сторон должна осуществлять предпринимательскую деятельность. В комментариях к рассматриваемой статье ГК РФ указывается, что таким указанием законодатель обязывает предпринимателя взять на себя риск коммерческих убытков при заключении договора, в случаях, когда другая сторона нарушила условия договора и т. д. На это указывает и судебная практика.

Так, примечательным является дело, рассмотренное Арбитражным судом г. Москвы, где ООО «Тарсус» обратилось в суд с исковым заявлением к ООО «Мегаполис» о взыскании задолженности. В обоснование заявленных требований истец указал, что между сторонами был заключен договор поставки на пиломатериалы хвойных пород, где поставщик привез и разгрузил ответчику товар, что подтверждается, по мнению истца, наличием товарных накладных на указанную сумму. Однако ответчик в указанный срок оплату за полученный товар не произвел, на претензию, направленную истцом — не ответил.

Суд, рассмотрев дело, решил в удовлетворении исковых требований. Свое решение судья мотивировал тем, что по смыслу норм права и положений договора, право требовать оплаты переданного товара продавец имеет только тогда, когда у него имеются все надлежащие доказательства приемки товара покупателем. Иначе говоря, исполнение обязательства ненадлежащему лицу приравнивается к неисполнению обязательства и влечет соответствующие последствия. Накладные, предоставленные истцом в суд, как факт получения товара — не подтверждают факт поставки товара ответчику и получение товара ответчиком, поскольку в накладных нет расшифровки подписи лиц в графах, не указаны реквизиты, должности лиц, получивших товар и т. д. Накладные не позволяют установить лиц, получавших от имени ответчика поставляемый истцом товар и, соответственно, сделать вывод о том, что лицо было уполномочено получать товар [6].

Данный пример как раз и характеризует правовое положение поставщика, связанное с рисками ведения своей предпринимательской деятельности.

Что касается правового положения другой стороны — покупателя, то в ст. 506 ГК РФ нет четкого указания на наличие конкретного определенного статуса покупателя, а есть только указание на цель приобретения товара: «... для использования в предпринимательской деятельности или в иных целях, не связанных с личным, семейным, до-

машин и иным подобным использованием». Именно поэтому возникает путаница с понятием «иные цели». Так, п. 5. Постановления Пленума ВАС РФ от 22.10.1997 № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением Положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки» [2] содержит указание на то, что под иными целями следует понимать приобретение покупателем товаров для обеспечения его деятельности в качестве организации или гражданина-предпринимателя. Иначе говоря, по смыслу данного положения — сторона, именуемая «покупатель» должна заниматься предпринимательской деятельностью или быть некоммерческой организацией.

Считаем, что такое положение является двусмысленным и громоздким, поскольку и так легко понять, что договор поставки не является договором для удовлетворения личных нужд.

Однако законодатель прав в том, что указание на «предпринимательскую деятельность как род занятий» дает возможность возложения ответственности на сторону, нарушившую условия договора, а сами стороны несут исключительно имущественную ответственность, даже если были выявлены нарушения неимущественного характера, например, поставщик отгрузил некачественный товар покупателю вследствие технического простоя по вине организации-поставщика, или же установил неисправное оборудование, то в таком случае производитель может подать в суд на последнего, с понуждением возместить ущерб, нанесенный деловой репутации.

Так, АО «Балтик Мастер» предъявило к ООО «Агропромкомплектация-Курск» иск о защите деловой репутации. Между ООО «Агропромкомплектация-Курск» и АО «Балтик Мастер» возник спор, дело было рассмотрено в суде и вынесено решение, что АО должно провести замену холодильника, однако исполнительный лист не поступал. Позднее в компанию позвонил представитель ООО и в ультимативной форме требовал срочного исполнения решения суда, в противном случае грозился разместить порочащую информацию, а также передать ее всем клиентам АО. Информация была действительно размещена, что опорочило честь и деловую репутацию АО «Балтик Мастер». В результате таких действий наступили неблагоприятные последствия для АО, выраженные в отказе на заключение договоров на поставку оборудования от постоянных клиентов, которые уведомили АО «Балтик Мастер», о расторжении договора поставки. Однако суд не удовлетворил исковое заявление, указав, что иски

требования предъявлены к ненадлежащему ответчику, поскольку холодильное оборудование должна была устанавливать компания-посредник, а также не доказано, что именно представителем ООО были распространены порочащие сведения [5].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что обязательство у сторон договора поставки имеют особую природу, отличную от многих других договорных конструкций.

Характеризуя правовое положение покупателя, также следует отметить, что договор поставки имеет систематический длящийся характер, а значит, не может быть использован в личных целях.

По смыслу п. 5. Постановления Пленума ВАС РФ № 18, не является стороной договора гражданин, не занимающийся предпринимательской деятельностью, так как товар, приобретенный у поставщика, должен быть использован в предпринимательских целях.

Некоторые исследователи, например А. Н. Литвиненко, выделяет государство как одну из сторон договора поставки [3, с. 66], законодатель, в свою очередь, таким правовым статусом государство не наделяет. Рассматривая правовое регулирование сторон договора, мы солидарны с законодателем, поскольку в отношениях поставки для государственных нужд предусмотрена специальная отдельная ст. 526 ГК РФ, тем самым не смешивая предпринимателей и государство.

Последний важный момент, на который следует обратить внимание, является «равенство сторон» договора. Иначе говоря, стороны по своему желанию определяют круг прав и обязанностей по договору, а также устанавливают договорную ответственность. Все это делает вышеуказанные субъекты равноправными по отношению друг к другу. Однако, как показывает практика, более слабой «стороной», имеющей больше обязанностей и меньше прав — является именно поставщик, так как несет не только риски, связанные с недостатками продукции, ее недоставкой, но и рискует остаться без оплаты за поставленный товар или же претерпеть ущерб своей деловой репутации. Но так как договор не выделяется в самостоятельный вид, то и отсутствуют возможности для более детального урегулирования правового положения сторон. Позитивным моментом является расширенная свобода воли правовых субъектов, отличающаяся диспозитивностью и вариативностью, чего нет во многих других договорных конструкциях.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть вторая: ФЗ от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. О некоторых вопросах, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки: Постановление Пленума ВАС РФ от 22 октября 1997 г. № 18 // Вестник ВАС РФ. — 2005. — № 12.
3. Литвиненко, А. Н. Нормативное правовое регулирование сферы закупок в Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2017. — № 4. — с. 64–69.

4. Предпринимательское право в XXI веке: истоки и перспективы: монография / под ред. С. С. Занковского, Н. И. Михайлова. — М.: Проспект, 2018. — 672 с.
5. Решение от 20 ноября 2015 г. по делу № А35–7737/2015. Арбитражный суд Курской области (АС Курской области). — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/TjLUL5SPStj/> (27.10.2020).
6. Решение от 28 апреля 2017 г. по делу № А40–24454/2017. Арбитражный суд города Москвы (АС города Москвы). — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/6j0RUKisFtYu/> (24.10.2020).

Обстоятельства, устанавливаемые при выявлении факта нарушения права на судопроизводство в разумный срок

Веретенников Евгений Юрьевич, студент магистратуры
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

В целях создания правового средства защиты прав граждан на осуществления судопроизводства в разумный срок был принят Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [1].

При отправлении правосудия суд устанавливает факт нарушения на судопроизводство в разумный срок исходя из обстоятельств, установленных в части 3 статьи 258 Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ (далее по тексту КАС РФ) [2], часть 2 статьи 222.8 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ (далее по тексту АПК РФ) [3]: правовая и фактическая сложность дела; поведение заявителя и других участников арбитражного процесса; достаточность и эффективность действий суда или судьи, осуществляемых в целях своевременного рассмотрения дела; общая продолжительность судопроизводства по делу и неисполнения судебного акта.

При рассмотрении дел необходимо учитывать правовую и фактическую сложность дела, поскольку вследствие данных особенностей одно дело может оказаться сложнее другого. При этом стоит отметить, что определение сложности дела законодательно не установлено.

Согласно разъяснениям данным пункте 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [4] Верховный Суд РФ указывает, что на сложность дела влияет количество лиц, участвующих в деле, количество допрошенных свидетелей, а также проведенные по делу экспертизы и их сложность. Кроме того, дело может быть осложнено иностранным элементом: участие в деле иностранных граждан, необходимость применения норм иностранного права, необходимость обращения за правовой помощью к иностранному государству.

Такая позиция согласуется с практикой российской судов и Европейского суда по правам человека, из которой следует, что дело может быть признано сложным в случае участия значительного количества лиц, требуется проведение допросов, а также оценка и исследование большого количества доказательств. Правовая сложность может быть связана с применением норм иностранного права, со спецификой рассматриваемых правоотношений.

К примеру, в своем решении от 26.12.2019 по делу № 3а-381/2019 Санкт-Петербургский городской суд [5] указал, что сложность дела обусловлена заявлением требований к нескольким ответчикам, необходимостью истребования дополнительных документов. Аналогичная позиция изложена в решении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 07.09.2020 № Ф02–3519/2020 [6], в котором указано на наличие следующих обстоятельств: предъявленные требования составляют многочисленные факты, требующие оценки, участие в деле нескольких ответчиков, проведение экспертиз.

Еще одним критерием является поведение заявителя и других участников арбитражного процесса. При анализе поведения заявителя и других участников гражданского процесса необходимо учитывать, что со стороны лиц, участвующих в деле отсутствует процессуальная недобросовестность и намеренная затягивание судебного разбирательства, если ходатайства заявленные участвующими в деле лицами предъявлялись в рамках предоставленных законодательством процессуальных средств осуществления своей защиты.

К такому же решению пришел Забайкальский краевой суд по делу № 3–37/2012 [7], указав, что первое назначенное по делу судебное заседание 21.05.2010 г. было отложено по причине неверного указания в исковом заявлении адреса ответчика. Однако судебное разбирательство в связи с этим было отложено на короткий срок — на 27.05.2010 г., о котором ответчик был извещен надлежащим образом. Слушание дела, назначенное на 15.08.2011 г., было отложено по ходатайствам заявительницы и ответчиков по делу по семейным об-

стоятельствам. 4 судебных заседания было отложено по ходатайствам П. Л. М.: 27.05.2010 г. — ходатайство о вызове свидетелей; 17.05.2011 г. — ходатайство о привлечении к участию в деле второго ответчика и уточнение исковых требований; 20.09.2011 г. — заявление об уточнении исковых требований и ходатайство о вызове свидетелей; 18.11.2010 г. — заявление об уточнении исковых требований. Таким образом суд пришел к выводу, что указанные ходатайства заявительницей предъявлялись в рамках предоставленного законодательством процессуальных средств осуществления своей защиты. В связи с этим на нее не может быть возложена ответственность за длительное рассмотрение дела.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» указано, что действия суда признаются достаточными и эффективными, если они осуществляются в целях своевременного рассмотрения дела, в частности, судом эффективно проводилась подготовка дела к судебному разбирательству, осуществлялось руководство ходом судебного заседания в целях создания условий для всестороннего и полного исследования доказательств и выяснения обстоятельств дела, а также из судебного разбирательства устранялось то, что не имело отношения к делу.

Необходимо принимать во внимание, что отложение судебного разбирательства, назначение и проведение экспертизы, возвращение уголовного дела прокурору с целью устранения допущенных нарушений уголовно-процессуального законодательства при производстве дознания и предварительного следствия предусмотрены законом. Однако, если указанные действия совершаются судом без оснований и приводят к увеличению длительности судопроизводства, они могут расцениваться как нарушение разумного срока судопроизводства.

Эффективность и достаточность действий судьи означает, что судья обязан соблюдать процессуальные сроки, а также предпринимать доступные ему меры для предотвращения затягивания судебного процесса.

Действия судебных органов в целях должны быть эффективными и распорядительными. Слушание дела должно откладываться по уважительным причинам, направленным на соблюдение прав участников процесса.

В своем решении Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа от 07.09.2020 № Ф02-3519/2020 [6] оценивая достаточность и эффективность действий суда первой инстанции, осуществляемых в целях своевременного рассмотрения дела, суд округа установил активное поведение участников процесса, а также многочисленные перерывы в рассмотрении дела однако при этом судебные заседания проводились в назначенное время, обоснованность отложения рассмотрения дела судом была мотивирована, определения изготавливались в установленные законом сроки. Судом первой инстанции осуществлялось руководство ходом судебного заседания, ходатайства, направленные на затягивание судебного разбирательства, оставались без удовлетворения

Частью 2 статьи 1 Федерального закона о компенсации установлено, что превышение установленного срока рассмотрения дела, установленного законом, не говорит о нарушении права на судопроизводство в разумный срок. При исчислении общей продолжительности судопроизводства по уголовному делу учитывается только то время, в течение которого дело находится в производстве суда.

Пункт 50 Постановления Пленума № 11 разъясняет, что в общую продолжительность судопроизводства по гражданским, административным делам, делам по экономическим спорам включается период со дня поступления искового заявления суд первой инстанции до дня вступления в законную силу последнего судебного акта по рассмотренному делу, а по делу, производство по которому не окончено, — до дня поступления заявления о компенсации в суд, уполномоченный его рассматривать. Период с момента вынесения определения о передаче кассационной, надзорной жалобы в суд кассационной, надзорной инстанции и до дня вступления в силу последнего судебного акта, которым дело рассмотрено или разрешено по существу, подлежит включению в общую продолжительность судопроизводства.

Таким образом при рассмотрении заявления судья не связан доводами, содержащимися в заявлении о присуждении компенсации, и устанавливает факт нарушения права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок исходя из содержания судебных актов и иных материалов дела. Принятие решения о компенсации осуществляется при установлении факта права на судопроизводство в разумный срок.

Литература:

1. Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Собрание законодательства РФ — 03.05.2010 — № 18 — ст. 2144.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ — 09.03.2015 — № 10 — ст. 1391.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ — 29.07.2002 — № 30 — ст. 3012.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Российская газета — № 72–06.04.2016.
5. Решение Санкт-Петербургского городского суда от 26.12.2019 по делу № 3а-381/2019 // СПС «Консультант Плюс». — URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SARB;n=15_9008#09088202493868809 (дата обращения: 20.10.2020).
6. Решение Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 07.09.2020 N Ф02–3519/2020 по делу N А19–12077/2020 // СПС «Консультант Плюс». http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVS&n=110165#03795627_561831352 (дата обращения: 20.10.2020).
7. Решение Забайкальского краевого суда от 19.07.2012 по делу № 3–37/2012 / СПС «Гарант». <https://base.garant.ru/101298634/> (дата обращения: 20.10.2020).

Специфика расследования преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ. Характерные черты причинно-следственной связи и значение автотехнической экспертизы при ее определении

Генералов Дмитрий Николаевич, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В настоящее время автомобиль стал для нас неотъемлемым атрибутом нашей жизнедеятельности. Но помимо его удобства не стоит забывать и о том, что автомобиль является технически сложным объектом повышенной опасности, а соответственно при безответственной и неосторожной эксплуатации это может привести к ДТП. В своей статье я попытаюсь раскрыть в чем же заключается специфика расследования преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ, а также характерные черты причинно-следственной связи и значение автотехнической экспертизы при ее определении. Данная категория дел является одной из сложных в уголовном праве и требует тщательного анализа для принятия законного решения по делам данной категории.

Актуальность темы подтверждают статистические данные. В 2019 году, по данным ГИБДД, в России произошло 164 358 дорожно-транспортных происшествий, в которых погибло 16 981 человек, пострадали 210 887. В их числе, 19 994 аварий произошло с участием детей. Также, зафиксировано 48 734 случаев ДТП с пешеходами. Число аварий с участием общественного транспорта составило 6 926. Число ДТП с участием водителей с признаками опьянения, составило 19 300, жертвами таких происшествий стали 4 400 человек.

По итогам первого полугодия 2020 год в Российской Федерации отмечается снижение показателей аварийности. Всего на улицах и дорогах страны зарегистрировано 61140 (–13,9 %) ДТП, в которых погибло 6494 (–5,7 %) человека и получили ранения 77892 (–14,7 %). Как представляется, одной из причин такого снижения аварийности стала эпидемиологическая ситуация, связанная с распространением новой корона вирусной инфекции и введением в связи с этим ограничительных мер.

Итак, разберем, в чем же заключается специфика расследования анализируемой категории дел и в чем же их основная сложность.

Для начала необходимо помнить, что помимо наличия тяжких телесных повреждений, установленных судебно-медицинской экспертизой, либо если мы говорим о квалифицирующих признаках ст. 264 УК РФ, то это смерть потерпевшего (потерпевших), для наступления уголовной ответственности нужно установить сам факт нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, причем как в обвинительном заключении, так и в приговоре суда должны содержаться указания на то, какие именно правила были нарушены, в чем выразилось нарушение правил виновным, а не просто констатировать факт этого нарушения, либо указывать соответствующий пункт. Лишь при соблюдении этих требований приговор можно считать законным и обоснованным [1].

На юридической арене неоднократно возникали споры о понятии объективной стороны данного вида преступления и соответственно, что же мы относим к объективной стороне — деяния, нарушающие конкретные правила, указанные в нормативных актах, либо деяния, нарушающие общепринятые меры предосторожности?

Сторонники первой точки зрения приводят свои аргументы, говорящие о том, что поведение водителей транспортных средств, лиц, обслуживающих транспорт, а также лиц, пользующихся им, определяется не только правилами, записанными в соответствующих нормативных актах, техническими, профессиональными правилами работы, но и общепринятыми неписаными правилами предосторожности. Авторы ведут нас к тому, что поведение человека к конкретной дорожной ситуации всегда должно

быть разумным, осмысленным, а не механическим выполнением предписания. К тому же в нормативных актах, какими бы полными они не были, не могут быть исчерпывающе отражены все без исключения фактически существующие правила должного поведения людей при движении и эксплуатации транспортных средств. Полагаю, что данное утверждение в корне неверно, так как с точки зрения теории уголовного права объективной стороной преступления являются действия (бездействие), прямо указанные в уголовном законе (а в случае бланкетной нормы — в иных законах либо подзаконных актах). В ином случае судебно-следственная практика может пойти по пути неоправданного расширения толкования норм уголовного права. Кроме того, водитель, управляющий транспортным средством, вправе рассчитывать на должное, право-послушное поведение иных участников дорожного движения, а также на надежность своей машины, приобретенные навыки управления ею. Многие правила дорожного движения, закрепленные в нормативных актах, итак ориентируются на общепринятые правила предосторожности. В частности, примером такого правила может служить п. 10.1. Правил дорожного движения, устанавливающий, что «Водитель должен вести транспортное средство со скоростью, не превышающей установленного ограничения, учитывая при этом интенсивность движения, особенности и состояние транспортного средства и груза, дорожные и метеорологические условия, в частности, видимость в направлении движения. Скорость должна обеспечивать водителю возможность постоянного контроля за движением транспортного средства для выполнения требований Правил. При возникновении опасности для движения, которую водитель в состоянии обнаружить, он должен принять возможные меры к снижению скорости вплоть до остановки транспортного средства». Данное правило как раз рассчитано на проявление предосторожности при соблюдении скоростного режима. При более детальном рассмотрении этого правила можно увидеть, что скорость, даже не превышающая установленных ограничений, может быть признана выбранной неправильно в зависимости от дорожных условий.

Другое дело, что правовые нормы, закрепленные в нормативных актах, должны быть ясными, понятными и четкими, не допускать двусмысленного толкования, содержать неточные и сомнительные положения. В качестве примера можно привести тот же п. 10.1 Правил дорожного движения, который, в частности, гласит, что «при возникновении опасности для движения, которую водитель в состоянии обнаружить, он должен принять возможные меры к снижению скорости вплоть до остановки транспортного средства». Как известно, в уголовном законе имеется два критерия неосторожной вины «мог предвидеть» и «должен предвидеть». С точки зрения правил дорожного движения здесь присутствует только субъективный критерий, причем названный иным термином «в состоянии». Получается, что второй критерий может от-

сутствовать, что затрудняет установление вины в форме небрежности в деянии водителя транспортного средства.

Тем не менее, для состава преступления, предусмотренного ст.264 УК РФ, необходимо, чтобы общественно опасные действия (бездействия) лица выразились в нарушении правил безопасности движения или правил эксплуатации, которые должны быть как можно более подробно регламентированы в нормативных актах.

В деянии лица, нарушившего Правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, содержится состав преступления лишь в том случае, когда в результате данных нарушений наступают указанные в законе последствия. Федеральный закон Российской Федерации «О безопасности дорожного движения» под дорожно-транспортным происшествием определяет событие, возникшее с процессе движения по дороге транспортного средства и с его участием, при котором погибли или ранены люди, повреждены транспортные средства, сооружения, грузы, либо причинен иной материальный ущерб [2].

Очень важным является установление причинно-следственной связи между ДТП и наступившими последствиями. Допустим установлено что у одного из участников ДТП выявлен тяжкий вред здоровью, очень важным при этом является вопрос — «А в результате чьих действий усматривается нарушение правил дорожного движения, и могли ли водители избежать ДТП?». Одним словом установить причины ДТП. На данный вопрос нам отвечает назначенная автотехническая экспертиза, которая в какой-то степени и вершит правосудие. Именно на решения экспертов как основное доказательство и ссылаются органы следствия. Однако, все же экспертиза проводит оценку с точки зрения механики ДТП, причинах его образования т. е. отражает свое название дает нам лишь техническую сторону вопроса, но не может раскрыть нам правовой аспект. Называя предположительные причины ДТП все остальные пункты, а именно субъективные качества водителя (самообладание, физическое состояние, профессионализм и т. п.) выходит за пределы компетенции эксперта-автотехника и относится к прерогативе следственных и судебных органов. Тут органы следствия рассчитывают уже на свой профессионализм и ноты закона. Техническая сторона вопроса раскрыта, ответы на те вопросы, на которые следователь в силу своего положения и знаний не сможет ответить, получены. Как правило в таких случаях параллельно с вопросами о механизме ДТП и технического состояния транспортных средств, а также причин происшествия, эксперту ставятся вопросы о том, какие именно ПДД были нарушены. Таким образом следователь облегчает себе задачу и уже не ищет в чем же именно было нарушение, ведь эксперт ответил ему на все интересующие вопросы. И что получается, автотехническая экспертиза говорит нам, что избежать ДТП виновник имел возможности, но в силу каких-либо обстоятельств не предпринял попыток, чтобы его избежать, конкретные нормы Правил дорожного движения

есть (как правило, основным пунктом нарушения является п. 10.1 ПДД), да еще и судебно-медицинская экспертиза указывает нам на тяжкие последствия аварии, вроде бы все есть и вот только при наличии всего вышеуказанного комплекса данных следователь может сделать вывод о наличии либо отсутствии состава преступления в действиях виновника ДТП.

Давайте подробно разберем, что же именно может сказать нам одна только автотехническая экспертиза.

В рамках автотехнической судебной экспертизы обстоятельств ДТП решаются следующие задачи:

- определение скорости движения ТС;
- определение тормозного и остановочного пути, а также остановочного времени ТС;
- определение удаления ТС, пешеходов и иных объектов от места ДТП в заданные следствием (судом) моменты;
- установление технической возможности предотвращения ДТП торможением и объездом в заданные следствием (судом) моменты;
- определение времени преодоления ТС конкретных участков пути;
- установление момента возникновения опасности для движения, требующего принятия экстренных мер по предотвращению ДТП (наезда на препятствие, столкновения ТС, опрокидывания и т. д.), если при этом необходимы специальные познания в проведении соответствующих расчетов, моделирования и эксперимента;
- как должен был действовать водитель в сложившейся ДТС с точки зрения обеспечения безопасности движения;
- какие именно действия водителя по управлению ТС, начиная с момента возникновения опасности для движения, могли предотвратить ДТП и какими именно требованиями Правил дорожного движения (ПДД) они предусмотрены;
- установление технической возможности у водителя в момент, указанный органом, назначившим экспертизу, совершить действия, предписанные теми или иными пунктами ПДД, во избежание происшествия;
- установление технической возможности у водителя предотвратить ДТП путем снижения скорости движения ТС или объездом в момент, определенный органом, назначившим экспертизу, когда водитель должен был и мог предвидеть возникновение препятствия либо опасности для движения;
- установление технической возможности предотвращения ДТП не только по исходным данным, указанным органом, назначившим экспертизу, но и по полученным экспертом расчетным путем результатам, в том числе и по нескольким вариантам обстановки происшествия, вытекающим из материалов дела. На противоречивость исследованных вариантов эксперт указывает в своем заключении;
- определение причин и условий, связанных с организацией дорожного движения, способствующих совершению ДТП.

Судебная экспертиза следов на ТС и месте ДТП (транспортно-трасологическая диагностика) включает комплексное трасолого-автотехническое исследование транспортных средств (ТС), различных объектов, следов и обстановки на месте происшествия в целях определения траектории и характера движения относительно расположения ТС, пешеходов и других объектов до столкновения (наезда) и установления места столкновения (удара), наезда, опрокидывания.

В рамках судебной экспертизы следов на ТС и месте ДТП решаются следующие задачи:

- определение механизма ДТП;
- установление механизма взаимодействия ТС при столкновении;
- установление механизма наезда на пешеходов (животных) и неподвижные препятствия;
- определение угла взаимного расположения ТС и направления удара в момент столкновения;
- установление взаимного расположения ТС относительно границ и оси проезжей части;
- определение места столкновения ТС или места наезда на пешеходов;
- установление факта движения или неподвижности ТС при столкновении;
- определение части ТС, которой нанесены повреждения потерпевшим;
- определение по характеру повреждений на ТС места нахождения потерпевшего в салоне, кабине ТС момент столкновения;
- установление частей ТС, контактировавших между собой в первичный момент столкновения;
- Наряду с приведенными задачами существует ряд задач, решаемых экспертизой следов на ТС и месте ДТП в комплексе с судебно-медицинской экспертизой:
- установление взаиморасположения человека и частей ТС.

Исходя из вышеуказанного мы видим, что перечень вопросов очень велик, касательно и участников ДТП, и места аварии, а также технического состояния транспортного средства. Перечень вопросов вытекает из конкретных случаев будь то наезд на пешехода или столкновение двух и более автомобилей. Тут сам следователь в зависимости от ситуации должен оценить, какие же вопросы помогут ему в дальнейшем принять законное и обоснованное решение. Но не смотря на это все же можно выделить ряд вопросов которые являются не просто обязательными, а именно позволяющими установить реальную причинно-следственную связь между деяниями и последствиями, а именно такие как техническое состояние ТС, наличие возможности избежать ДТП у его участников, имелись ли нарушения правил дорожного движения как, наверное, самый основной вопрос, ведь не будем забывать о том, за что наступает ответственность в соответствии с ст. 264 УК РФ — нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством,

правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств.

Говоря о ДТП, нельзя не затронуть вопрос применения п. 10.1 Правил дорожного движения. Из его содержания следует, что водитель должен вести транспортное средство со скоростью, не превышающей установленного ограничения, учитывая при этом интенсивность движения, особенности и состояние транспортного средства и груза, дорожные и метеорологические условия, в частности видимость в направлении движения. Скорость должна обеспечивать водителю возможность постоянного контроля за движением транспортного средства для выполнения требований ПДД.

При возникновении опасности для движения, которую водитель в состоянии обнаружить, он должен принять возможные меры к снижению скорости вплоть до остановки транспортного средства.

Применительно к ст. 264 УК РФ под движением понимается перемещение транспортного средства, которое начинается с момента движения элементов ходовой части (колес) с места до полной остановки [3]. Исходя из вышесказанного, в этой дорожной ситуации основным с точки зрения наличия признаков состава преступления и круга обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указанных в ст. 73 УПК РФ, является определение момента возникновения опасности для водителя. И здесь весьма тонкая грань между субъективной и объективной стороной вопроса. И тут необходимо уточнить как же толковать момент возникновения этой самой опасности, ведь ПДД не говорит нам конкретно что именно будет являться тем самым моментом, полагаться на субъективное толкование следствием и судом неприемлемо, так как это означало бы произвольное применение уголовного права и игнорирование основных межотраслевых принципов.

В этих случаях принципиальное значение с позиции объективного разрешения правового конфликта должны иметь выработанные общеправовой наукой методологические установки о правилах толкования.

А. В. Мадьярова полагает, что отраслевые методологические установки материального уголовного права предъявляют к правоприменителю следующие требования:

- ориентация на ограничение рамок индивидуального усмотрения и предпочтение законодательной дифференциации;
- максимальная конкретность и однозначность правовых предписаний; строгое (буквальное) толкование закона и недопустимость признания преступными деяний, прямо не предусмотренных уголовным законом;
- резкое ограничение круга источников права [5].

Сами Правила дорожного движения говорят нам о том, что «опасность для движения» — это ситуация, возникающая в процессе дорожного движения, при которой продолжение движения в том же направлении и с той же скоростью создает угрозу возникновения дорожно-транспортного происшествия.

Конечно, говоря о толковании той или иной нормы мы должны не забывать, что научное толкование от реального применения отличны, тут наглядный пример «конфликта теории и практики», ведь уголовные дела связанные с ДТП очень специфичны, требуют обширных знаний в данной области и четкого следования нормам права. Сейчас речь идет именно о судебной практике, так как суд это как раз-таки тот орган, который и должен сделать окончательный вывод о виновности или невиновности участников ДТП.

В своих решениях Верховный Суд РФ конечно же не в состоянии конкретизировать широчайший диапазон всех случаев правовых конфликтов, возникающих в судебно-следственной практике по делам о преступлениях, связанных с ДТП, в силу индивидуальности каждой ситуации. Вследствие этих причин другим из приоритетных направлений в проблемных вопросах толкования отдельных положений материального уголовного закона имеет формирование Верховным Судом РФ в актах толкования права единообразного подхода, раскрывающего механизм и особенности разрешения правовых конфликтов.

Рассмотрим содержание термина «возникновение опасности для движения», раскрываемое Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения».

Пункт 6 Постановления Пленума гласит: «...при возникновении опасности для движения, которую водитель в состоянии обнаружить, он должен принять меры к снижению скорости вплоть до остановки транспортного средства. Уголовная ответственность по ст. 264 УК РФ наступает, если у водителя имелась техническая возможность избежать дорожно-транспортного происшествия и между его действиями и наступившими последствиями установлена причинная связь».

В п. 7 речь идет о том, что решение вопроса о наличии технической возможности предотвращения транспортного происшествия зависит от того, что момент возникновения опасности для движения определяется в «каждом конкретном случае с учетом дорожной обстановки, предшествующей дорожно-транспортному происшествию. Опасность для движения следует считать возникшей в тот момент, когда водитель имел объективную возможность ее обнаружить» [4].

Таким образом можно сказать, что обнаружение опасности индивидуально для водителя и таким образом здесь идет речь именно о субъективных качествах водителя, которая ложиться на органы следствия и суда.

Возвращаясь к применению пункта 10.1 ПДД, упомянутого выше, то этот пункт, наверное, самый часто используемый при квалификации содеянного. К слову, пункт очень неоднозначный при чем зачастую вне зависимости от того имелись ли иные нарушения правил дорожного движения или же водитель был весьма аккуратен

при эксплуатации транспортного средства и не позволил себе нарушения каких-либо правил дорожного движения, однако, «водитель должен вести транспортное средство со скоростью, не превышающей установленного ограничения, учитывая при этом интенсивность движения, особенности и состояние транспортного средства и груза, дорожные и метеорологические условия, в частности видимость в направлении движения. Скорость должна обеспечивать водителю возможность постоянного контроля за движением транспортного средства для выполнения требований Правил. При возникновении опасности для движения, которую водитель в состоянии обнаружить, он должен принять возможные меры к снижению скорости вплоть до остановки транспортного средства».

К сожалению, даже при полной уверенности в своей правоте и при отсутствии каких-либо нарушений водителем, судебная автотехническая-экспертиза, а затем и органы следствия и суда указывают, что «п.10.1 ПДД будет железно!». Соответственно напрашивается вывод, а что же, собственно, исключит вину водителя в дорожно-транспортном происшествии, или же водитель, совершивший ДТП, в любом случае виновен и будет привлечен к ответственности?

Как мы уже выяснили и как нам говорит судебная практика, все зависит от конкретного случая. Да, это безусловно так, поэтому разберемся в этом вопросе на конкретном примере.

В один из не самых приятных, исходя из погодных условий, январских дней на федеральной трассе столкнулись два легковых автомобиля ВАЗ 2107 и Toyota «Corolla». Причиной ДТП стал выезд автомобиля ВАЗ 2107 на полосу встречного движения, в результате чего произошло столкновение, водитель автомобиля Toyota «Corolla» получил многочисленные переломы костей таза, что в соответствии с заключением судебно-медицинской экспертизы является тяжким вредом здоровью, что уже является первой предпосылкой для состава преступления предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ. Предположительная скорость движения виновника ДТП составляла 50–60 км/ч, что отвечало требованиям Правил дорожного движения, видимость трассы в соответствии с протоколом составила 250 м. Как уже говорилось ранее, погодные условия были очень плохими, шел то снег, то дождь при температуре воздуха -2 градуса, на дорогах образовался гололед при отсутствии каких-либо работ по очистке трассы, да еще и сильный боковой ветер до 15 м/с. Со слов виновника ДТП скорость 50–60 км/ч (при допустимой 90 км/ч) была выбрана как раз по причине плохих погодных условий и отвечала требованиям ПДД. Как установлено органами расследования причиной заноса, а в последующем и выезда на встречную полосу автомобиля ВАЗ 2107 стал наезд на довольно-таки высокий (8–13 см.) по отношению к асфальтному покрытию обледенелый участок дороги, в результате удара об наледь машину занесло и произошел выезд на встречную полосу, а затем и столкновение с автомобилем Toyota «Corolla»,

который в момент заноса находился в 5–10 метрах от виновника ДТП и двигался примерно с той же скоростью. Со слов обоих водителей, возможности избежать столкновения не было ни у первого, ни у второго. В последующем по результатам назначенной автотехнической экспертизы, на вопрос о том имел ли возможность водитель ВАЗ 2107 избежать ДТП ответ был однозначен — «имел возможность при выполнении конкретных действий по снижению скорости в плоть до полной остановки и стабилизации транспортного средства», при этом во внимание экспертов и органов следствия даже не вошло расстояние между столкнувшимися автомобилями, напоминая это примерно 5–10 м. Многие, наверное, скажут «он же наехал на наледь, он же должен был ее видеть». Однако, напоминая и про погодные условия! В этот день шел снег с дождем, дорогу замело и под покровом снега видимость трассы значительно ухудшилась. К вопросу о том «Мог ли?» ответом было — «Должен, соответственно виноват! Нарушил п. 10.1 и отсюда вытекает и выезд на встречную полосу!» В данном случае вышеуказанный пункт правоприменителями трактуется так, что водитель вообще должен был остаться дома и никуда не ехать. В данном примере тут вам и субъективные качества водителя, и момент обнаружения опасности, и то как в данном случае ведут себя органы следствия и суда, руководствуясь при этом результатами экспертизы.

Как мы уже смогли убедиться вопросы, связанные с производством процессуальной проверки и расследованием уголовных дел по ДТП (ст. 264 УК РФ) весьма специфичны и требуют обширных знаний именно технической составляющей механизма ДТП. Наверное именно по этой причине, помимо иных доказательств, приоритетным будет все же заключения экспертов, ну, а именно первая составляющая состава преступления это наличие тяжких телесных повреждений (судебно-медицинская экспертиза) и установление самого факта нарушение правил дорожного движения и наличие либо отсутствие реальной технической возможности избежать ДТП (автотехническая судебная экспертиза). Два этих факта неразрывно связаны и именно они и образуют ту самую обязательную причинно-следственную связь между действием и последствием.

К сожалению, глядя на судебную практику оправдательные приговоры по анализируемой категории дел бывают крайне редки, что наводит нас на мысль о том, что у тех, кто оказался на скамье подсудимых очень мало шансов. Ведь действительно есть случаи, где нарушения правил дорожного движения носят весьма неоднозначный характер, как тот же самый пункт 10.1 ПДД. Ну вроде бы и скорость выбрал соответствующую и ехал аккуратно, а ДТП избежать не смог. Но даже несмотря на это всегда нужно не забывать, что автомобиль — это прежде всего источник повышенной опасности и водитель, каждый раз садясь за руль должен помнить о том, что любая даже незначительная оплошность может привести к непоправимым последствиям.

Литература:

1. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения (ст. 211, 211–2, 148–1 УК РСФСР). Постановление Пленума ВС РСФСР от 22 октября 1969 г. № 50 (с послед. изм. и доп.) // Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР (РФ) по уголовным делам. — М., 1997. — с. 364.;
2. Закон «О безопасности дорожного движения». Ст. 2 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 50.;
3. Постановление правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. От 26.03.2020) «О правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»): [утверждены Постановлением совета министров Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. N 1090];
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 N 25 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»
5. Мадырова, А. В. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в механизме правового регулирования. СПб., 2002. с. 11.

Понятие, задачи прокурорского надзора за исполнением законов органами дознания

Генералов Дмитрий Николаевич, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Прокурорский надзор за исполнением законов органами дознания является одним из видов надзора, осуществляемого прокуратурой Российской Федерации. Анализ законодательных актов позволяет заключить, что данный вид надзора является одним из основных осуществляемых органами прокуратуры РФ, в связи с чем необходимо определить с его значением.

Безусловно, прокурорский надзор означает надзор, осуществляемый прокурором или прокуратурой, правовое положение которой в Российском государстве определяется Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202–1 [15] (далее — закон «О прокуратуре Российской Федерации»). В Конституции РФ [10] также установлено, что полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры определяются федеральным законом (ч. 1 ст. 129), в качестве которого следует назвать закон «О прокуратуре Российской Федерации». Согласно этому закону основным направлением деятельности, подлежащим осуществлению прокуратурой, является надзор, о чем говорится в ч. 1 ст. 1 приведенного федерального закона, устанавливающего прокуратуру как единую централизованную федеральную систему органов по надзору от имени Российской Федерации за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации.

О. В. Воронин также называет прокурорский надзор в качестве основной функции «отечественной прокура-

туры» [7]. Аналогичное мнение высказывает Ш. Ш. Байрамов [2], что справедливо и соответствует п. 1 ст. 1 закона «О прокуратуре Российской Федерации», в которой иные функции прокуратуры указаны в числе полномочий прокуратуры, но без приведения их перечня и путем их общего формулирования, как «иные функции, установленные федеральными законами». Помимо этого, в тексте рассматриваемого закона в п. 2 ст. 1 приводятся кроме надзора и другие полномочия прокурора такие, как уголовное преследование на основе уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, административное производство на основе Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. А также прокуратура Российской Федерации принимает участие в правотворческой деятельности. По мнению О. В. Воронина тем самым «была закреплена многофункциональная модель прокурорской деятельности» с провозглашением основного назначения прокуратуры в осуществлении надзора [6].

А. Ю. Винокуров и Ю. Е. Винокуров определяют прокурорский надзор, как «вид государственной деятельности, осуществляемый исключительно органами прокуратуры и выражающийся в проверке соблюдения Конституции РФ и действующих на территории РФ законов присущими прокурорам правовыми средствами надзора» [5]. Указанные авторы, продолжая раскрывать понятие прокурорского надзора, пишут, что это «форма государствен-

ного контроля в сфере обеспечения законности, при- сущий только органам прокуратуры» [5, с. 18].

В свою очередь надзор прокуратуры в законе «О про- куратуре Российской Федерации» подразделяется на раз- личные виды, что позволяет ученым В. Г. Бессарабову и другим справедливо оценивать, что это — «огромный фронт работы по надзору за исполнением законов практи- чески во всех ключевых сферах общественной жизни» [3; 16]. С. А. Воронин называет их «отраслями надзора», ко- торые указаны в ст. 1 закона «О прокуратуре Российской Федерации» [16].

Исходя из положений закона, можно выделить ос- новные виды (отрасли) надзора прокуратуры РФ, пе- речисленные в первых пяти (5) пунктах п. 2 ст. 1 закона «О прокуратуре Российской Федерации». В третьем по счету абзаце предусмотрен надзор прокуратуры РФ за исполнением законов органами, осуществляющими опе- ративно-розыскную деятельность, дознание и предвари- тельное следствие. В свою очередь в 3 абзаце п. 2 ст. 1 закона «О прокуратуре Российской Федерации» произ- ведено соединение в одной отрасли надзора несколько отличных друг от друга видов деятельности: оператив- но-розыскной и уголовно-процессуальной, которая включает в себя дознание и предварительное следствие, поскольку они регулируются различными федераль- ными законами и отличаются специфичными методами осуществления.

Данный надзор обладает определенной спецификой, отличающей его от других видов прокурорского над- зора. В главе 3 раздела III Федерального Закона «О Про- куратуре РФ» указаны признаки предмета присущие данному направлению, а именно: «Предметом надзора яв- ляется соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сооб- щений о совершенных и готовящихся преступлениях, вы- полнения оперативно-розыскных мероприятий и про- ведения расследования, а также законность решений, принимаемых органами, осуществляющими оператив- но-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие» [15].

В процессе надзорной деятельности за органами до- знания на протяжении всей их деятельности, прокурор решает следующие основные задачи, направленные на выявление нарушений: — прав и законных интересов как потерпевших от преступлений; так и лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, и избрании в отношении них мер пресечения при расследовании преступлений; иных участников уголовного судопроизводства; — по- рядка приема, регистрации и проверки сообщений о пре- ступлениях; порядка возбуждения уголовных дел; по- рядка принятия органами дознания предусмотренных законом мер по установлению виновных лиц, порядка по- лучения и сохранения вещественных доказательств, до- бытых на этом этапе досудебного производства; — при проведении предварительного расследования, а именно общих требований закона к порядку производства пред-

варительного расследования и непосредственно произ- водства каждого процессуального действия; — при при- нятии решений органами, осуществляющими дознание, в ходе реализации своих полномочий. В случае выявления указанных нарушений закона перед прокурором стоит задача по их устранению. Кроме того, прокурор должен обеспечивать решение задачи по пресечению указанных нарушений в дальнейшем, их развитию и наступлению отрицательных последствий, по принятию мер по пре- дотвращению нарушений закона в последующем, по обе- спечению привлечения виновных лиц к соответствующей юридической ответственности и восстановлению нару- шенных на досудебной стадии уголовного судопроизвод- ства прав граждан. При этом, разрешая указанные задачи, прокурор использует предоставленные ему законом пол- номочия. Поскольку производство дознания напрямую связано с правами и свободами человека и гражданина, поэтому и законодатель в качестве первого элемента пред- мета надзора закрепил именно соблюдение прав и свобод человека и гражданина.

УПК РФ (ч. 1 ст. 37) устанавливает, что прокурор яв- ляется должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уго- ловного судопроизводства, а также надзор за процессу- альной деятельностью органов дознания и органов пред- варительного следствия.

При этом не является смысловым различие в сфор- мулированном в УПК РФ и Законе «О прокуратуре РФ» подходе к определению прокурорского надзора за испол- нением законов органами дознания и органами предва- рительного следствия. В данном случае следует согла- ситься с мнением А. Г. Халиулина: «Представляется, что надзор за процессуальной деятельностью органов до- знания и органов предварительного следствия также яв- ляется надзором за исполнением законов этими органами, так как вся процессуальная деятельность осуществляется исключительно на основе закона» [12]. Вместе с тем, ви- дится обоснованной позиция Ш. М. Абдул-Кадырова, что «закрепленное в ст. 37 УПК РФ понятие «надзор за про- цессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия» не является полным и не отражает сути правоотношений, которые складываются в данной сфере. Прокурор ни в какой сфере надзор за дея- тельностью не осуществляет, а осуществляет надзор за ис- полнением законов» [1].

Достаточную неопределенность в теории уголовного процесса и прокурорского надзора создает отсутствие единого определения понятия «прокурорский надзор», а также отсутствие единого представления о прокурор- ском надзоре в уголовном судопроизводстве. С точки зрения законодательства этот вопрос до сих пор оставлен без ответа. В юридической литературе встречаются раз- личные определения термина «прокурорский надзор». Понятие «надзор» имеет значение «присмотр», а «над- зирать» означает «насматривать, наблюдать, наглядь-

вать» [8]. Кроме того, термин «надзирать» подразумевает собой «наблюдать с целью присмотра, проверки» [11].

О. С. Капинус и В. П. Рябцев полагают, что «главной функцией прокуратуры является прокурорский надзор» [13], кроме того, «признаками самостоятельной функции обладает осуществляемое прокуратурой уголовное преследование за совершение преступлений» [13].

Уголовное преследование служит осуществлению надзорной деятельности прокурора и является задачей прокурора в досудебном производстве: «Уголовное преследование не следует рассматривать как самостоятельную функцию прокуратуры в предварительном следствии, такой характер она приобретает при участии прокурора в рассмотрении уголовных дел в суде. Вместе с тем следует учесть, что уголовное преследование является основой досудебного производства и составляет содержание деятельности органов предварительного следствия. Соответственно прокурор, выступая в качестве надзирающего органа за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, связан с осуществлением деятельности по уголовному преследованию. Поэтому уголовное преследование служит осуществлению его надзорной деятельности и выступает задачей прокурора в предварительном следствии» [4].

А. В. Смирнов, исследуя роль прокурора в досудебном производстве, считает возможным ему поступиться уго-

ловным преследованием ради надзора за исполнением законов: «Надзорная функция прокурора на предварительном расследовании проявляется там, где он руководствуется исключительно интересами строгого и точного исполнения закона, жертвуя ради этого, если потребуется, даже эффективностью уголовного преследования» [14].

Одно из наиболее радикальных решений проблемы высказано О. А. Кожевниковым: «Прокурорский надзор за исполнением законов при проведении дознания и предварительного следствия есть отдельное направление деятельности российской прокуратуры. При этом на нее не может быть возложено уголовное преследование, являющееся функцией органов предварительного расследования» [9].

На основе вышесказанного и полного анализа действующего законодательства, а также статистических данных, можно сделать вывод: прокурорский надзор за исполнением законов органами дознания является одним из главных направлений деятельности органов прокуратуры РФ и ее должностных лиц. Именно развитие данного вида надзора будет способствовать законному, полному и надлежащему расследованию уголовных дел на стадии предварительного расследования, так как после радикальных изменений в 2019 году в УПК РФ, была выявлена отрицательная статистика, которая свидетельствует о многочисленных нарушениях, допущенных органами дознания.

Литература:

1. Абдул-Кадыров Ш.М. Осуществление прокурором уголовного преследования и надзора за исполнением законов в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / АбдулКадыров Шарпудди Муайдович. М., 2015. с. 8.
2. Байрамов Ш.Ш. Проблемные аспекты надзора за исполнением законом как основная функция прокурора в досудебной стадии уголовного процесса // Российский следователь. 2014. № 6. с. 12.
3. Бессарабов В.Г., Иголина Н.А., Викторов И.С., Буренина О.В. К вопросу о критериях эффективности прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 8. с. 47-53.
4. Буглаева Е.А., Виноцкий Л.В. Участие прокурора в ходе предварительного следствия: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. с. 44.
5. Винокуров А.Ю., Винокуров Ю.Е. Прокурорский надзор: учебник для прикладного бакалавриата / под общ. ред. А.Ю. Винокурова; 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015. с. 17.
6. Воронин О.В. О некоторых тенденциях развития отечественной прокурорской деятельности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 4 (10). с. 70.
7. Воронин О.В. Теоретические основы современной прокурорской деятельности / под ред. д.ю.н. А.Г. Халиуллина. Томск, 2013. с. 55.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. И — О. М.: Русский язык, 1979. с. 401.
9. Кожевников О.А. Участие прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: монография. Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2007. с. 62.
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 15. Ст. 1691.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. с. 379
12. Прокурорский надзор: учебник / под ред. А.Я. Сухарева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. с. 261.

13. Прокурорский надзор: учебник для вузов / О.С. Капинус и др.; под общ. ред. О.С. Капинус; науч. ред. А.Ю. Винокуров. М.: Издательство Юрайт, 2014. Серия: Бакалавр. Углубленный курс. с. 63.
14. Уголовный процесс: учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. А. В. Смирнова. — 7-е изд., перераб. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. — 752 с.
15. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 19.12.2016) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от .12.2016 г. и с изм., доп., вступ. в силу с 1.01.2017 г.) // Российская газета. 2001. № 249. 22 декабря.
16. Воронин С.А. Надзорная функция прокуратуры (теоретический аспект) // Административное и муниципальное право. № 5. 2016. с. 435.

Теоретико-правовые аспекты уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления

Гильмуханова Алсу Айратовна, студент

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия

Научный руководитель: Сундуков Федор Романович, доктор юридических наук, профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет

«Уголовная ответственность юридических лиц» — данное понятие прозвучало на законопроектном уровне еще несколько назад. Тем не менее, надо отметить, что появление подобного законопроекта не было неожиданным, так как данная идея была предложена еще в 2011 году [1].

Актуальность тему обусловлено тем, что в современных условиях юридические лица наряду с физическими лицами являются полноправными участниками правоотношений. К сожалению, деятельность юридических лиц не всегда направлена на благо общества, иногда умышленно или по неосторожности юридические лица причиняют ущерб охраняемым законом интересам.

В настоящее время ответственность юридических лиц регламентируется нормами гражданского, административного права. В ряде зарубежных стран для юридических лиц предусмотрена и уголовная ответственность, данный институт активно применяется на практике и продолжает развиваться.

Сегодня в российском законодательстве ответственность юридических лиц закреплена в Гражданском Кодексе Российской Федерации и Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации. ГК РФ подробно регламентирует гражданско-правовую ответственность юридических лиц, а КОАП РФ — административно-правовую. В Уголовном Кодексе нашей страны упоминаний об уголовной ответственности юридических лиц нет вовсе.

По УК зарубежных государств вид ответственности юридических лиц (в том числе и за коррупционные преступления) предусмотрен и существует довольно давно и продолжает развиваться. Этот институт действует во

всех странах англо-американского права, в том числе в Великобритании, Ирландии, США, Канаде, Австралии. В странах романо-германской правовой семьи при привлечении к уголовной ответственности юридических лиц обычно используются те же процедуры, что и при привлечении к такой ответственности физических лиц в рамках одного (общего для физических и юридических лиц) уголовного дела, по которому выносится один (общий для них) приговор [2].

В России данный вопрос рассматривался неоднократно, но ввиду различных причин, он так и остался неразрешенным. Что же помешало данному институту закрепиться на законодательном уровне?

Данная идея не совсем согласуется с некоторыми элементами состава коррупционных преступлений. Причинами является следующее.

Общеизвестно, что к признакам субъективной стороны относятся вина, мотив и цель совершения преступления. Вина — это психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию и его последствиям в форме умысла и неосторожности. Как известно, в УК РФ четко установлено, что уголовная ответственность наступает только в том случае, если установлена вина субъекта (лица) [3]. Установление формы вины правоохранительным органам на практике в отношении юридических лиц, по нашему мнению, является практически невозможным.

В Федеральном законе РФ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», в ст. 1 говорится о том, что коррупцией является «совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица», то есть не самим юридическим

лицом, а физическим от его имени. В ст. 14 названного закона предусматривается, что в случае, если от имени или в интересах юридического лица осуществляются организация, подготовка и совершение коррупционных правонарушений или правонарушений, создающих условия для совершения коррупционных правонарушений, к юридическому лицу могут быть применены меры ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации» [4].

Применение мер ответственности к юридическому лицу не освобождает от ответственности за данный вид правонарушения виновное физическое лицо, равно как и привлечение к уголовной ответственности за коррупционное правонарушение физического лица не освобождает от ответственности за данное коррупционное правонарушение юридическое лицо.

Тем самым, законодатель не стал подвергать сомнению устоявшиеся принцип вины (ст. 5 УК РФ), основания уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ), общие условия уголовной ответственности (ст. 19 УК РФ), цели и принципы наказания, указанные в Уголовном кодексе (ст. 43 УК РФ), являющиеся основами уголовного права, и с которыми рассуждения о юридических лицах как субъектах преступления не соотносятся.

Аспектом, который вызывает некоторые вопросы, являются и сами «предполагаемые санкции» за преступления, совершенные юридическими лицами.

Среди санкций, которые будут применяться к юридическим лицам, предполагаются такие виды, как предупреждение, штраф, приостановление деятельности, запрет на осуществление деятельности на территории Российской Федерации и принудительная ликвидация. Однако, привлечение юридических лиц к подобным санкциям возможно и без изменения уголовного законодательства, так как, некоторые эти виды наказания уже предусмотрены Кодексом об административных правонаруше-

ниях и гражданским законодательством Российской Федерации.

Существует еще одна не уточненная сторона предложенной идеи: в уголовном законодательстве нашей страны содержатся нормы, которые ни при каких обстоятельствах не могут быть применимы к юридическим лицам, например, вменяемость лица, совершившего преступление, возраст и др.

Сторонников обсуждаемой идеи много. Одним из них является заместитель председателя комитета Государственной думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Александр Ремезков. По его мнению, закон позволит преследовать за рубежом организации, финансирующие терроризм и дестабилизацию политической обстановки в России, этот институт обеспечит возврат из-за рубежа капиталов, нажитых преступным путем [6].

Как уже было сказано, одним из доводов выдвижения законопроекта является международная практика. Здесь следует отметить, что во многих государствах в принципе нет такого понятия как административное право. Следовательно, в этих странах описываемая норма осуществляется в рамках Уголовного права.

За любым юридическим лицом стоит конкретный человек. Это значит, что при установлении вины отдельного лица в какой-либо организации, российское законодательство позволяет привлечь его к уголовной ответственности, что является более целесообразным.

По нашему мнению, уголовная ответственность юридических лиц в РФ — невозможна. Как уже было сказано, это будет требовать изменение общих начал уголовного права, что является практически невозможным и недопустимым. Для привлечения юридических лиц к уголовной ответственности за коррупционные преступления придется коренным образом изменить некоторые положения указанных отраслей права.

Литература:

1. Тимошенко, В. В. Уголовная ответственность юридических лиц: быть или не быть//Российская газета//СПС Гарант
2. Интернет-источник: www.garant.ru/article/621968/#ixzz41g2o3WFL//Дата обращения: 05.07.2020 г.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ// Российская газета. 2010. 8 июня.
4. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 N 273-ФЗ //СПС Консультант Плюс. Дата обращения: 05.07.2020 г.
5. Российская газета — Федеральный выпуск от 25 марта 2015 г.№ 6632 с. 61.
6. Интернет-источник: <https://www.rbc.ru/>/// Дата обращения:07.06.2020 г.

Проблемы реализации полной изоляции лица, в отношении которого избран домашний арест, в жилом помещении

Голубцова Елена Павловна, студент магистратуры
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

Начиная с 18.04.2018 г. УПК РФ был дополнен ст. 105.1, предусматривающей новую меру пресечения — запрет определенных действий. Новелла породила ряд спорных проблем, в частности касающихся исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста. Настоящая статья посвящена рассмотрению вопроса реализации запрета на выход из жилого помещения, являющегося местом исполнения домашнего ареста.

Ключевые слова: домашний арест, мера пресечения, место исполнения, жилое помещение.

В доктрине уголовного процесса известна дискуссия о том может ли суд, применяя домашний арест, разрешать обвиняемому покидать жилое помещение, являющееся местом исполнения домашнего ареста, посещать учебные заведения, работу, объекты социокультурного назначения и т. п. (В. А. Давыдов, В. В. Дорошков, Н. А. Колоколов, В. П. Степалин, А. С. Червоткин [1], Ю. Ю. Ахминова [2]) или суду стоит полностью изолировать обвиняемого (подозреваемого) от общества в жилом помещении (Д. А. Воронов [3], В. Е. Суденко., Е. С. Линева [4]).

Точку в рассматриваемом споре поставил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении [5], указав на возможность выхода обвиняемому (подозреваемому) из жилища, являющегося местом исполнения домашнего ареста. Но в 2018 г. законодатель пошел в разрез с судебной практикой и в УПК РФ были внесены изменения, которые ввели в действующее уголовно-процессуальное законодательство новую меру пресечения — «Запрет определенных действий» [6]. Новая ст. 105.1 УПК РФ, в том числе в п. 1 ч. 6, устанавливает запрет на выход из жилого помещения в определенное время. Представляется, после внесения изменений в УПК РФ законодатель предоставил возможность частичной изоляции при применении такой меры пресечения как запрет определенных действий, в то время как домашний арест предполагает полную изоляцию в условиях домашнего содержания, на что указывает исключение из ч. 1 ст. 107 УПК РФ слов «полная или частичная».

Позиции отечественных судов разделились. В одних случаях суды придерживаются мнения, что частями 1 и 7 ст. 107 УПК РФ во взаимосвязи с ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ не предусмотрена возможность покидать место содержания под домашним арестом, в том числе для прогулки [7], а прогулки теперь разрешаются судом только на территории частного домовладения [8]. Так, суд, избирая меру пресечения в виде домашнего ареста, полностью запретил обвиняемой выход из жилого помещения, в котором ей надлежит находиться, несмотря на ее ходатайство покинуть место исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста для прогулки с малолетним ребенком [9]. В других случаях суды разрешают покидать жилище в определенное время. Так, суд в постановлении

об избрании домашнего ареста, разрешая обвиняемому прогулки в течение 1 часа в день, указал: «По смыслу ч. 1 ст. 107 УПК РФ домашний арест, будучи мерой процессуального принуждения, заключается в изоляции обвиняемого от общества в соответствующем жилом помещении. При этом допускается установление определенного времени нахождения арестованного вне места исполнения этой меры пресечения, в том числе для прогулок». [10]. Однако в свете внесенных изменений в УПК РФ с последним подходом нельзя согласиться. Стоит отметить, что 23 из 30 проанализированных судебных решениях лицу, в отношении которого избран домашний арест, прогулки были разрешены.

Действительно, новая мера пресечения отвечает гуманистическим идеям и способствует потребности расширения мер пресечения, альтернативных заключению под стражу, а также позволяет обеспечить суду большую вариативность при избрании меры пресечения. Тем не менее, само по себе это нововведение не решает все проблемы, поскольку возникают сложности практической реализации полной изоляции обвиняемого (подозреваемого) от общества при применении домашнего ареста. Даже при применении самой строгой меры пресечения, которая имеется в отечественном законодательстве, согласно статье 17 Федерального закона от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления» лица, содержащиеся под стражей, имеют право на ежедневные прогулки не менее одного часа, приобретение продуктов питания, предметов первой необходимости [11]. Поскольку домашний арест является менее строгой мерой пресечения, чем заключение под стражу, на обвиняемого нельзя наложить более строгие ограничения. Следует отметить, что одна из ситуаций, в которой логично и справедливо полностью запретить обвиняемому подозреваемому покидать место, в котором ему надлежит находиться, — местом, исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, является частное домовладение. В этом случае лицу будет достаточно пребывания на свежем воздухе на территории такого домовладения.

Ранее в Государственную Думу РФ был внесен законопроект, в котором предлагалось ч. 1 ст. 107 УПК РФ до-

полнить вторым предложением следующего содержания: «Подозреваемый или обвиняемый вправе пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью не менее одного часа» [12]. Однако данный проект Федерального Закона был отклонен, так как не предусматривал механизм соблюдения требований изоляции во время проведения ежедневных прогулок за пределами места исполнения меры пресечения.

На основании вышеизложенного в целях соблюдения конституционных прав и свобод обвиняемых (подозреваемых) необходимо устранить замечания к внесенному законопроекту и внести изменения в УПК РФ. Устранение данной проблемы возможно различными путями. Один из

вариантов решения проблемы — разрешить лицу, в отношении которого избран домашний арест, ежедневные прогулки под контролем сотрудников УИИ ФСИН РФ путем внесения изменений в Приказ Министерства юстиции РФ № 189, МВД РФ № 603, Следственного комитета РФ № 87, ФСБ РФ № 371 от 31 августа 2020 года «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог».

Литература:

1. Давыдов, В. А., Дорошков В. В., Колоколов Н. А., Степалин В. П., Червоткин А. С. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. под ред. проф. Лебедева В. М. 7-е изд., перераб. и доп. в двух томах, том первый. «Юрайт». 2016.
2. Ахминова, Ю. Ю. Домашний арест как мера пресечения: проблемы избрания и реализации на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ахминова Юлия Юрьевна. — СПб., 2017.
3. Воронов, Д. А. Запрет определенных действий в рамках залога, домашнего ареста и новой меры пресечения // Российский судья. 2016. № 3. с. 21–24.
4. Суденко, В. Е., Линева Е. С. Проблемы реализации домашнего ареста как уголовно-процессуальной меры принуждения // Военное право. 2018. № 3 (49). с. 204–207.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» от 18 апреля 2018 года N 72-ФЗ. Режим доступа URL: <http://pravo.gov.ru/>.
7. Апелляционное постановление Пермского краевого суда от 28 января 2020 года № 22–871/2020. Режим доступа URL: <https://sudact.ru/>.
8. Апелляционное постановление Верховного Суда Кабардино-Балканской Республики от 23 января 2020 года № 22К-101/2020. Режим доступа URL: <https://sudact.ru/>.
9. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Адыгея от 25 марта 2020 года № 22К-260/2020. Режим доступа URL: <https://sudact.ru/>.
10. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Дагестан от 26 марта 2020 года № 22К-655/2020. Режим доступа URL: <https://sudact.ru/>.
11. Федеральный закон от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления» // Собрание законодательства Российской Федерации. 17 июля 1995 года. № 29. Ст. 2759.
12. Проект Федерального Закона, внесенный членами Совета Федерации Федерального Собрания РФ Тюльпановым В. А., Клишасом А. А., Добрыниным К. Э. «О внесении изменений в статью 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Режим доступа URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=286465-6&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=286465-6&02).

Выявление и доказывание преступлений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта в условиях Дальнего Востока

Дёмин Аркадий Иванович, студент магистратуры
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В статье проведен анализ особенностей выявления и доказывания преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте, проблем применения уголовных, уголовно-процессуальных и криминалистических норм при их раскрытии. Обоснованность статьи определена тем, что правоохранительные органы в наше время претерпевают немалые проблемы в расследовании и доказывании по уголовным делам, в том числе из-за напряженного дефицита или отсутствия современных методов и рекомендаций по научно-методическому обеспечению процесса расследования правонарушений совершаемых на железнодорожном транспорте, что влечет низкую раскрываемость этой категории преступлений.

В связи с большой текучестью кадров, сегодня действующих сотрудников правоохранительных органов владеющих практикой расследования данной категории дел, способных четко выдвинуть верную версию и незамедлительно выполнить осмотр места происшествия и осуществить все следственные действия в полном объеме, осталось мало. Преступления, совершаемые на железнодорожном транспорте, имеют свою особенность, что в свою очередь затрудняет их выявление, раскрытие и предупреждение. Расследование таких дел предполагает знание не только уголовного и уголовно-процессуального законодательства, но методик расследования данной категории дел. В связи с чем, автором в настоящей статье предложены некоторые направления на совершенствование правоприменительной деятельности в области борьбы, с преступлениями совершаемые на объектах железнодорожного транспорта. Результаты проведенного исследования, рекомендации и выводы, изложенные в статье, могут быть использованы в практической деятельности следственных и оперативных подразделений органов внутренних дел на транспорте.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, кража, методы расследования, предварительное следствие, преступление, способ совершения, сокрытие преступления, хищение

Detection and proof of crimes, accomplished on objects of railway transport in the conditions of Far East

Demin Arkadij Ivanovich, student master's degree programs
Far Eastern State Transport University (Khabarovsk)

In the article the analysis of features of exposure and proving of the crimes accomplished on a railway transport, problems of application of criminal, criminal procedure and criminalistics norms, is conducted at their opening. Validity of the article is certain that law enforcement authorities in our time suffer considerable problems in investigation and proving on criminal cases, including from a tense deficit or absence of modern methods and recommendations on the scientifically-methodical providing of process of investigation of offences accomplished on a railway transport, that, draws subzero exposed of this category of crimes. In connection with large fluidity of personnels, today operating employees of law enforcement authorities owning practice of investigation of this category of businesses capable clearly to pull out a faithful version and immediately to execute examination of site of occurrence and carry out all inquisitional actions in full, remained small.

The crimes accomplished on a railway transport have the feature, that hampers their exposure, opening and warning in turn. Investigation of so goes the world supposes knowledge not only of criminal and criminal procedure statute, but methodologies of investigation of this category of businesses. In this connection, in the real article some directions offer an author on perfection of law-enforcement activity in area of fight, with crimes accomplished on the objects of railway transport. Results undertaken a study, recommendations and conclusions, expounded in the article, can be drawn on in practical activity of inquisitional and operative subdivisions of organs of internal affairs on a transport.

Key words: railway transport, theft, investigation methods, preliminary investigation, crime, way of commission, crime concealment, plunder

Железнодорожный транспорт в наши дни считается одним из значимых отраслей народного хозяйства страны, который непосредственно связан с другими отраслями экономики России.

К территории Дальнего Востока относится Хабаровский край, Еврейская автономная область, Амурская область и Республика Саха (Якутия) — в пределах участков Дальневосточной железной дороги, а также Камчатский

и Приморский край, Магаданская и Сахалинская области, Чукотский автономный округ. «Железнодорожный транспорт является основным видом магистрального транспорта. На его долю приходится свыше 80 % грузооборота и около 40 % внутреннего пассажирооборота на территории» [1, с. 64].

При перевозке ценных грузов, зачастую сами сотрудники железных дорог совершают хищение товаров. В поездах осуществляют торговлю суррогатным алкоголем, продают и провозят наркотические вещества и их аналоги. Из числа проводников пассажирских вагонов есть те, кто провозят наркотические вещества и передают их с целью последующего распространения. Железнодорожный транспорт обилён на преступления. От краж сотовых телефонов до убийств. Преступления, которые происходят на железнодорожном транспорте, обладают особенностью, что в свою очередь усложняет их выявление, раскрытие и предотвращение.

«Методика расследования преступных деяний на железнодорожном транспорте требует от следователя познания, как практики, так и теории» [2, с. 772]. Расследование таких дел подразумевает знание не только уголовного и уголовно-процессуального законодательства, но методик расследования этой категории дел. Изученная практическая деятельность по расследованию подобных дел, свидетельствует, о том, что наибольшие проблемы при расследовании правонарушений, совершаемых на железнодорожном транспорте, образуются на начальном этапе расследования уголовного дела. Так как на этом этапе следователю приходится сопоставлять все имеющиеся факты и определить каким методом и при каких ситуациях было совершено преступное деяние (способ, место, время). От верно избранной стратегии следствия, зависит результат выполненных неотложных и необходимых следственных действий.

На железнодорожном транспорте совершаются преступления разных видов, в связи с чем выделяют и различные способы его совершения. Хищение грузов, кражи, убийства, повреждение путей сообщения, являются наиболее распространенными преступлениями на железнодорожном транспорте.

Расследование преступлений данного вида обусловлено, прежде всего, спецификой работы транспорта: большое сосредоточение материальных ценностей и людей, находящихся на объектах транспорта, круглосуточным режимом работы. Постоянное движение поездов даёт возможность преступникам быстро скрыться, маскироваться под пассажиров. Эти обстоятельства затрудняют установление места совершения преступлений и преступников, свидетелей.

В связи с проведенным анализом материалов уголовных дел, установлено, что еще на этапе формирования преступного замысла и цели преступления, субъект продумывает не только объективную сторону деяния, но и способы, средства обеспечения сокрытия следов преступления, в частности с целью последующих этапов под-

готовки и совершения преступления. Параллельно при совершении преступления может протекать и сокрытие следов преступления. «Способ сокрытия преступления направлен на воспрепятствование получению субъектом доказывания значимой информации, путем утаивания информации, искажения, уничтожения следов преступления» [3, с. 98]. Проведенный анализ преступлений, совершаемый, против собственности показывает, что противодействие планируется и «закладывается» в процесс преступной деятельности, еще в генезисе.

«С целью сокрытия следов преступления, наряду с дачей ложных показаний по факту хищения и различных инсценировок, весьма серьезное место занимают действия по сокрытию материальных следов преступлений» [4, с. 29]. Осуществляя сокрытие материальных следов, уничтожением, виновные лица, в первую очередь нацелены на создание сложностей и препятствий для установления картины преступления, их изобличению доказательствами и привлечению к уголовной ответственности.

Чем больше грамотных действий по сокрытию противоправных действий совершит злоумышленник, тем преимущественной он обладает возможностью на длительное сокрытие самого факта совершения. Этот факт «отодвигает» во времени момент выявления противозаконного действия и вмешательство правоохранительных органов в процесс установления события совершенного правонарушения. «Так, Хабаровским линейным управлением на транспорте в 2016 году была выявлена организованная группа лиц, которые похищали топливо из железнодорожных цистерн, применяя специально изготовленное для этого «техническое приспособление». Не задевая при этом пломбировку запорных устройств, они делали слив приблизительно 1 тонны топлива из определенной цистерны. Так как емкость цистерны содержит 70 тонн и при осмотре отвечающим за сохранность, не были обнаружены признаки вскрытия, либо нарушения целостности цистерны, то длительное время преступное деяние оставалось незамеченным. Следы от «технического приспособления», которые выражались в небольшой течи топлива из сливного клапана цистерны, указывали на неисправность устройства и всю недостачу по бензину «списывали» на техническую причину. Только по чистой случайности, преступную группу удалось задержать» [5].

Уголовное дело было возбуждено следователем в соответствии с фактом хищения дизельного топлива из топливных баков тепловозов. Преступная группа, опасаясь, что их изобличат, беспокоились, чтобы факт хищения не могли установить при проведении исследования. Они перемешивали его с другим дизельным топливом, которое для этих целей покупали на заправках АЗС, изменяя его групповую принадлежность, с целью сокрытия следов преступного деяния. Сегодня настолько преступники стали изобретательны относительно способов совершения преступлений, что противодействия расследованию границ не имеет. Поэтому от криминалистов требуется дальнейшая разработка специальных рекомендаций относительно способов и средств, противодействия, его преодоления.

Анализ структуры преступности на железнодорожном транспорте показал, что в основном в данной сфере совершаются преступления корыстной направленности, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков и оружия. Тем не менее, особое внимание, при характеристике преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте, надо уделять её качественным составляющим, которые дают возможность выявить её характерные особенности. Следовательно, расследующий преступления на железнодорожном транспорте, при этом использует криминалистические методы и рекомендации, качество предварительного следствия обеспечено. Обеспечение качества предварительного следствия, результат которого возможно лишь на основе процессуально правильного применения определенных рекомендаций, в первую очередь основанных на способах и средствах преодоления противодействия следствию со стороны субъектов, имеющих цели не связаны с назначением уголовного судопроизводства, является первостепенной обязанностью следователя.

Следственная практика свидетельствует о том, что противодействие носит ситуационный характер. Преступления зачастую совершаются «внезапно», преступник не планировал похищать имущество пассажира, например, двигаясь по вагонам, не имел заранее спланированного умысла, на хищение мобильного телефона, который оставлен пассажиром, включенным в розетку, злоумышленник, заметив вещь, оставшуюся без присмотра, похищает и пытается утаить преступное деяние, обдумывая способы противодействия в случае уголовного преследования.

Противодействие расследованию преступлений путем сокрытия преступления, против собственности, обладает рядом признаков, связанных с особенностями предмета противоправного посягательства (грузы, собственность пассажиров). Кроме того, место совершения преступления, которым является железнодорожный транспорт, именно на объектах транспортной железнодорожной инфраструктуры совершаются преступления не характерные, подследственным территориальным органам ОВД. В связи, с чем оперативно-розыскная и следственная тактика раскрытия и расследования данных преступлений должна учитывать эти особенности в научно-практическом обосновании криминалистических рекомендаций способов, форм и средств распознавания элементов данной преступной деятельности.

Вместе с тем, система методов и способов противодействия следствию путем сокрытия преступных деяний против собственности на железнодорожном транспорте,

как противоправная деятельность, основанная на установках и стереотипах противоправного поведения, зачастую представляет собой «творческие» импровизации, и рассматривается, как подвижная, изменяющаяся система. В связи с чем, следственным органам необходимо приоритет отдавать соответствующим криминалистическим знаниям, за счет которых следователь, сможет отличать типовое противодействие на первоначальном этапе его применения, а, следовательно, поможет своевременно минимизировать негативные последствия от него.

Автор считает, что целесообразно применять криминалистическое описание информационно-познавательной модели. Данная модель будет гарантировать следователю результативное реагирование на всевозможные «препятствия» расследованию».

«Грамотное распознавание и преодоление противодействия расследованию преступления, следователем, закладывается при планировании расследования преступления» [6, с. 85]. Однако, не каждому следователю это свойственно, ведь своевременность таких действий должны закладываться и отдельности взятых следственных действий на основе усмотрения различных, ситуационно обусловленных альтернатив своего процессуального поведения. Правильно выбранная тактика и методы расследования будут основываться на возможное противодействие со стороны не только подозреваемого, но и других причастных к преступлению лиц.

Следователь, орган дознания должны понимать, что кроме применения криминалистических рекомендаций, им необходимо владеть навыками психологической борьбы, обоснованных юридической психологией. В этой связи, отмечено, то что «... речь должна идти не о борьбе с противодействием раскрытию и расследованию правонарушений в той трактовке, какой она в настоящее время понимается, а о тактике выявления и разоблачения приемов, способов, форм и средств воплощения преступной деятельности и разработке на этой основе соответственных и результативных приемов средств и способов борьбы с ней» [7, с. 122].

При расследовании преступлений у предварительного следствия могут возникать вопросы, связанные с тем или иным противодействием со стороны различных субъектов. В связи с чем разрабатывать новые и совершенствовать имеющие методы расследования отдельных видов преступных деяний необходимо на основе исследования всех возникающих вопросов у следственных органов. Соответствующие рекомендации содержательно должны отражать типичные ситуации преступной деятельности и следствия.

Литература:

1. Варыгин, А. Н. Особенности преступности на железнодорожном транспорте // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2017. — № 3. — с. 62–65.
2. Шингарева, А. А. Значение железнодорожного транспорта для России // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2016. — № 6. Ч. 4. — с. 770–775.

3. Лавров, В. П. Криминалистика: конспект лекций / В. П. Лавров,
4. Р. Р. Рахматуллин, В. И. Романов, А. Н. Шалимов; под общ. ред. В. П. Лаврова. М.: Проспект, 2016. 256 с.
5. Савельева, М. В. Следственные действия: учебник для магистров/
6. М. В. Савельев, А. Б. Смушкин. — 2-е изд., пер. и доп. — М.: Юрайт, 2016. 293 с.
7. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс]. URL: [https:// sudrf.ru](https://sudrf.ru) (дата обращения: 02.02.2019).
8. Ивушкина, О. В. Профилактика краж грузов из подвижного состава на объектах железнодорожного транспорта // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2017. — № 1 (27). — с. 82–86.
9. Гончаренко, В. И. Научно-технические средства в следственной практике / В. И. Гончаренко. — М.: Вища школа. 2016. 152 с.

К вопросу защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, при производстве по уголовным делам

Джанибеков Олий Султанович, студент магистратуры

Научный руководитель: Соколов Александр Борисович, кандидат философских наук, доцент
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар)

Уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту лиц и организаций, потерпевших от преступлений. В статье исследованы вопросы обеспечения прав и законных интересов лиц, потерпевших от производства по уголовным делам; рассмотрены выделяемые в науке и применяемые в практической деятельности способы защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; выявлены проблемы, связанные с реализацией защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. В результате проведенного исследования выработаны рекомендации по совершенствованию деятельности по защите прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, на протяжении всего уголовного судопроизводства, в том числе и на досудебных стадиях.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, назначение и цель, участники, потерпевший, защита прав и законных интересов, восстановление прав, компенсация ущерба.

В настоящее время уголовно-процессуальное законодательство, действующее в Российской Федерации, к одному из проявлений назначения уголовного судопроизводства относит защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Поскольку данное положение находится в ст. 6 УПК РФ, размещенной в главе 2 «Принципы уголовного судопроизводства», можно сделать вывод о том, что оно распространяется на весь процесс уголовного судопроизводства.

Следовательно, необходимым условием эффективности уголовного судопроизводства является четкое и наиболее полное понимание смысла данного положения. На государственном и международном уровне концепция о восприятии человека как высшей ценности государства и, следовательно, защите и обеспечении присущих ему прав и свобод, является основополагающей. В то же время национальные и международные акты в отличие от УПК РФ основным ориентиром государственной деятельности в уголовном судопроизводстве считают, помимо защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений лиц и организации, их соблюдение, обеспечение охраны и возмещение им вреда, которое повлекло преступление.

В УПК РФ значение термина «защита» имеет неоднозначный смысл. Исходя из текста УПК РФ данный термин можно трактовать в двух смыслах: 1) для обозначения процесса обеспечения прав участников судопроизводства и применения мер безопасности (ч. 1 ст. 6, ч. 2 ст. 14, ст. 16, п. 9 ч. 1 ст. 39, ч. 2.1 ст. 313 и т. д.); 2) в связи с осуществлением функции стороны в уголовном процессе состязательного типа (п. 46 ст. 5, ст. 15 и т. д.).

Более ясно и однозначно данный термин выражен в тексте Конституции Российской Федерации и международных правовых актах. Он употребляется лишь в первом из вышеприведенных значений — для описания процесса, который направлен на охрану, ограждение от посягательств, от враждебных действий, от опасности [3; 228]. Обладая высшей юридической силой, данные правовые акты гласят об обязанности государства защищать и возмещать нанесенный ущерб жертвам преступлений и злоупотреблений властью, а также о восстановлении их в правах. Другими словами, в них детерминирована направленность государства на восстановление прав и законных интересов потерпевших лиц, нарушенных преступлением.

Следует отметить, что речь идет в данном случае о восстановлении нарушенных прав и законных интересов на-

ряду с возмещением причиненного вреда, что объясняется тем, что материальная компенсация вреда не всегда возможна [5; 40–42]. К примеру, если имеет место публичное опровержение недостоверных сведений, которые порочат деловую репутацию некоммерческого юридического лица, применение термина «компенсация» нецелесообразно. С другой стороны, применение термина «восстановление», которое можно трактовать как «приведение к исходному состоянию» [5;103] позволит охватить все возможные аспекты его осуществления, как имеющие материальное, так и нематериальное выражение.

Поскольку назначение уголовного судопроизводства определяет направление какой-либо деятельности, осуществляемой в его рамках, является основополагающим для формирования всех процедур, реализуемых согласно УПК РФ. Следовательно, осуществление положений о защите и восстановлении прав и законных интересов лиц и организаций, которые потерпели от преступлений, дает возможность обеспечить соответствующий правовому государству уровень их осуществления в уголовном судопроизводстве.

Согласно Конституции РФ, в обязанности государства входит признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина (ст. 2). В этой связи, требования, закрепленные в ч. 1 ст. 42 УПК РФ, определяют процессуальный порядок деятельности уполномоченных государственных органов по обеспечению процессуальной формы вступления в него лиц, потерпевших от преступлений. С учетом изменений, внесенных в УПК РФ федеральным законом № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» от 28 декабря 2013 г., возможности таких лиц и организаций по получению защиты и восстановлению нарушенных преступлением прав обрели дополнительные гарантии. Важнейшей из них стало скорейшее предоставление им доступа к правосудию посредством наделения правовым статусом потерпевшего.

Соблюдение в уголовно-процессуальном законодательстве прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, представляет собой деятельность следующих лиц:

- 1) самих лиц, которые потерпели от преступлений, и были признаны таковыми в процессе судопроизводства;
- 2) государственных органов и должностных лиц, которые осуществляют уголовное судопроизводство;
- 3) иных участников производства по уголовному делу [1;166–168].

Стоит также отметить, что деятельность лиц и организаций, признанных потерпевшими по уголовному делу, может быть выражена в осуществлении данными участниками судопроизводства процессуального и общеконституционного статусов потерпевшего от преступления.

При этом деятельность государственных органов выражается в многостороннем процессе, несущем в себе

такие компоненты, как обязательное соблюдение при осуществлении своей деятельности правового статуса потерпевшего, принятие соответствующих мер для соблюдения указанного статуса в деятельности иных лиц и, наконец, обеспечение условий для реализации своего правового статуса в процессе участия в уголовном судопроизводстве самим потерпевшим.

Для обеспечения осуществления охранительной функции как общей черты, которая характеризует деятельность субъектов для эффективного обеспечения воплощения в жизнь прав и законных интересов лиц и организаций, признанных потерпевшими, в уголовном судопроизводстве по определенному делу может быть обозначена направленность на предупреждение возникающих препятствий к этому и их дальнейшее исключение. Что касается восстановительной компоненты данной деятельности, то она направлена не на исключение неблагоприятного влияния на деятельность по осуществлению правового статуса потерпевшего в процессе уголовного судопроизводства, а в приведении в результате осуществления процесса по уголовному делу правового положения лица, которое потерпело от преступления, к первоначальному, существовавшему до противоправного воздействия положению [4;81]. Осуществление деятельности по совокупной реализации вышеприведенных компонентов на протяжении всего процесса судопроизводства, на наш взгляд, позволит обеспечить достижение назначения уголовного судопроизводства в части защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений.

В УПК РФ понятие «потерпевший» используется только для обозначения правового статуса лица, на защиту прав которого ориентируется уголовное судопроизводство. К тому же защита прав и законных интересов пострадавших от преступлений лиц, являясь одним из значений уголовного судопроизводства, должна быть подвергнута внимательному пересмотру с учетом сложности данного понятия, то есть, приняв во внимание как охранительный, так и восстановительные компоненты [2;130–132].

Также данное назначение уголовного судопроизводства должно реализовываться всеми без исключения участниками уголовного судопроизводства. Степень вовлеченности участников судебного процесса будет носить разный характер, однако органы государственной власти и должностные лица, ведущие производство по уголовному делу, будут исполнять организующие функции.

Воплощение на практике и соблюдение вышеприведенных положений, включая и деятельность на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, будет способствовать эффективному обеспечению прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Включая и деятельность на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Литература:

1. Масленникова, Л. Н. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / под ред. П. А. Лупинской. М.: Юрист, 2006.
2. Насонова, И. А. Уголовно-процессуальное понятие защиты // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 3.
3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М., 1991. 917 с.
4. Печников, Г. А., Блинков А. П. О гарантиях прав личности в свете приоритета «формы» над «истиной» в составе УПК РФ // Бизнес в законе. 2009. № 3.
5. Чмырёв, С. Н. Правовое положение деятельности милиции по государственной защите потерпевшего как участника уголовного судопроизводства // Там же.

Судебное толкование уголовного закона и его виды

Донченко Александр Григорьевич, кандидат юридических наук, доцент;
Малькова Жанна Андреевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются актуальные проблемы судебного толкования уголовного закона в РФ. Выбор темы обусловлен тем, что на сегодняшний день толкования закона касается не только учёных, но и практиков. Так, ошибки в процессе судебного толкования уголовного закона уполномоченными на то субъектами способны причинить гораздо более существенный вред личности, чем при интерпретации норм других отраслей права, так как в результате к уголовной ответственности может быть привлечено невиновное лицо, назначено несправедливое наказание. В связи с этим, авторами рассмотрены такие актуальные проблемы как несовершенство нормативно-правовой базы и другие.

Ключевые слова: толкование, уголовный закон, судебное толкование, Постановление Пленума ВС РФ, суды, судьи, пробелы.

Толкование уголовного права — это интеллектуально-волевая деятельность, осуществляемая судебными органами, направленная на уяснение и разъяснение смысла уголовно-правовой нормы, результатом которой всегда является определенное судебное решение. Вопрос о роли и месте судебного толкования уголовного права находился в поле зрения правоведов как дореволюционной и советской, так и настоящей России. До сих пор в доктрине права данный вопрос является дискуссионным в связи с тем, что ряд юристов считают [1, с. 18], что выделение тех или иных видов толкования является само по себе проблемой классификации ввиду несоблюдения формальных законов логики и правил классификации [2, с. 2]. Толкование уголовного права является неотъемлемой и необходимой частью квалификации деяний правоприменителем. Под квалификацией в свою очередь мы понимаем точное соответствие выбранной уголовно-правовой нормы, содержащей конкретный состав преступления с признаками совершенного деяния. В данной статье необходимо отметить, что толкование уголовно-правовой нормы может осуществляться как на стадии до квалификации преступления, так и после, сопровождая этот процесс непрерывно, обеспечивая его правильность. На практике правоприменителями вырабатываются алгоритмы квалификации различного рода преступлений. Однако они (алгоритмы) не отвечают главному признаку

процесса толкования — единственности, единообразию, то есть в правоприменительной практике невозможно создать единого алгоритма квалификации в связи с уникальными особенностями каждого преступления. К примеру, правовед М. А. Примак считает, что существует некая цепочка из трех составляющих понятий — это правоприменение, толкование, квалификация, где утверждает, что если есть правоприменение, то необходимым элементом будут и квалификация и толкование; если есть квалификация, то с необходимостью есть толкование [3, с. 87].

Традиционно выделяют следующие виды толкования уголовного права по субъекту толкования: легальное, доктринальное, судебное. Подробнее рассмотрим судебное толкование. Оно в свою очередь подразделяется на казуальное судебное толкование, нормативное судебное толкование. Под первым следует понимать разъяснение содержания правовой нормы по конкретному уголовному делу, присущее системе судов общей юрисдикции. Под нормативным судебным толкованием следует понимать официальное разъяснение смысла уголовно-правовой нормы, являющееся обязательным и применяемым чаще всего Верховным Судом Российской Федерации в своих постановлениях.

В связи с тем, что одной из особенностей судебного толкования является юридическая значимость, то она же и является ее краеугольным камнем, так как всегда порождает уголовно-правовые последствия. Однако именно

ошибки в процессе разъяснения уголовно-правовых норм в гораздо большей степени могут причинить вред охраняемым законным интересам граждан, нежели это будет толкование гражданско-правовой нормы. В свою очередь особое внимание хочется уделить проблемам в нормативном судебном толковании. В качестве примера будут использоваться следующие нормативные положения, а именно Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» [4]. Впервые для правоприменителя основные признаки похищения человека раскрываются в Обзоре судебной практики Верховного суда Российской Федерации за II квартал 2000 года [5]. В данном случае необходимо акцентировать внимание на том, что законодатель спустя десятилетия дал разъяснение по составу преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ [6]. На нормативном уровне закреплены взаимосвязанные признаки похищения, а именно незаконные захват, перемещение, удержание лица. Однако возникает вопрос к законодателю, почему он в очередной раз не закрепляет особенности этих дефиниций. Например, у некоторых ученых [7, с. 145] возникали вопросы: будет ли присутствовать признак перемещения, если жертва добровольно пришла в заранее обговоренное с преступниками место, находясь под воздействием обмана, либо же когда жертва самостоятельно садится в машину к преступнику, а потом понимает, что ее похитили. В данном случае законодатель, таким образом, разрешает этот вопрос, что в случаях, когда перемещение было осуществлено самим потерпевшим вследствие его обмана или злоупотребления доверием, преступление признается оконченным с момента захвата данного лица и начала принудительного перемещения либо начала его удержания, если лицо более не перемещалось.

Главной проблемой судебного толкования являются понятийные пробелы, когда судебным органам важно не только в них разобраться, но и не допускать и устранять такого рода ошибки, поскольку они тесно связаны с квалификацией преступлений относительно момента начала и окончания преступления, с отграничением составов преступления друг от друга.

Нужно отметить, что некоторые составы преступлений в действующем уголовном законе до сих пор не подверглись разъяснению со стороны законодателя, к примеру, ст. 148 УК РФ. Одними из основных проблемных аспектов уголовно-правовой охраны конституционных прав и свобод человека и гражданина на примере ст. 148 УК РФ являются:

Литература:

1. .Розова, С. С. Классификационная проблема в современной науке / С. С. Розова. — Новосибирск: Наука, 1986.— 224 с.
2. Пирмаев, Е. В. Виды судебного толкования / Е. В. Пирмаев // Baikal Research Journal. — 2016. — Т. 7, № 5. — DOI: 10.17150/2411-6262.2016.7(5).19. 7 с.

1. Отсутствие в тексте уголовного закона конкретизации перечня религий. Не указывается, что должен исповедовать верующий. Исходя из преамбулы к ФЗ № 125 [8] можно предположить, что это христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России. Однако в этом случае не раскрывается, какие религии составляют эту часть.

2. Отсутствие законодательной уголовно-правовой дефиниции «верующий». Согласно пояснительной записке к законопроекту, указывается, что потерпевшими лицами в данном случае являются только верующие. Таким образом, непосредственно возникает вопрос, кто относится к данной категории? Могут ли это быть служители различных религиозных групп или люди, которые считают себя таковыми? Если обратиться к диспозиции статьи, то невооруженным глазом можно заметить, что в составе преступления речь идет о группе лиц (верующие). Закономерным выступает и следующий вопрос имеет ли свое действие данный состав к лицу в единственном числе, то есть если один человек придерживается или исповедует, к примеру, индуизм.

3. Отсутствие признаков понятия «чувства» верующих. Чувство — эмоциональный процесс человека. С позиции законодателя и правоприменителя защите подлежат именно данные эмоциональные процессы. Практика пока не нашла ответа на этот вопрос. Анализ судебных дел показывает, что следствие и суд идут по пути отождествления терминов «чувство» и «достоинство», что в корне неверно и др. [9, с. 41].

Возвращаясь к классификации судебного толкования на виды, необходимо затронуть также проблему взаимосвязи этих подвидов. Несовершенства казуального толкования напрямую взаимосвязаны с проблемами нормативного судебного толкования, так как помимо своих пробелов перенимают еще и пробелы последнего ввиду их общеобязательности.

Таким образом, проведенное исследование проблемных аспектов видов судебного толкования позволяет сделать следующие выводы: во-первых, законодательная юридическая техника и логика конструирования нормативных положений далека от идеальности; во-вторых, законодателю следует выбирать единообразный подход к устранению пробельности в уголовно-правовых нормах; в-третьих, эффективность даваемых разъяснений системой судов общей юрисдикции напрямую зависит от усовершенствования способов и механизмов процесса толкования Верховным Судом РФ.

3. Примаков, М. А. Общая характеристика видов толкования уголовного закона // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 8. С.86–88.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми»// РГ. № 296.2019.
5. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации за II квартал 2000 года// Бюллетень Верховного Суда. № 1.2001. с. 1
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ// СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2019. N 52 (часть I). Ст. 7818.
7. Беляева, Е. А., Котельникова Е. А. Проблемы определения момента окончания похищения человека (ст. 126 УК РФ) // Вестник НАСА. 2011. № 1 (7). с. 144–146.
8. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ.1997. № 39. Ст. 4465; 2019. № 18. Ст. 2209
9. Исаева, А. А. Запрет оскорбления религиозных чувств верующих и реализация прав человека: сравнительно-правовой анализ//Конституционное и муниципальное право. № 4. 2013. С. 37–42.

Систематизация законодательства о нотариате

Ермакова Анна Денисовна, студент магистратуры

Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

В данной статье рассмотрено понятие законодательства о нотариате Российской Федерации, проведен анализ системы источников законодательства о нотариате Российской Федерации, определены некоторые проблемы системы законодательства о нотариате и правового механизма систематизации законодательства о нотариате.

Ключевые слова: нотариус, законодательство, систематизация, кодификация, нормативный правовой акт.

Активизация правотворческого процесса в последние годы, наряду с ее положительными моментами, отрицательно сказалась на общей организации российского законодательства. Это отразилось на единой, внутренне согласованной и упорядоченной системе законодательства Российской Федерации в целом. Имеется достаточно большое число формально действующих, но фактически устаревших и утративших силу законодательных и иных нормативных правовых актов, многие из которых не соответствуют современным реалиям правового пространства.

На данном этапе развития российского права в системе законодательства о нотариате существует огромное многообразие разрозненных нормативных правовых актов, регламентирующих нотариальную деятельность. Это в свою очередь затрудняет обеспечение в полном соответствии с Конституцией Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц, путем совершения нотариусами определенных нотариальных действий.

С 2009 года активно обсуждается стратегия развития российского нотариата. В выступлениях на заседаниях Совета при Президенте РФ по кодификации гражданского законодательства неоднократно звучала мысль о необходимости реформирования и реновации института нотариата, который на сегодня не способен отвечать потребностям развития гражданского общества, развития экономической сферы, социальных преобразований в силу того, что он не востребован в достаточном объеме

в сфере всех гражданско-правовых отношений. Об этом высказался заместитель министра юстиции РФ Юрий Любимов, отметив, что подготовка Закона «О нотариате и нотариальной деятельности» является первоочередной задачей для Министерства юстиции и Федеральной нотариальной палаты [5].

Прежде всего следует отметить, что вопросам реформирования и реновации законодательства о нотариате была посвящена разработанная Федеральной нотариальной палатой России Концепция проекта Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в РФ» 2009 года. Основная идея разработки проекта федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» заключалась в необходимости реновации и совершенствования института нотариата как одного из главных инструментов защиты прав и законных интересов граждан.

Система российского законодательства о нотариате — это объективная форма выражения правовых норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся по поводу организации и осуществления нотариальной деятельности. Законодательство о нотариате, в отличие от гражданского, административного, семейного и т. д., не упоминается в Конституции Российской Федерации. Однако, нет сомнений в том, что такая отрасль законодательства существует [6]. Конституцией Российской Федерации предусмотрено существование нотариата как самостоятельного института [1].

Реализация его функций нуждается в правовом регулировании. Этой цели служит принятый на федеральном уровне нормативный акт — Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (далее — Основы), они состоят из двух разделов: «Организационные основы деятельности нотариата» и «Нотариальные действия и правила их совершения». На этом основании можно заключить, что законодательство о нотариате включает нормы, регулирующие указанные два раздела.

Так же, систему законодательства о нотариате образуют международные договоры РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, законы и подзаконные акты.

К подзаконным актам, содержащим нормы законодательства о нотариате, относятся нормативные правовые акты Президента РФ, Правительства РФ, министерств и ведомств РФ, например, Приказ Министерства Юстиции Российской Федерации от 27.12.2016 № 313 «Об утверждении форм реестров регистрации нотариальных действий, нотариальных свидетельств, удостоверительных надписей на сделках и свидетельствуемых документах и порядка их оформления».

Не являясь источниками законодательства о нотариате, акты судебных органов Российской Федерации имеют важное и определяющее значение в регулировании правоотношений, складывающихся в ходе осуществления нотариальной деятельности. Конституционный Суд РФ в постановлениях и определениях дает толкование Конституции РФ.

Верховный Суд РФ в пределах своей компетенции изучает и обобщает практику применения судами законов и иных нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере нотариальной деятельности, дает обязательные для нижестоящих судов разъяснения по вопросам судебной практики; разрабатывает предложения по совершенствованию законов и иных нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере нотариальной деятельности, осуществляет иные полномочия.

За четверть века существования Основ, они, с одной стороны, продемонстрировали обоснованность и продуманность заложенной в них концепции, актуальность своих положений на долгие годы вперед, а с другой — неспособность содержать в себе все необходимые дополнения, появившиеся в процессе развития отечественного нотариата. В процессе осуществления глобальных реформ 2013–2017 годов, усиливших роль нотариуса в гражданском обороте и расширивших круг его полномочий, главный закон страны о нотариате вырос в объеме более чем в 1,5 раза [7].

Сильно изменился порядок правоприменения отдельных положений Основ. Кроме того, нормативная база законодательства о нотариате пополнилась совершенно новыми документами: Кодексом профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации, Регламентом совершения нотариальных действий, широким перечнем приказов Министерства Юстиции Российской Федерации,

решений Правления Федеральной нотариальной палаты и др. Некоторые из этих актов не были учтены в дополнениях к Основам, однако так или иначе отразились на применении связанных с ними положений закона о нотариате.

Систематизация законодательства — сложный и трудоемкий процесс, требующий больших усилий и временных затрат. Подходить к решению вопроса о необходимости систематизации законодательства в той или иной сфере нужно с полной уверенностью в потребности правовой системы в упорядочении.

Следовательно, становится вполне очевидной необходимость систематизации законодательства о нотариате. Она заключается, в первую очередь, в том, что эффективность нотариальной деятельности напрямую зависит от состояния нормативной базы для ее осуществления. Без упорядоченной и стройной системы нормативных правовых актов эффективность исполнения нотариусами своих прямых полномочий снижается, что, в свою очередь, затрудняет своевременную защиту и реализацию конституционных прав граждан и юридических лиц Российской Федерации.

Как отмечают эксперты, несмотря на позитивные результаты, полученные вследствие реформирования нотариата за последнее десятилетие, в настоящее время можно констатировать, что нотариальная система России достигла критической точки развития, когда она более не отвечает современным требованиям стабильного и поступательного развития страны. В основе такого положения вещей как застарелые проблемы, доставшиеся современному нотариату в наследство от советской системы, так и некоторые современные угрозы [8].

Основы законодательства о нотариате, являясь достаточно объемным нормативным правовым актом, все же не могут включать в себя все особенности и нюансы организации и осуществления нотариальной деятельности.

По мнению автора, Основы законодательства о нотариате должны включать исчерпывающий перечень требований к совершению отдельных нотариальных действий, а не ссылаться на иной нормативный правовой акт (Методические рекомендации, Регламент совершения отдельных нотариальных действий и др.), так как это осложняет поиск норм и понимание процесса совершения нотариальных действий.

В настоящее время внедряется все большее количество элементов электронного нотариата, которые не получают широкого упоминания в Основах. С 15 по 18 мая 2013 г. в г. Санкт-Петербурге состоялся Круглый стол «Модернизация нотариата. Российский и международный опыт» [9], посвященный проблемам модернизации нотариата в условиях развития современного информационного общества. В ходе обсуждения были подняты актуальные вопросы, связанные с введением электронного документооборота, а именно: совершенствования законодательного регулирования порядка и правил совершения нотариальных действий с электронными документами,

ведения электронного нотариального делопроизводства и электронных реестров нотариальных действий, создания электронного архива нотариальных документов.

В 2013 году был разработан проект Федерального Закона «О нотариате и нотариальной деятельности». Проект федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности» был призван заменить Основы законодательства Российской Федерации о нотариате – закон, которые был принят еще в 1993 году, то есть до принятия в России основополагающих кодексов и иных федеральных законов (всех четырех частей Гражданского Кодекса РФ, Семейного Кодекса РФ, Гражданского Процессуального Кодекса РФ, Арбитражного Процессуального Кодекса РФ, Федерального Закона от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» и других значимых законов).

В результате сегодня, во-первых, имеют место противоречия между текстом Основ законодательства о нотариате и нормами наследственного права, правилами о сделках и др., а во-вторых, принципы и нормы Основ законодательства о нотариате не позволяют нотариату решать те задачи, которые ставят перед ним современная экономика и современное общество. Законопроект был разработан в русле традиций латинского нотариата с учетом положительного опыта эффективных нотариальных систем стран континентальной Европы.

Законопроект должен был регулировать отношения, связанные с организацией нотариата в Российской Федерации и осуществлением нотариальной деятельности, – определять принципы нотариальной деятельности, статус нотариуса (его содержание, возникновение, приостановление и прекращение), регулировать организацию нотариата, в том числе порядок формирования нотариальных округов и должностей нотариусов, порядок деятельности нотариальных палат, определять основания и порядок ответственности за вред, причиненный при осуществлении нотариальной деятельности, страхование ответственности нотариуса и содержать правила о совершении нотариальных действий (как общие, так и относящиеся к отдельным нотариальным действиям).

Существенное значение имеет раздел II законопроекта «Нотариальные действия и порядок их совершения», в котором представлены общие правила о таких действиях и особенности совершения отдельных нотариальных действий.

Законопроект вводит несколько новых видов нотариальных действий и упорядочивает уже существующие виды нотариальных действий. Впредь новые виды нотариальных действий могут быть введены только путем внесения изменений в законодательство о нотариате, а не вы-

пуском новых инструкций и методических рекомендаций. Определяются время, место совершения нотариального действия, правила о подготовке к совершению нотариального действия, основания для отказа в совершении нотариального действия или его приостановления.

Авторы проекта Федерального Закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» предложили вариант законодательного акта, который по-новому трактует многие известные положения и предлагает организацию нотариата и регламентацию нотариальной деятельности на многие годы вперед с учетом социально-экономических изменений, происходящих в стране.

Анализируя действующее и проектное законодательство, изучая нотариальную и судебную практику, можно сделать вывод: положительным является то, что проект закона значительно расширяет функции нотариата, ликвидирует сам институт «государственного нотариуса», предусматривает такое важное нотариальное действие, как нотариальное соглашение о примирительных процедурах, использует депозитный счет нотариуса для расчетов по заключенной сделке.

За двадцать пять лет существования Основ, с одной стороны, они продемонстрировали обоснованность и продуманность заложенной в них концепции, актуальность своих положений на долгие годы вперед, а с другой — неспособность содержать в себе все необходимые дополнения, появившиеся в процессе развития отечественного нотариата.

С учетом вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что систематизация законодательства о нотариате при ее детальной проработке потребует колоссальных усилий для ее осуществления. Потребуется проанализировать исторический и теоретический аспект развития нотариата латинского типа в других государствах, осуществить переработку всего массивного пласта приказов, инструкций, методических рекомендаций и иных нормативных правовых актов системы законодательства о нотариате.

Масштабное реформирование отечественной правовой системы, проводимое в течение последних лет, в целом привело к положительным результатам. Вместе с тем, следует отметить наличие некоторых отрицательных аспектов, обусловленных значительной коллизией российского законодательства в целом. Имеется достаточно большое число формально действующих, но фактически устаревших и утративших силу законодательных и иных нормативных правовых актов, многие из которых не соответствуют современным реалиям правового пространства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ);

2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020);
3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.05.2020);
4. Регламент совершения нотариусами нотариальных действий. Приказ Минюста России от 30 августа 2017 г. N 156 (ред. от 05.07.2019). СПС «КонсультантПлюс».
5. Справочно-правовая система «Право.ру». <https://pravo.ru/news/view/40486/> (Дата обращения: 24.04.2018 г.)
6. Кузовков, И. А. Российский нотариат: традиции и развитие // Российский нотариат: 25 лет на службе государству и обществу: Сборник статей / Под ред. Борисовой Е. А. М.: Юстицинформ, 2018. с. 222.
7. Комментарий к Основам законодательства о нотариате/ Под ред. Д-ра юрид. Наук К. А. Корсика. М.: Фонд развития правовой культуры, 2018. с. 15.
8. Оптимизация гражданского правосудия. Аналитическая записка. Екатеринбург. — 2006. — с. 52. <http://www.allpravo.ru/diploma/doc4259p0/instrum6370/item6377.html> (Дата обращения: 24.04.2018 г.)
9. Материалы Круглого стола «Модернизация нотариата. Российский и международный опыт». 15–18 мая 2013 г. // <http://to54.minjust.ru/node/2795> (Дата обращения: 04.04.2018 г.).
10. <https://prepod24.ru/readyworks/69665/>
11. <https://base.garant.ru/57708288/>

История развития российского уголовного законодательства об ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности

Жерноклева Юлия Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Пархоменко Светлана Валерьевна, доктор юридических наук, профессор
Иркутский государственный университет

В статье анализируется история развития уголовного законодательства об ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности в период с IX по XIX века.

Ключевые слова: уголовное право, история, половая неприкосновенность, половая свобода, преступления.

История развития уголовного законодательства об ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности уходит далеко своими корнями во времена Древней Руси, когда данные преступления регулировались еще церковным законодательством.

Одним из первых нормативно-правовых актов стал Устав князя Владимира «О церковных судах», который регулировал ответственность за сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних [1, с. 14]. В данном Уставе находится перечень проступков, которые рассматривались церковным законодательством как преступления, которые посягают на половые и брачно-семейные отношения.

К таким преступлениям относились «смилное заставание», что означало прелюбодеяние, «пошибание» — изнасилование, «умычка» — языческая форма вступления в брак. Кроме того, существовал запрет половых преступлений в кругу близких родственников — «в племени или сватьстве поимуться» [1, с. 15].

Следующим источником, в котором предусматривалось наказание за сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних была «Русская правда», а именно Устав

князя Ярослава Владимировича «О церковных судах» [1, с. 86]. В Уставе предусматривается наказание за изнасилование, однако, законодателем не было разъяснено, что понималось под этим видом преступления. Наказание за изнасилование предусматривалось в виде денежного штрафа (виры), размер которого увеличивался, если осуществлялось покушение на лицо из привилегированного сословия. Устав также предусматривал ответственность и за групповое изнасилование (ст. 7): «...когда кто-либо из мужчин пригласит к себе девушку и вместе со своими друзьями совершит насилие: аже девку умолвить к себе кто и дать в толоку, на умолвнице епископу три гривны, а на толоциях по рублю, а князь казнить» [1, с. 87].

Древнерусское право точно определяло виды преступных деяния с целью борьбы с половыми преступлениями. Среди которых были внебрачные сексуальные связи, изнасилование, сожителство между родственниками. Вместе с тем, в данных источниках отсутствует конкретизация описания признаков составов данных преступлений. Из-за неточного описания используемых формулировок, а также противоречивости их толкования невозможно сделать вывод об уголовно-правовой регламентации ответственности за преступления против по-

ловой неприкосновенности и половой свободы личности вышеуказанного периода. Стоит обратить внимание на то, что в XI веке отсутствует разграничение между уголовной и гражданской ответственностью, а регламентируется ответственность лишь одним нормативным правовым актом, не предусматривающий подразделение на отрасли.

В Соборном Уложении 1469 года шла речь о наказании смертной казнью ратных людей (военнослужащих), которые при следовании на службу или со службы «учинят ... женскому полу насильство». В законодательстве Петра I говорилось о наказуемости обольщения незамужней женщины обещанием жениться на ней, некоторых видах добровольного и недобровольного полового сношения, его противоестественных формах (скотоложничество, педофилия, мужеложство). Вместе с тем большей частью вопрос об ответственности за половые преступления решался не светским, а церковным законодательством [2, с. 97].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, впервые кодифицировавшее различные уголовно-правовые акты, выделило специальный раздел «О преступлениях против чести и целомудрия женщин». Его статьи устанавливали ответственность за:

- а) растление девицы, не достигшей четырнадцатилетнего возраста;
- б) изнасилование лица женского пола;
- в) похищение;
- г) обольщение женщины или девицы.

Согласно Уложению, преступлениями против общественной нравственности признавались различные виды сводничества (малолетних или несовершеннолетних со стороны их опекуна, учителя или родителя; жен их мужьями), мужеложство и скотоложство. Аналогичным образом оценивалось сожительство неженатого с незамужней.

Вместе с тем, правовая регламентация ответственности за половые преступления постепенно утрачивала зависимость от сословной принадлежности виновного и потерпевшего. Так, уже в начале XVI века, в период феодальной раздробленности русских княжеств, несмотря на законодательно определенные различия в правах представителей различных сословий, «Статут Великого княжества Литовского» 1529 года содержал в седьмом разделе отдельную статью (ст. 6), регламентировавшую ответственность за изнасилование в понимании данного термина, близком к его современному уголовно-правовому толкованию: «...если бы кто-либо изнасиловал женщину или девушку независимо от его сословного положения (...) такой насильник должен быть приговорён к смертной казни» [3].

Среди отечественных источников права петровского периода представляется необходимым выделить Артикул воинский 1715 года, систематизировавший уголовно-правовую регламентацию ответственности не только за изнасилование, но и за иные действия сексуального характера,

несопоставимые с господствовавшими в обществе того периода морально-нравственными представлениями. Так, в названном документе глава XX «О содомском грехе, насилии и блуде» содержала нормы об ответственности за изнасилование, скотоложство, мужеложство, двоебрачие, кровосмешение.

Так, стоит отметить, что систематизация уголовной ответственности за совершенные преступления, началась только в XVI веке. Это было началом усовершенствования нормативного документа.

Следующим этапом систематизации законодательства стал разработанный в начале XIX века Свод законов, который систематизировал законы по отраслевому признаку. Впервые в отечественном уголовном законодательстве нормы делились на Общую и Особенную части. При этом структура Особенной части определялась видами преступных деяний, в один из которых входили и половые преступления.

Очередным шагом в кодификации уголовно-правовых норм стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, которое содержало специальный раздел «О преступлениях против чести и целомудрия женщин». В этом разделе предусматривались нормы, позволявшие дифференцировать ответственность в зависимости от характеристик возраста потерпевшей: предусматривались самостоятельные нормы об ответственности за «растление девицы, не достигшей четырнадцатилетнего возраста», а также за «изнасилование лица женского пола, имеющего более четырнадцати лет от роду». Очевидно, что приведенный пример дифференциации ответственности характеризовал признание на законодательном уровне существования и необходимости уголовно-правовой охраны самостоятельного объекта преступления, определяемого современным правом, как половая неприкосновенность личности.

Необходимо отметить, что, несмотря на достаточно подробную регламентацию ответственности за половые преступления и наличие большого числа законодательно определенных отягчающих обстоятельств, Уложение 1845 г. характеризуется относительной лояльностью и смягчением наказания за половые преступления. В сравнении с ранее действовавшими правовыми актами, предусматривавшими за половое насилие самые суровые меры наказания, вплоть до смертной казни, при этом в наиболее жестоких способах ее исполнения, Уложение 1845 г. уже не предусматривало смертной казни за половые преступления. Представляется, что проявившаяся в Уложении 1845 г. политика экономии мер уголовной репрессии была естественным шагом отечественного законодателя на фоне мировой либерализации уголовного законодательства.

Таким образом, можно сделать вывод, что история развития уголовного законодательства об ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности со времен Древней Руси и по XIX век характеризуется длительным формированием по-

нения половых преступлений, полового насилия, определения и установления содержания составов преступлений рассматриваемой группы. Такое длительное и сложное

формирование названных понятий объяснялось меняющимся течением времени социальной и морально-нравственной оценкой половых отношений.

Литература:

1. Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / отв. ред. Черепнин Л. В. — М.: «Наука», 1976.
2. Российское законодательство X — XX вв. в 9 томах / Под общей редакцией О. И. Чистякова. М., 1984. Т. 3.
3. Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / Под редакцией Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. М., 1990. с. 95.

Право на квалифицированную юридическую помощь в конституционном судебном процессе

Жигарев Роман Валентинович, студент
Тольяттинский государственный университет

В данной статье рассматривается право на квалифицированную юридическую помощь в конституционном судебном процессе. В действующей на данный момент времени Конституции закреплено и обосновано право на юридическую помощь (по статье 48 Закона), что явно оказывает влияние на порядок функционирования существующих публичных институтов, и предписания статьи влияют, в том числе, на реализацию многих субъективных прав. В работе акцентируется внимание на том, что сейчас недостаточно обширно, подробно и недостаточно объемно изучается данное конституционное право, проблеме получения профессиональной юридической помощи не всегда уделяется внимание. Так, анализ нормативно-правовой документации, законов свидетельствует о том, что всё ещё не выработан единый, универсальный и согласованный в научной среде подход к определению рассматриваемого права.

Ключевые слова: право, юридическая консультация, защита прав, юридическая помощь, юридические услуги.

В современных условиях требуется усиление внимания к праву на высококвалифицированную, на действительно высоком уровне оказываемую, помощь юристов. Так, в Конституции закреплено и обосновано право на юридическую помощь (в соответствии с положениями статьи 48), что явно оказывает влияние на порядок функционирования существующих публичных институтов, и предписания статьи влияют, в том числе, на реализацию многих субъективных прав [1].

Конституционный судебный процесс в стране осуществляется с учетом данной темы, принимается во внимание право на помощь со стороны юристов, на консультации, на квалифицированное оказание услуг в этой сфере.

Важность права на юридическую помощь в конституционно-правовых процедурах на данный момент времени буквально очевидна. Так, недостаточно обширно, подробно и недостаточно объемно изучалось конституционное право в контексте получения профессиональной юридической помощи, так же имеет смысл исследовать гарантийные механизмы, связанные с российским и зарубежным опытом.

С теоретико-отраслевой позиции право на квалифицированную юридическую помощь расценивается как гарантия. К примеру, могут быть выделены юридиче-

ские права-гарантии личности, которые позволяют отнести конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи, с одной стороны, к праву в том смысле, как это закреплено в законе, а с другой — к юридической гарантии прав и свобод, так как человек, используя свое право на получение юридической помощи, может защитить свое иное право. Таким образом, право на квалифицированную юридическую помощь — юридическая гарантия всех остальных прав личности.

Конституционное закрепление рассматриваемого права на юридическую помощь неосцимемо, это одно из основных, стержневых и базовых прав [4]. В это право входит регулирование отношений в социуме, адвокат может быть предоставлен, в частности, обвиняемому, подсудимому, подозреваемому в совершении преступления, также сюда входит получение консультативной помощи, в общем виде существует немалое количество видов и способов оказания юридической помощи, которая может быть полезна в разных ситуациях, контекстуально играть роль и иметь значение. Анализ нормативно-правовой документации приводит к выводу, что поныне не выработан единый, универсальный и согласованный в научной среде подход к определению этого права [5].

Это право может принимать две формы и рассматриваться как субъективные, объективные права. В объек-

тивном смысле подразумевается правовой подход, состоящий из комплексных общих принципов.

Сегодня существует два способа раскрытия субъективных прав на юридическое сопровождение — узкая трактовка определяется только адвокатской работой, в расширенном смысле в центре внимания юридическая консультация адвокатов и других авторитетных лиц. Так, право на защиту предусмотрено Конституцией России. Закон предусматривает право оказывать правовую поддержку. Например, стоит упомянуть право на консультацию. В результате конституционная правовая поддержка шире, чем простая правовая поддержка. Даже если в деле замешан адвокат, обученный нотариус также может принимать участие и играть поистине неограниченную роль.

Субъективные права, как правило, раскрывают квалификацию во множестве случаев. Это означает конституционные права на юридическую поддержку, и каждый может направить запросы и имеет право на адвокатов, нотариуса, юридическую поддержку и агентскую помощь.

Так, права человека для оказания благоприятной правовой помощи могут считаться общепризнанными нормами международного права. Существуют соображения для поддержки со стороны властей и общественных групп, чтобы избежать социальных и гарантированных государством нарушений прав человека.

Право на профессиональную помощь адвокатов предполагает высококачественную защиту или уже нарушенные права человека. Строго говоря, предоставление услуги и защита не являются окончанием юридической помощи. Приведение в исполнение является более широким, чем простое и краткое объяснение «юридической помощи».

Смежными, по сути своей синонимичными, терминами являются понятия «юридическая помощь» и «квалифицированная юридическая помощь».

Далее мы рассмотрим семантическое положение этих понятий. Все они имеют различные требования к отображению деталей, заложенных в основу терминологии.

Как общая теоретическая юридическая концепция, юридическая поддержка может быть определена профессиональной и организационной помощи в реализации правовой природы, правоприменительной способности изменения оспариваемого правового статуса и обеспечения максимально возможного удовлетворения интересов физического лица. Правовая помощь признается также как поддержка профессии юристов, основная цель которой — предотвращение нарушений, сглаживание острых углов и минимизации негативных правовых последствий, если есть такой риск. Зачастую это поддержка, которая необходима для восстановления положения.

Важен комплекс регулярных действий в рамках закона, характер профессиональной деятельности адвоката, служебное поведение, а также исполнение официальной роли. Поэтому для квалифицированной помощи абсолютно и необходима профессиональная правовая поддержка для реализации правовых потребностей или об-

учения. Юридическую помощь можно рассматривать как активную профессиональную деятельность лиц, обладающих особыми юридическими знаниями, с личной целью защиты прав и интересов задействованных лиц [4].

Представляет интерес позиция, согласно которой правовая помощь может выражаться как система защиты интересов и юридических потребностей, а также специализированных организаций (нотариусов, детективов и проч.), осуществляющих деятельность. Цель заключается в обеспечении максимальной правовой защиты людей и безопасности. Начиная с позиции иностранных исследователей, вполне обоснованно считать, что правовая помощь позволяет правительству получать доступ к правовой информации для консультантов. В России правовая профессия — институт гражданского общества, поэтому опыт зарубежных стран не соответствует действительности нашей страны, так как в некоторых странах свои правовые особенности, и в этом смысле авторитет и достоверность ставятся под сомнение [4].

Так, защита осуществляется с помощью юридических услуг на основе закона в целях оказания юридической помощи потребителям. Это определение относится к определенной потребительской единице.

Очень важно, чтобы разграничивались особенности и нюансы оказания юридической помощи на дому (например, юридическая консультация через близких друзей, знакомых и других неспециалистов) и юридическая помощь через профессионального адвоката.

Понятие квалификации может быть рассмотрено как термин, взаимосвязанный с пониманием должного уровня профессионализма.

«Квалификация» предполагает, что специалист продвинутый, опытный, присутствует хороший уровень экспертизы (если нужно профессиональное юридическое мнение), степень готовности, профессионализм, готовность к работе и пригодность для всех видов работы.

Квалификация согласно мировой практике может рассматриваться как поддержка со стороны юридических экспертов. По крайней мере человек с юридическим образованием обязан с умом и грамотно, конструктивно, рассудительно и по требованиям соблюдать профессиональные стандарты и этические кодексы. Помощь в судебных издержках не может быть признана вне этих стандартов. Опытный и аттестованный специалист всегда высоко ценится в обществе, он становится востребованным. В правовом смысле квалификация предполагает высокий уровень образования (обязательно высшее юридическое), у человека, оказывающего услуги, должны быть все навыки, необходимые для работы и применимые в деле. Так, квалифицированная помощь со стороны юристов предполагает приемлемый профессиональный уровень имеющихся знаний в нужной области. Юрист должен быть в состоянии подтвердить наличие образования и квалификации (показать и предъявить дипломы, сертификаты, свидетельства и иные документы). В этом плане квалифицированная юридическая помощь как понятие указывает

на тот факт, что лицо, отвечающее установленным для осуществления этой деятельности нормативным требованиям, может быть полноценно и полноправно допущено к оказанию фактической юридической помощи. Квалификация — это только один из аспектов по затратам на процесс, внешний аспект, отражающий статус специалиста. Нужно упомянуть также наличие юридического образования у лиц, оказывающих юридическую помощь по минимальным стандартам льготной юридической помощи. Мы предъявляем к такому человеку особые требования (проверка пригодности, рабочее время и т. д.) [2].

Когда речь заходит о затратах на процессы, «квалификация» имеет менее важное значение. Само по себе понятие характеризует уровень активности, сложность, точность, подотчетность, надлежащее соответствие законодательству, правила оптимального использования средств, методы поддержки в каждом конкретном случае. Квалификация должна быть на высоком уровне, позволять адвокату хорошо выполнять свою работу.

Были интересные попытки описать некоторые нюансы и регламентировать право на помощь юриста в проекте федерального закона. Таким образом, право на участие адвоката является независимым видом деятельности, который продолжает оставаться профессиональной службой в этой стране. В частности, юридические услуги, юридические-устные и письменные консультации, правовое разъяснение прав играет роль и очень пользуется спросом в обществе. Это включает в себя создание и написание юридически значимых документов.

Следует исходить из того, что разнообразие положений используется для конституционного подхода к праву, что нацелено на правомочную судебную поддержку Конституции. Право на правовую поддержку, как представляется, гарантирует другие конституционные права.

В статьях 45–55 Конституции подробно описана нормативно-правовая регламентация и уточнены вопросы, связанные с темой.

Таким образом, конституционные гарантии, как правило, подразделяются на две подгруппы: права выступать в качестве адвокатов, соответственно, относятся ко второй группе прав.

Так, например, события и защита личных прав (на жизнь, личную безопасность и свободу) невозможны без права на юридическую помощь. Это происходит потому, что каждый человек понимает полномочия, которые дают эти права, и может защитить себя в случае необходимости.

Анализ существующей практики и решений КС свидетельствует о том, что Конституционный суд расширительно трактует норму, связанную с оказанием правовой помощи в юридической деятельности, с практической стороны внимание сосредоточено на конкретных аспектах. В судебной практике обращается внимание на непозволительность ограничения конституционного права, которое предполагает качественное и высококвалифицированное оказание помощи, причём то или иное

лицо может самостоятельно выбрать защитника, адвоката. Непосредственно с момента ограничения конкретного права есть право на то, чтобы прибегнуть к квалифицированной помощи от юристов. Право каждого живущего человека на такую квалифицированную и профессиональную помощь не должно трактоваться и интерпретироваться как право, в чем-либо ограничивающее, с позиции КС РФ. Во многих случаях допустима такая квалифицированная помощь, включая случаи уголовного преследования гражданина, причём не имеет значения и принципиальной разницы, может человек оплатить эту помощь или платежеспособным не является. В статье 48 Конституции описано начало, задел, обвиняемый имеет право и поначалу обратиться к адвокату, и на остальных стадиях, включая случаи, когда выносится приговор и человек помещен под стражу. Законно не ограничена частота, длительность встреч с адвокатом, возможны встречи не единожды и неоднократно. В целом, в юридической науке существует немало доводов, которые такую квалифицированную правовую помощь считают институтом и склонны истолковать, расценить такую юридическую помощь, как институт, на самом деле сложный по составу.

Следует учитывать обязывающие характеристики института данного вида правовой помощи.

Также обращают на себя внимание публично-правовые начала профессиональной, квалифицированной, действенной помощи от адвокатов, юристов, правозащитников и реализация данных начал в суде.

Конституционно указываемое право на помощь юристов, которая является действительно профессиональной и оказывается опытными правозащитниками, имеет гарантии, важным является недопустимость ограничения права на юридическую помощь. Качество юридических услуг находится в центре внимания в соответствии с нормами Конституции.

Итак, суммируя вышесказанное и подытоживая исследование, стоит обозначить, что право на квалифицированную помощь в судебном процессе — это особая, комплексная категория, рассматриваться данный институт может в разных ипостасях (в зависимости от контекста, ситуации и от выбранного подхода):

— во-первых, это право является межотраслевым институтом;

— во-вторых, приходится говорить об уникальном и ценном конституционном праве, которое осуществляется в ходе судопроизводства, в судах;

— данное право теснейшим образом связано с доступом к правосудию;

— и, наконец, право на квалифицированную помощь, которая оказывается опытными и профессионально подготовленными юристами, по сути своей считается факультативной гарантией реализации значимого субъективного права, которое предполагает защиту в суде на высоком уровне.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) — СПС Консультант-Плюс.
2. Бойко, Н. С., Иглин А. В., Чуканов И. А. Конституционное право. Учебник. М.: Юрайт, 2017. 464 с.
3. Козлова, Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. М.: Проспект, 2019. 592 с.
4. Козлова, Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. Учебник. М.: Проспект, 2018. 592 с.
5. Комарова, В. В., Варлен М. В., Лебедев В. А., Таева Н. Е. Конституционное право России. Учебник. М.: КноРус, 2019. 280 с.

Актуальные проблемы контрактной системы в сфере публичных закупок

Зыкова Анна Александровна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена решению основных проблем контрактной системы в сфере публичных закупок. Контрактная система в сфере публичных закупок заключается в создании единых условий в целях обеспечения конкуренции участников данного процесса. Любому заинтересованному лицу предоставляется возможность согласно законодательству РФ и иным нормативно-правовым актам о контрактной системе в области закупок выступать в качестве поставщика (подрядчика, исполнителя). Основным законодательным актом в системе государственных закупок, направленным на обеспечения принципов конкурентности в процессе государственных заказов является Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ. Анализ релевантной литературы позволил выделить преимущества и недостатки № 44-ФЗ, которые описывает данная статья.

Ключевые слова: государственный заказ, закупки, № 44-ФЗ, контракт, рыночные отношения, конкуренция.

Actual problems of the public procurement contract system

Zykova Anna Aleksandrovna, student master's degree programs
Moscow University of Finance and Law

The article is devoted to the main problems of the contract system in the field of public procurement. The contract system in the field of public procurement is to create uniform conditions in order to ensure competition among participants in this process. Any interested person is given the opportunity, in accordance with the legislation of the Russian Federation and other regulatory legal acts on the contract system in the field of procurement, to act as a supplier (contractor, contractor). The main legislative act in the public procurement system aimed at ensuring the principles of competitiveness in the process of public procurement is Federal Law dated 05.04.2013 № 44-FL. The analysis of relevant literature allowed to highlight the advantages and disadvantages of № 44-FL, which this article describes.

Keywords: state order, procurement, № 44-FL, contract, market relations, competition.

Система публичных закупок выступает одним из основных факторов регулирования рыночных отношений, поддержки социально-экономической стабильности государства. Для развития приоритетных направлений экономического сектора законодательство предусматривает ряд нормативно-правовых инструментов, направленных на прозрачность и конкурентоспособность в сфере публичных закупок. Современное государство заинтересовано в стабильном производстве отечественного продукта, выход на международный рынок, импортозамещении. В связи с этим разработаны и постоянно совершенствуются меры законодательного

уровня системы закупок, направленные на защиту внутреннего рынка, поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих организаций.

В целях эффективного использования бюджетных средств, обеспечения открытости процедуры закупок товаров, услуг, работ, снижения монополизации и предотвращения коррупции законодательство РФ регулирует отношения, которые направлены на обеспечение государственных нужд. Именно государственные и муниципальные контракты — важнейший инструмент, регулирующий отношения в закупках, поскольку благодаря им

обозначаются вопросы содержания, порядок заключения, исполнения, изменения и прекращения данной процедуры. До вступления в силу действующего Закона о контрактных отношениях, размещение заказа оканчивалось заключением контракта, его исполнение выходило за рамки регулирования законодательства сферы публичных закупок.

В соответствии с действующим законодательством исполнение контракта является целым комплексом мероприятий, которые включают в себя не только обязательства по поставке товаров (выполнению работ, оказанию услуг), но и приемку, экспертизу, оплату, а также действия сторон, которые связаны с изменением и расторжением контрактного обязательства. Несмотря на стремление участников закупочной процедуры к соблюдению всех норм законодательства и заключению наиболее эффективных контрактов, нередко возникают юридические препятствия и споры.

На сегодняшний момент контрактная система представляет собой комплекс взаимосвязанных норм, которые можно изложить в порядке, основанном на юридической силе актов. Основной акт — Конституция РФ [1], в которой важное значение для государственных закупок представляет статья 8. На принципах этой статьи базируются остальные юридические акты, которые регулируют общественные отношения системы закупок. Гражданский кодекс РФ [2], устанавливает порядок поставки товаров для государственных или муниципальных нужд; общие положения о договоре поставки ст. 506–522 ГК РФ; общие нормы, которые регулируют заключение, исполнение, расторжение контракта, защиту прав и интересов сторон. Параллельно с ГК РФ находятся также иные юридические акты, касающиеся общественных отношений системы закупок, к таковым относятся: Бюджетный кодекс РФ [3], Налоговый кодекс РФ [4].

Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» представляет собой фундамент всей контрактной системы государственных закупок.

Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» регулирует закупки компаний, которыми государство владеет как минимум на 50 %. Этот закон гибче и мягче, он не призван регламентировать все этапы сделки.

Совершенствование законодательства системы закупок будет актуально всегда, поскольку социальные, финансовые и политические стороны отношений в мировой экономике постоянно трансформируются. Безусловно действующие нормативно-правовые акты, пришедшие на смену Федеральному Закону «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21.07.2005 № 94-ФЗ, имеют свои преимущества и недостатки.

№ 44-ФЗ являясь основной базовой централизованной контрактной системой закупок, основываясь на практиче-

ских результатах деятельности уполномоченных государственных органов, выделяет следующие положительные моменты процедуры:

- экономия бюджетных средств за счет рыночной конкуренции, а также за счет оптового приобретения однородных товаров (работ, услуг);

- упрощенная форма проведения государственного контроля при организации и осуществлении торгов;

- высокий уровень квалификации сотрудников уполномоченного органа и наличие у них узкоспециализированных знаний позволяет достичь максимального эффекта от проведения закупочной процедуры.

К недостаткам контрактной системы в рамках № 44-ФЗ, выявленных в процессе реализации государственных и муниципальных закупок, можно отнести следующее немалое количество положений:

- объединение схожих нужд заказчиков в единую закупку влечет за собой существенное увеличение объема работы, которую нужно выполнить по условиям контракта (этот фактор становится причиной для отказа многих потенциальных исполнителей от участия в торгах, что влечет за собой снижение уровня конкуренции между участниками);

- установление единых требований проведения закупочного процесса для заказчиков всех уровней (федерального, муниципального и субъекта), что является некорректным для реализации государственного заказа, поскольку у заказчиков разные финансовые растраты. Следовательно, не всегда установленные жесткие рамки соблюдаются заказчиками, из-за чего возникают различные проблемы в виде появления третьих лиц, которые формально выигрывают в торгах и передают местным исполнителям уже готовые контракты, то есть происходит фальсификация документации государственного контракта;

- противоречие принципов российской контрактной системы и самих норм № 44-ФЗ, где предоставляется полная свобода участникам контрактных отношений, и одновременно устанавливаются жесткие правила для ведения проходимой процедуры (к примеру, мониторинг конкурсных торгов, создание контрактной службы, банковские гарантии и иное). В результате этого заказчик может быть обвинен в нарушении российского законодательства и полностью понести юридическую ответственность;

- № 44-ФЗ зиждется на довольно «слабой» нормативно-правовой базе, основываясь всего лишь на нескольких постановлениях правительства РФ, в отличии от утраченного силу № 94-ФЗ от 21.07.2005, который подкреплялся массивами подзаконных актов. Участники закупочного процесса иногда собственноручно домысливают некоторые недоработанные правила реализации государственного заказа. Это говорит о неполноте и несовершенстве нормативной базы российской контрактной системы;

- зачастую увеличенный срок исполнения закупок;

— некоторые требования наличия материальных ресурсов у участников конкурсных торгов;

— возможность одностороннего расторжения контракта по инициативе заказчика, в том числе на основании экспертного заключения [5]. В случае одностороннего расторжения контракта, сведения о поставщике подлежат включению в реестр недобросовестных поставщиков. № 44-ФЗ не регламентирует требования к экспертам и ответственность за результаты их деятельности, соответственно заказчик «формирует» выгодный ему результат. В связи с этим увеличивается риск коррупционной составляющей на стадии исполнения контракта, так как у заказчика имеется возможность давления на исполнителя по средствам угрозы одностороннего расторжения контракта и включения сведений об участнике в реестр недобросовестных поставщиков;

— высокий объем закупок у единственного поставщика, что не позволяет конкурировать субъектам малого предпринимательства (далее СМП);

— отсутствует эффективная система поддержки СМП. Статья 30 [6] устанавливает, что в объеме закупок у СМП ведется учет контрактов, которые заключены с участником, не являющимся СМП, условием исполнения которых является привлечение к исполнению контракта субподрядчиков, соисполнителей из числа СМП. Нормы № 44-ФЗ не содержат механизма отбора и привлечения при исполнении контракта СМП в качестве субподрядчика, а также не содержат запрета привлечения в качестве

соисполнителей по контракту СМП, аффилированных с генеральным подрядчиком;

— проблема в комплексном использовании всей контрактной процедуры: планирование, нормирование, обоснование закупки, создание документации и иное. На данный момент не все инструменты контрактного процесса используются в полной мере (например, выход из строя единой информационной системы, а на официальном сайте государственных закупок ведутся технические работы);

— чтобы разобраться поставщику в нюансах контрактной процедуры — необходимо изучить законодательные, нормативные акты, мониторить их изменения. Данные трудности есть у заказчиков, поскольку любой этап закупки чреват допущением ошибок (осознано либо же нет), за которые должностным лицам придется нести административную или уголовную ответственности.

Несмотря на многочисленные недостатки № 44-ФЗ, контрактная система в целом является эффективным инструментом финансового снабжения, однако только в комплексе использования всех ее средств и методов.

Таким образом, к основным целям Закона о контрактной системе относятся: прозрачность, открытость процедуры, снижение коррупционной составляющей, снижение затрат бюджетного капитала, ориентация на «здоровую» конкуренцию, качественные и своевременные показатели удовлетворения социальных нужд, понимание процесса проведения процедуры закупок для специалистов и участников.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7 — ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ: (ред. от 29.07.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 15.04.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998 г. — № 31. — Ст. 3823
4. Налоговый кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. № 31. 03.08.1998. ст. 3824.
5. Доклад ФАС России по правоприменительной практике, статистике типовых и массовых нарушений обязательных требований законодательства о контрактной системе. 2018.
6. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Пути совершенствования контрактной системы поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг для государственных и муниципальных нужд

Зыкова Анна Александровна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена вопросам путей совершенствования контрактной системы поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг для государственных и муниципальных нужд. Развитие технологий и экономики, новые научные открытия, преобразования в сфере производства и другие сопутствующие прогрессу человечества явления в совокупности влияют на общественные отношения, что неизбежно ведет к необходимости внесения различных уточнений и изменений в сфере правового регулирования. Однако надобность в совершенствовании законодательства возникает и в государствах со стабильной правовой системой, что зачастую обусловлено наличием пробелов в нормативно-правовом регулировании тех или иных общественных отношений. Таковые упущения наблюдаются и в контрактной системе государственных закупок. В связи с этим, как и любой другой пробел законодательства, контрактные закупки необходимо совершенствовать, в том числе ориентируясь на зарубежный опыт.

Ключевые слова: государственные и муниципальные закупки, № 44-ФЗ, № 223-ФЗ, контракт, бюджет, предпринимательство.

Ways to improve the contract system for the supply goods, work and services for state and municipal needs

Zykova Anna Aleksandrovna, student master's degree programs
Moscow University of Finance and Law

The article is devoted to the ways of improving the contract system for the supply of goods, performance of work and the provision of services for state and municipal needs. The development of technologies and the economy, new scientific discoveries, transformations in the sphere of production and other phenomena concomitant to the progress of mankind in the aggregate affect social relations, which inevitably leads to the need for various clarifications and changes in the field of legal regulation. However, the need to improve legislation also arises in states with a stable legal system, which is often due to the presence of gaps in the legal regulation of certain social relations. Such omissions are observed in the contract system of public procurement. In this regard, like any other legislation gap, contract purchases must be improved, including focusing on foreign experience.

Keywords: state and municipal procurement, № 44-FL, № 223-FL, contract, budget, entrepreneurship.

Н а сегодняшний день в условиях экономической нестабильности, постоянного выявления коррупционных преступлений, негативного влияния внешних факторов на российскую экономику, важной задачей является эффективное расходование бюджетных средств всех уровней. Ежегодно, на закупку товаров (работ, услуг) для обеспечения государственных и муниципальных нужд тратится огромная доля федеральных, региональных и муниципальных бюджетных средств. В связи с этим, создание эффективной системы закупок можно без преувеличения назвать стратегической задачей государства. Принятие Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» можно считать началом реформирования института закупок в Российской Федерации. Однако, принятый № 44-ФЗ от 05.04.2013 по нынешний день нуждается в совершенствовании и поправках, поскольку институт системы государственных и муни-

ципальных закупок накопил определенный опыт, подтверждающий сей факт.

Одним из проблемных аспектов регулирования государственных закупок является установление обязательного участия субъектов малого предпринимательства (далее — СМП) и социально ориентированных некоммерческих организаций в объеме не менее чем 15 % совокупного годового объема закупок, что закреплено в статье 30 № 44-ФЗ [1]. А также установление 18 % совокупного годового стоимостного объема договоров с субъектами малого и среднего предпринимательства (далее — СМиСП) согласно Постановлению Правительства России от 11.12.2014 № 1352 [2], которое распространяется на отношения регулируемые Федеральным законом от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее — Закон № 223-ФЗ) [3].

В продолжении обоснования проблемности данного аспекта, следует обратить внимание на то, что согласно Постановлению Правительства России от 04.04.2016

№ 265 [4] устанавливаются следующие предельные значения доходов: микропредприятия — 120 млн. рублей; малые предприятия — 800 млн. рублей; средние предприятия — 2 млрд. рублей. Представляется, что закрепление столь высоких предельных значений дохода, может плохо сказаться на результативности достижения поставленных целей развития СМиСП, которые закреплены в Федеральном законе от 24.07.2007 № 209-ФЗ [5]. К таковым целям относятся: развитие СМиСП в целях формирования конкурентной среды в экономике РФ; обеспечение благоприятных условий для развития СМиСП; оказание содействия СМиСП в продвижении производимых ими товаров (работ, услуг), результатов интеллектуальной деятельности на рынок РФ и рынки иностранных государств; увеличение количества субъектов СМиСП; обеспечение занятости населения и развитие самозанятости; увеличение доли производимых СМиСП товаров (работ, услуг) в объеме валового внутреннего продукта; увеличение доли уплаченных СМиСП налогов в налоговых доходах федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов.

При решении данной проблемы представляется наиболее правильным снижение предельных значений доходов с целью предоставления возможности участвовать в государственных закупках субъектам предпринимательства, чей месячный объем доходов едва ли составляет 10 миллионов рублей. Либо же использовать иной вариант решения проблемы и исключить закрепление положений об обязательном участии СМиСП в государственных закупках в объеме 15 % и 18 %, которые нарушают конкурентную составляющую предпринимательской сферы. В противном случае, по-настоящему малые субъекты не имеют возможности заявить о себе, не получают льготных 75 преференций и поддержки со стороны государства. Поскольку им тяжело конкурировать с теми организациями, которые подпадают под требования СМиСП, но таковыми, по существу, уже не являются. Также, такие льготы могут приводить и к обратном эффекту, они могут провоцировать у организаций желание находиться на иждивении у государства продолжительное время и умышленно не повышать собственные доходы.

Следующим затруднением государственных закупок является преобладание закупок у единственного поставщика. Так, согласно статистическим показателям Министерства Финансов, характеризующих результаты осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд с января по сентябрь 2018 г. закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) составляют 54,04 % от общего объема заключенных в отчетном периоде контрактов. Получается, что больше половины всех государственных закупок осуществляются не на конкурентной основе.

Также, одной из проблем государственных закупок в настоящее время является соотношение цены и качества продукции. Перед заказчиком стоит задача максимально сэкономить бюджетные средства в связи с чем форми-

руется излишний акцент на стоимости закупки. У заказчиков существует обязанность отдавать предпочтение самому низкому ценовому предложению. В результате чего нередко страдает качество. Отсутствуют подробные разъяснения, раскрывающие содержание понятия лучших условий и степени выгодности. Так, в п. 7 и п. 8 ст. 53 Закона № 44-ФЗ затрагиваются такие понятия как степень выгодности и лучшие условия исполнения контракта. Представляется, что должен быть установлен минимальный предел цены и критерии проверки рыночного соответствия такой цены, ниже которой не допускается заключение контракта. А также должны быть подробно указаны и перечислены все критерии определения лучших условий и степени выгодности.

Существуют проблемы, связанные с порядком бюджетного финансирования. Так в соответствии со ст. 69 Бюджетного кодекса РФ [6] к бюджетным ассигнованиям относятся ассигнования на оказание государственных (муниципальных) услуг (выполнение работ), включая ассигнования на закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд. Однако, с бюджетными ассигнованиями есть затруднения, влияющие на государственные закупки, например, денежные средства выделяются из федерального бюджета и при не реализации денежных средств к концу года должны быть возвращены в федеральное ведомство или наоборот в срочном порядке к концу года выделяются денежные средства, которые должны быть реализованы до конца года. Неиспользованные остатки выделенных средств должны быть возвращены в бюджет или могут продолжать расходоваться в следующем году, но для получения такого разрешения на дальнейшее пользования ресурсами необходимо получить положительное решение от соответствующего государственного органа, что является весьма затруднительным. Важным условием сохранения выделенных денег выступает необходимость их полного освоения и актуальность запланированных мероприятий в грядущем финансовом году. Такой строгий характер формальных требований лишает государственных заказчиков возможности гибкого распоряжения средствами, что неизбежно сказывается на государственных закупках. А это в свою очередь влечет к возникновению различных проблем, например, укладка асфальта зимой.

Следующей проблемой является отсутствие достаточного правового регулирования стадии проверки качества и принятия товара или услуги заказчиком, нет определения предельного срока, в течение которого заказчик обязан осмотреть и принять товар или выполненную услугу. Так, статья 531 Гражданского кодекса РФ [7] (далее — ГК РФ) оговаривает, что отношения сторон по исполнению государственного или муниципального контракта должны регулироваться статьями 506–522 ГК РФ. Статья 513 ГК РФ, являясь бланкетной нормой, отсылает правовое регулирование к иным источникам, а именно, оговаривает, что по договору поставки, принятые покупателем (получателем) товары должны быть им осмотрены

в срок, определенный законом, иными правовыми актами, договором поставки или обычаями делового оборота. Однако ни в Законе № 223-ФЗ, ни в Законе № 44-ФЗ нет императивного регламентирования предельного срока для принятия заказчиком исполненного контракта, что в свою очередь позволяет недобросовестным заказчикам длительное время не принимать исполненные заказы, устанавливая в контрактах сроки приемки более 200 дней, что позволяет п. п. 1 п. 13 ст. 34 Закона № 44-ФЗ, а потом, не нарушая закон, оплачивать их в течение 30 дней (п. 13.1 ст. 34 Закона № 44-ФЗ). Чрезмерно длительные сроки приемки заказчиками исполненного контракта не соответствует обычаям делового оборота, ведут к необоснованным затратам участников закупок, так как на них лежат риски и затраты на сохранение результатов исполненного государственного или муниципального заказа до составления акта приема–передач. Такая ситуация нарушает права предпринимателей на своевременную оплату выполненных работ, предоставленных услуг.

Основной проблемой является отсутствие четкой и гармонично структурированной системы норм, которая была бы удобной для восприятия любым субъектом, обладающим намерением и возможностями участвовать в государственных закупках. Существующие законы являются сложными для восприятия неподготовленными лицами. Это подтверждает большое количество изменений, внесенных в законы, а именно 26 редакций Закона № 223-ФЗ и 58 редакций Закона № 44-ФЗ.

Складывается впечатление, что основная цель законодательства не обеспечить эффективные государственные закупки, а установить множество бюрократических процедур, которые порой сильно тормозят процесс и отпугивают потенциальных поставщиков (подрядчиков, исполнителей).

Резюмируя вышеобозначенные проблемы, для совершенствования контрактной системы поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг для государственных и муниципальных нужд может стать серьезным шагом создание отдельного специализированного контролирующего органа. Сейчас же полномочия по правовому регулированию государственных закупок рассредоточены между Министерством финансов России, Федеральной антимонопольной службой России и Министерством экономического развития России.

Таким образом, необходимым действием, направленным на улучшение государственных закупок, представляется создание совершенно нового закона. Контрактная система государственных закупок должна подвергнуться кардинальным изменениям, стать единой для всех, гибкой и упрощенной. Необходимо предоставить заказчикам возможность использовать все преимущества гражданского законодательства. Также одним из путей решения проблем системы может стать создание отдельной единой базы законов о закупках — Кодекса закупок, который позволит избежать многообразия документов в законодательстве и противоречий в них.

Литература:

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».
2. Постановление Правительства РФ от 11.12.2014 № 1352 «Об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»
3. Федеральным законом от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»
4. Постановление Правительства России от 04.04.2016 № 265 «О предельных значениях дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности, для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства»
5. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»
6. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 15.04.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998 г. — № 31. — Ст. 3823
7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ: (ред. от 29.07.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5.

К вопросу о значении правового эксперимента в правотворчестве

Зяблова Татьяна Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент;
Парфенова Дарья Владимировна, студент магистратуры
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России

В Российской Федерации имеется опыт осуществления правотворческих экспериментов. Вместе с тем вопрос их применения в силу своей актуальности нуждается в дополнительном теоретико-правовом исследовании. В статье затрагивается проблема актуальности применения правовых экспериментов, а также обосновывается их роль в системе права.

Ключевые слова: правотворческий эксперимент, правовой эксперимент, нормативный правовой акт, правотворчество, инструмент, эффективность, норма права.

Важнейшей задачей юридической науки является поиск путей эффективного регулирования общественных отношений. В связи с этим представляется необходимым использовать весь арсенал выработанных наукой инструментов, направленных на совершенствование и повышение эффективности нормотворческой деятельности.

Одним из таких инструментов является правовой эксперимент, все чаще выступающий в качестве одного из компонентов правотворческого процесса. Использование эксперимента позволяет избежать ошибок, способных вызвать негативные социально-экономические последствия, а также помогает правильно определиться с выбором самого перспективного варианта правотворческого решения.

В последние годы отмечается рост количества публикаций, посвященных как правовому эксперименту в целом, так и правотворческому, как его разновидности. Но сама проблема правового эксперимента была поставлена еще в 60-е гг. прошлого столетия. Одним из первых к исследованию правового эксперимента обратился Р. А. Сафаров. Он трактовал правовой эксперимент как метод социологических исследований, применяемый в праве и представляющий собой предварительную практическую проверку важного общественно-политического мероприятия для выяснения его целесообразности, эффективности и возможности широкого применения в последующем на практике [1, с. 14]. Р. А. Сафаров отмечал роль эксперимента как способа познания и изменения общественных отношений, а также как основу формирования общественного мнения [там же].

В. В. Лазарев с целью выявления специфики правового эксперимента, уточнил, что, будучи разновидностью социального, правовой эксперимент представляет собой научно обоснованный опыт в сфере государственно-правовых отношений с целью определения активной роли государства и права в развитии данных общественных отношений [2, с. 15]. Конечной целью проведения правового эксперимента, по мнению В. В. Лазарева, является изучение влияния различных форм правоотношений, различных способов правового регулирования на общественные отношения.

Анализ работы В. В. Лазарева и другой научной литературы позволяет утверждать, что специфические свойства правового эксперимента проявляются, во-первых, в необходимости определенных (особых) условий для его проведения. Так, правовой эксперимент должен быть поставлен тогда, когда он в полной мере обоснован, то есть в случае, когда определено, что на основе существующей общественной практики нельзя утверждать или отрицать правильность и актуальность применения нормативного акта. Вторым условием проведения правового эксперимента необходимо назвать его тесную связь с общественным мнением, что обусловлено объектом правового эксперимента — проблемами, представляющими общественный интерес. Следует отметить, что не все результаты законотворческой деятельности привлекают пристальное внимание общественности. Решение некоторых вопросов «технического характера», осуществляемых путем принятия нормативных правовых актов, остаются без внимания. Однако законы, касающиеся, например, охраны природы, социального обеспечения, изменений в сфере образования, ЖКХ и др. нередко становятся резонансными.

В подобных случаях, как отмечает Р. А. Сафаров, сам правовой эксперимент становится основой для формирования и выражения общественного мнения по тому или иному вопросу, так как положительные результаты проводимого эксперимента сами по себе могут убедить граждан в необходимости изменения законодательства по предлагаемой законодателем модели [1, с. 14].

Рассматривая эксперимент в правотворчестве не только как вид правового эксперимента, но как относительно самостоятельный правовой феномен, мы можем выделить также ряд его видовых особенностей.

Говоря о значении правотворческого эксперимента, Р. А. Сафаров утверждает, что он помогает преодолеть разрыв между теорией и практикой законотворчества. Автор полагает, что, обеспечивая единство теории и практики, эксперимент выступает, во-первых, как способ познания общественных отношений, во-вторых, как способ их изменения и, в-третьих, как основа формирования общественного мнения [1, с. 14]. В. В. Лазарев поддерживает данное положение, при этом добавляя, что одновременно

с тем эксперимент выступает как один из специфических методов научного познания [2, с. 13]. Автор также указывает на возможность рассмотрения теории правотворческого эксперимента в качестве составной части теории государства и права.

В этой связи ученые наделяют правовой эксперимент в нормотворчестве рядом важнейших функций.

Кроме предварительной оценки влияния действия нормативного акта на конкретные общественные отношения Р. А. Сафаров выделяет также возможность своевременного издания того или иного нормативного правового акта, а также поиск правильного решения проблемной ситуации. При этом данное положение означает, что эксперимент полезен не только тогда, когда перед законодателем существует выбор из нескольких решений. На практике, при единственном исходном варианте, в ходе и в результате эксперимента могут возникнуть различные пути достижения цели.

Еще одной функцией правотворческого эксперимента следует считать обеспечение стабильности нормативно-правовых актов, то есть создание возможностей для принятия таких решений, которые будут действовать длительное время и не подвергаться частным изменениям [1, с. 17]. Кроме того, В. В. Лазарев отмечает, что правотворческий эксперимент, являясь важнейшим средством проверки гипотезы, выступает критерием установления объективной истины в области правовых явлений.

В рамках исследования проблемы значения правотворческого эксперимента возникает вопрос о том, в каких случаях в процессе законотворчества целесообразно применение правотворческого эксперимента. Р. А. Сафаров утверждает, что такой эксперимент должен быть поставлен в целом ряде случаев, например, тогда, когда эффективность и в целом необходимость приме-

нения нормативного правового акта нельзя обосновать с помощью логического умозаключения или при невозможности с достоверностью определить экономические, социальные и другие последствия его проведения. Еще одним обстоятельством, обосновывающим использование правотворческого эксперимента, является наличие трудностей в предсказании направления общественного мнения в отношении проводимых в жизнь нормативных актов.

Таким образом, не каждый нормативный правовой акт должен быть подвергнут экспериментальной проверке, хотя некоторые ученые выражают мнение о необходимости законодательно закрепить правовой эксперимент как метод правотворчества для того, чтобы предусмотреть порядок применения правовых актов в экспериментальном порядке [5, с. 132].

Помимо указанных, имеется еще одно веское обстоятельство, которое заключается в трудоемкости и дороговизне процесса эксперимента.

Специалисты в области экспериментов в праве также подчеркивают высокую степень ответственности при организации правотворческого эксперимента, так как он затрагивает личные и материальные интересы людей, а также их положение в обществе и коллективе.

Учитывая изложенное, становится очевидным, что вопрос применения правотворческого эксперимента в силу своей актуальности нуждается в дополнительном теоретико-правовом исследовании с целью выяснения целого ряда проблем как более общего характера (например, значение правотворческого эксперимента, оценка его результатов), так, и связанных непосредственно с его проведением (целесообразностью его проведения, с учетом различных обстоятельств в каждом конкретном случае) и др.

Литература:

1. Сафаров, Р. А. Социальный эксперимент и проблемы государства и права / Р. А. Сафаров. — Текст: непосредственный // Советское государство и право. — 1964. — № 10. — с. 14–22.
2. Лазарев, В. В. К вопросу о понятии и пределах эксперимента в области государства и права / В. В. Лазарев. — Текст: непосредственный // Избранные труды. [В 3 т.]. Т. II: Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение. — Москва: Новая юстиция, 2010. — с. 5–15.
3. Ельцов, В. Н. Правовой эксперимент в современной России: Проблемы эффективности: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства, история правовых учений»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ельцов Владимир Николаевич; Государственное образовательное учреждение высшего учебного образования «Тамбовский Государственный университет имени Г. Р. Державина». — Тамбов, 2009. — 163 с. — Текст: непосредственный.
4. Макаров, И. И. Правовой эксперимент как метод совершенствования местного самоуправления / И. И. Макаров. — Текст: непосредственный // Журнал российского права. — 2013. — № 10. — с. 69–75.
5. Панченко, В. Ю. Правовой эксперимент как средство недопущения юридических препятствий в реализации прав и законных интересов / В. Ю. Панченко, В. А. Краснова. — Текст: непосредственный // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 8. — с. 131–135.

О проблемных вопросах, касающихся сделок, в совершении которых имеется заинтересованность

Ибатулина Валерия Олеговна, студент

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

В сфере гражданского оборота по вопросам сделок со специальным порядком свершения произошли существенные изменения. В первую очередь это относится к ситуациям, когда возникает конфликт интересов (заинтересованность). Несмотря на то, что нормативная база основана на документах и проектах, принятых до революции, нововведения все же имеют место, так как вся экономическая система страны сменила курс.

На сегодняшний день сделка с заинтересованностью предполагает наличие следующих аспектов:

- она совершена лицами, включенными в официальный перечень заинтересованных лиц;
- она не влечет за собой убытки для конкретного общества, за счет преувеличения должностных обязанностей данного перечня лиц.

Отметим, что, несмотря на сравнительно долгий путь становления подобных требований и ограничений, могут возникать некоторые проблемы в квалификации данных признаков, в первую очередь это касается лиц, инициирующих заключение сделки с заинтересованностью. На первый взгляд законодательство РФ четко определяет тех, кто относится к данной категории, однако на практике возникает множество неоднозначных ситуаций. Как правило, недействительными становятся те соглашения, которые предполагают его незаконный субъектный состав, т. е. одно лицо выступает в роли единоличного представителя правления у нескольких сторон.

Что касается судебной практики в области регулирования данных вопросов, то здесь возникает много интересных ситуаций. Так, к сделкам с заинтересованностью относят такие соглашения, которые являются дополнением к трудовому договору с руководителем общества, где предусмотрена денежная компенсация в крупном размере в случае его расторжения. Еще одним основанием для установления статуса сделки с заинтересованностью является наличие общего ребенка у лиц, стоящих у руководства хозяйственным обществом, совершившим данную сделку. Отметим, что данные положения в законодательстве не отражены. Здесь стоит обратить внимание, что судебная практика неоднозначна, так как наличие супружеских уз между руководителями обществ не всегда может стать основанием для определения сделки как заинтересованной [3].

На сегодняшний день существует негласное правило о том, что если лицо имеет определенную заинтересованность в одной из взаимосвязанных сделок, то оно автоматически становится заинтересованным во всех соответствующих сделках. Здесь возникает следующая проблема: отличие реальной заинтересованности от стандартной

хозяйственной деятельности. К обоим случаям можно отнести одни и те же операции и манипуляции с недвижимым имуществом компании, а именно: приобретение сырья, реализация выпускаемой продукции, оформление и получение кредитов для того, чтобы осуществить оплату текущих процессов, а также сдача в аренду нежилых зданий (помещений). Все это ограничивается законодательством РФ, несмотря на отсутствие в нормативных актах прямых указаний.

На основании отсутствия в законодательстве РФ ссылок на сделки с заинтересованностью, в реальной действительности возникает большое количество споров и разногласий. Из судебной практики: учредитель организации обратился в арбитраж, для того чтобы аннулировать ранее заключенный договор о субаренде на основании того, что на первоначальном этапе заключения соглашения не было зафиксировано одобрение общего совета учредителей общества. Итогом рассматриваемого в качестве примера события стал отказ судебного органа в исковом требовании, так как сдача недвижимого имущества в аренду в данном случае совершалась в процессе непосредственной хозяйственной деятельности [4].

Таким образом, с момента появления первых акционерных обществ и вплоть до настоящего момента накопилась широкая судебная практика по вопросам регулирования сделок с заинтересованностью. Отметим, что законодательная база в этой области недостаточно развита, вследствие чего физические и юридические лица вынуждены обращаться в суд для разрешения конфликтов. Остановимся более подробно на доказательствах, которые необходимо представить для одобрения подобных сделок. Общее для всех обществ правило гласит: «сделка, требующая специального порядка свершения, подлежит одобрению до ее свершения». Однако допускаются и признаются действительными и другие условия свершения сделки с заинтересованностью. В первую очередь, это наличие протокола общего собрания акционеров, которое проводилось до того, как сделка была заключена. Недействительной в данном случае сделку с заинтересованностью признают, только если его положения не соответствуют действующему на момент подписания законодательству РФ.

Еще одним важным условием является отражение в документации предмета и реальной стоимости сделки (разрешено указывать верхний предел без конкретных цифр). Если в суде будет доказано, что эти данные существенно изменились, то соглашение аннулируется и переводится в статус другого, что подразумевает необходимость нового одобрения.

Следующее доказательство выражается в наличии решения совета директоров (наблюдательного совета). Однако оно подтвердит одобрение сделки только при определенных условиях, отраженных в п. 2 ст. 83 закона «Об акционерных обществах».

Как мы видим, доказательная база достаточно широкая. Особенностью ее использования на практике является тот факт, что при нарушении порядка одобрения сделки с заинтересованностью она не переводится в статус недействительной автоматически. Для этого необходимо обращение в суд и вынесение соответствующего решения его представителями [5].

Обратим внимание, что отсутствие у ООО решения об одобрении сделки с заинтересованностью на практике не является основанием для признания ее недействительной. Данный аспект влияет на исход судебного дела только в том случае, когда будет доказано наличие неблагоприятных последствий, в том числе убытков общества и нарушений прав непосредственных участников сделки. Иными словами, для того чтобы признать сделку с заинтересованностью недействительной, необходимо собрать целый ряд подтверждений ее нецелесообразности и неэффективности в финансовом плане. Несоблюдение условий одобрения не является основанием для вынесения судом положительного решения по исковому требованию в аннулировании данной сделки [6].

Анализ судебной практики выявляет неэффективность нормативно-правовой базы Российской Федерации в области квалификации сделок с заинтересованностью. Подобная ситуация влечет за собой конфликты интересов и распространение мошеннических схем для того, чтобы обойти систему и незаконно получить выгоду за счет третьих лиц. Для избежания подобных последствий необходима четкая регламентация всех этапов совершения сделки с заинтересованностью от момента ее одобрения.

Еще одной проблемой является процесс одобрения крупной сделки с заинтересованностью. Ситуации, когда имеется конфликт в случае принятия различных решений в одно время в отношении одной сделки как по крупной сделке, так и по сделке с заинтересованностью. Данный конфликт возникает из-за другого уполномоченного органа, способного выносить решения по договорам с заинтересованностью. Уполномоченным одобрять крупную сделку органом становится наблюдательный совет компании, когда предмет сделки на сумму от 10 до 25 % от бюджета компании или собрание акционеров компании, когда предмет более 25 % от суммы бюджета. В такой ситуации возникают различные условия для создания кворума по одобрению крупных сделок компании на сумму от 50 % бюджета компании и крупная сделка с заинтересованностью обязательно одобряется общим собранием компании исключительным способом. Действующее законодательство не учитывает голоса участников, имеющих заинтересованность во время проведения голосования. Вышеперечисленные условия могут вызвать противоречия между изданными решениями, предоставить не-

корректную информацию акционерам, членам правления, участникам собрания компании, и лиц ведущих протокол заседания, вызвать неверную позицию по одобрению контракта и другими неприятным результатам. Все эти нарушения в дальнейшем могут считаться основаниями для признания соответствующих сделок недействительными или заблокировать экономическую деятельность компании, находящейся в ситуации, когда она имеет различные решения по одной сделке компании.

По мнению некоторых авторов, для преодоления этих проблем, следует создать институт независимых директоров. Важным также является и решение законом задачи о том, в каком режиме права применяется закон по отношению к крупным контрактам с заинтересованностью. Теоретически целесообразно использование первого режима для контрактов с заинтересованностью, так как это имело бы смысл для соглашения на совершение сделки такими участниками компании, которые не имеют заинтересованности в этом [7].

Многие авторы, считают, что в медиации можно не учитывать требования закона. Так, Алексеев Г. В. считает, что она «обладает упрощенностью и основывается не на законе, а анализирует конфликта интересов сторон» [8]. Он считает, что медиатор сам определяет нужный объем знаний юридической науки, социологии и других наук, необходимых для достижения решения по спорному предмету. Подобное мнение спорно, но пользуется популярностью во многих кругах.

Ю. А. Капул считает, что «медиация может использоваться только, если нет желания сторон и необходимости заключения «мирового соглашения», при вынесении судебного решения». Он отмечает, что при желании стороны имеют право на заключение мирного соглашения, предполагающего сделку, завершающую гражданский спор и прекращающую судебные разбирательства. Однако при использовании медиации такая возможность не предусматривается, так как происходит нарушение норм, прописанных в законодательстве Российской Федерации [9].

Подводя итог, следует сказать, что внедрение предложенных изменений в законодательство правильно распределит риски между субъектами гражданско-правовых отношений и позволит повысить уровень ответственности руководителя за принимаемые решения, а также предотвратит злоупотребление правом.

Опираясь на изменения, внесенные в п. 2 ст. 81 ФЗ «Об акционерных обществах» и п. 7 ст. 45 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», обратим внимание на некоторые обстоятельства, исключающие применение особого режима к сделкам с заинтересованностью.

Наиболее частая ситуация, когда хозяйственному обществу не требуется одобрение — это совершение сделки в процессе обычной хозяйственной деятельности. Этот критерий применяется при условии заключения обществом в течение длительного времени на схожих условиях аналогичных сделок, в совершении которых не имелось заинтересованности, а также к сделкам, заключаемым

кредитными организациями на основании ст. 5 Федерального закона «О банках и банковской деятельности». Иными словами, вновь на первое место выходит прецедент, а не действующая законодательная база.

Презумпция добросовестности всех сторон гражданского оборота является основополагающей в рассматриваемых нормах о крупных сделках и сделках, в совершении которых имеется заинтересованность. Современные версии законов идут вразрез с устоявшимися подходами, заставляя доказывать негативный фактор в виде неосведомлённости контрагента.

Возникает вопрос: «обязательно ли требовать у контрагента в момент заключения сделки подтверждения, что она не является для него экстраординарной, или же, в противном случае, он имеет соответствующее согласие?». Ответ на поставленный вопрос можно получить из Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27. В данном документе устанавливаются обязанности

третьего лица по проверке перед совершением сделки того, является ли она сделкой с заинтересованностью для контрагента или нет. При наличии той или иной информации относительно требуемого обществом-контрагентом необходимого согласия при совершении сделки необходимо внести в договор соответствующее заверение (ст. 431.2 ГК РФ). В то же время указанное действие не является свидетельством добросовестности контрагента.

Таким образом, выделен целый ряд проблем, с которыми сталкиваются физические и юридические лица в момент оформления сделок с заинтересованностью. Отметим, что нормативно-правовая база и судебная практика по данному вопросу постоянно обновляются и расширяются.

Соблюдение всех предписанных норм и понимание специфики заключения подобных сделок дает гарантию сбережения средств и ресурсов компании, а также сведение возможных рисков к минимуму.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 04.11.2019) «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 1, ст. 1; 2001.
2. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 30.07.2020) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства Российской Федерации от 16 февраля 1998 г. № 7 ст. 785.
3. Тымчук, Ю. А. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью: новеллы законодательства // Молодой ученый, 2017 № 1. с. 359
4. Попов, А. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью по-новому // ЭЖ-Юрист. 2016. № 40. с. 13
5. Суриков, Н. С. Оспаривание сделок с заинтересованностью / Молодой ученый. 2019. № 35. с. 80
6. Храпунова, Е. А. Некоторые проблемы правового регулирования сделок корпораций с заинтересованностью в свете реформы гражданского законодательства РФ / Е. А. Храпунова // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4. с. 188
7. Осипенко, О. В. Управление акционерным обществом в условиях реформы корпоративного права. М.: Статут, 2016. с. 133
8. Алексеев, Г. В. Акционерное общество в условиях обновленного законодательства / Г. В. Алексеев, А. С. Семенов. М.: Эдиториал, 2017. с. 156
9. Капул, Ю. А. Изменения в законодательстве о крупных сделках и сделках с заинтересованностью: новеллы, спорные вопросы и проблемы // Право и экономика. 2016. № 10. с. 27

Формирование системы органов исполнительной власти в РФ

Иванова Виктория Валентиновна, студент магистратуры
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В данной статье изучаются этапы и процессы развития и формирования органов исполнительной власти на территории Российской Федерации. Проводится исторический анализ. Формирование системы органов исполнительной власти является важным процессом, так как именно данная ветвь власти является ответственной за формирование и исполнение решений правительства РФ.

Вопросы совершенствования государственного управления и исполнительной власти по-прежнему не утрачивают своей актуальности и являются предметом научного осмысления в теории административного права, конституционного права, а также в практической деятельности государственных органов. Исполнительная власть играет особую позитивную роль не только в жизни общества, но и в экономике современной России.

Как представляется, препятствием к устойчивому экономическому развитию служит сама исполнительная власть, архаично сохраняющая неэффективную модель управления, нарушающая классическую систему сдержек и противовесов,

где роль законодательной (представительной) ветви власти незначительна, а подзаконное нормотворчество зачастую подменяет законотворчество. Стоит отметить, что организационно-правовые изменения в системе управления органами исполнительной власти проводились, как правило, самими органами исполнительной власти и Президентом РФ. Но даже при этом многие положения президентско-правительственных документов остались до конца нереализованными.

Ключевые слова: исполнительная власть, этапы развития, история, Российская Федерация

Formation of the system of Executive authorities in the Russian Federation

Ivanova Viktorija Valentinovna, student master's degree programs
Kaliningrad branch of the Moscow Finance and Law University

This article examines the stages and processes of development and formation of Executive authorities on the territory of the Russian Federation. A historical analysis is carried out. The formation of the system of Executive authorities is an important process, since this branch of government is responsible for the formation and execution of decisions of the government of the Russian Federation.

Issues of improving public administration and Executive power still remain relevant and are the subject of scientific understanding in the theory of administrative law, constitutional law, as well as in the practical activities of state bodies. Executive power plays a special positive role not only in the life of society, but also in the economy of modern Russia.

It seems that the obstacle to sustainable economic development is the Executive power itself, which archaically preserves an inefficient management model and violates the classical system of checks and balances, where the role of the legislative (representative) branch of government is insignificant, and subordinate rule-making often replaces law-making. It should be noted that organizational and legal changes in the management system of Executive authorities were usually carried out by the Executive authorities themselves and the President of the Russian Federation. Even so, many provisions of the presidential and government documents remained completely unrealized.

Keyword: executive power, stages of development, history, Russian Federation

Из Конституции РФ следует, что исполнительную власть в Российской Федерации реализует Правительство Российской Федерации, однако следует отметить, что Правительство РФ — высший, но единственный орган исполнительной власти. Конституция также знает такое понятие как «система органов исполнительной власти», которая представляет собой иерархическую связь органов исполнительной власти. [2]

Прежде всего, стоит отметить, что все исполнительные органы управления делятся в зависимости от уровня, на котором они осуществляют управление на федеральные органы и органы власти субъектов России. Федеральные исполнительные органы государственного управления:

Правительство России — это самый вышестоящий орган исполнительной власти, деятельность которого направлена на разработку и представление проекта федерального бюджета, обеспечение проведения кредитной, финансовой политики, управление собственностью федерации и др. Федеральные министерства — это органы управления отдельными сферами общественной жизни, например, обороной, здравоохранением, образованием, иностранными делами, и пр.

Главными в министерствах являются министры, которые их возглавляют.

Федеральные службы — это исполнительные органы государственного управления, деятельность которых связана с контролем и надзором за тем, чтобы исполнялись правовые нормы в определенных сферах, например, в во-

енно-технической, в здравоохранении, образовании, природопользовании.

Федеральные агентства — это еще один вид органов исполнительной власти по государственному управлению, деятельность которого связана с оказанием государственных услуг, правоприменением и управлением имуществом. Исполнительные органы государственного управления субъектов РФ.

На уровне субъектов также действуют свои исполнительные органы в сфере управления, которые подконтрольны вышестоящим федеральным органам. [1]

Закон относит к ним: глав субъектов РФ (президентов республик, губернаторов, глав администраций, мэров городов); правительства республик, краев, областей и городов федерального значения); мэрии и администрации (в тех субъектах, которые не являются республиками); министерства в республиках; государственные комитеты в республиках; управления, департаменты, отделы, комитеты (все подразделения исполнительных органов государственного управления в субъектах РФ).

Структура исполнительной ветви государственной власти во многом обусловлена ее историческими традициями, особенностями социально-политической культуры и формированием правовой сферы.

Проблема либерализации государственной власти занимала центральное место в социальных дебатах на протяжении всего XIX века. Первым шагом самодержавия в этом направлении было утверждение систематической

практики коллегиального законодательства, сохраняющего решающие полномочия императора.

В 1810 году император Александр I подписал манифест об образовании Государственного совета, не законодательного, а законодательного, члены которого назначались самим монархом.

В его кабинет входили все министры, а также государственные деятели, избранные императором.

Император председательствует на заседаниях Государственного совета и, в его отсутствие, назначении, утверждаемом императором из числа членов Совета.

С 1812 по 1865 год пост президента Государственного совета занимал председатель Совета министров. Функционирование Государственного совета способствовало систематизации российского законодательства и установлению нормативного регулирования во всей сфере государственного управления.

Следующим шагом с интервалом в столетие было утверждение в 1906 году Николаем II двухпалатной системы высших законодательных органов. Нижняя палата первого российского парламента стала Государственной думой, верхней палатой Государственного совета.

Изменились принципы формирования Госсовета: президент и вице-президент Совета, а также половина его членов назначались императором, другая половина избиралась из числа государств и корпораций (духовенство, знать, губернские собрания земства, Академии наук и профессоров университетов, а также крупнейших промышленных и торговых организаций). [двойной]

Принятые Государственной Думой законопроекты были внесены в Госсовет.

На рассмотрение императора были представлены только законопроекты, принятые обеими палатами парламента. Таким образом, сохраняя самодержавие со всеми прерогативами монарха, в государственную систему были введены элементы функционального разделения трех властей.

В результате двух революций, произошедших в 1917 году, первой, разрушившей монархию как форму правления, и второй, разрушившей Российскую империю как государство, произошел приход к власти Коммунистической партии.

Становление Советского государства началось с уникальной концепции государственного устройства.

Коммунистическая партия осуществляла свою власть (официально именуемую «диктатурой пролетариата») через Центральный комитет, Политбюро и правительство, находящееся под его контролем, а также через систему советов, профсоюзов и других структур.

До 2000 года в российской исполнительной власти преобладала логика децентрализации. В 1993–2001 годах си-

стема органов исполнительной власти Российской Федерации неоднократно реформировалась.

Изменения в структуре политической власти как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации, в основном за счет субъективных факторов, проводились без четкого понимания целесообразности.

В результате в 2000 году система исполнительной власти Российской Федерации имела нестабильную и беспорядочную структуру, при необходимости управляющую 89 субъектами Российской Федерации.

Федеральный орган исполнительной власти, принятый и избираемый на территории Российской Федерации, является органом, выполняющим определенные исполнительные функции государственного управления. Процесс базового формирования федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации начался в 2004 году.

Именно в это время начинают происходить различные административные реформы и изменения в управлении. Кроме того, с 2004 года министры имеют право входить в состав правительства Российской Федерации.

На данный момент сформирован полный и исчерпывающий перечень, в который входят основные федеральные органы исполнительной власти на территории Российской Федерации:

Государственная служба фельд저ров Российской Федерации. Said Service — это организация, которая занимается вопросами связи внутри страны и за ее пределами. Служба внешней разведки Российской Федерации. [3]

Служба создана Указом Президента РСФСР в декабре 1991 года. Федеральная служба безопасности Российской Федерации. Создание этой службы состоялось в декабре 1993 года. Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков Российской Федерации. Создание этой службы произошло в марте 2003 года. Служба помогает снизить обострение ситуации с незаконным оборотом наркотиков и психотропных веществ, циркулирующих на территории страны.

Стоит отметить, что эта услуга работает как с внутренними, так и с внешними продажами и доставками. Федеральная служба охраны РФ. В 1991 году состоялось формирование и обучение этой службы, что позволило улучшить управление процессами защиты в самых разных сферах. Главное управление специальных программ президента РФ.

Таким образом, исполнительная власть регулярно взаимодействует с иными направлениями власти, которые устанавливаются и применяются, регулируются и контролируются Президентом Российской Федерации.

Литература:

1. Воронцов, Г. А. Теория государства и права. Краткий курс. За три дня до экзамена. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2013. — 160 с.

2. Дерябина, Е. М. Теория государства и права. Схемы с комментариями. — М.: Проспект, 2015. — 200 с.
3. Зыкова, З. В. Теория государства и права. Конспект лекций. — М.: Ось-89, 2008. — 304 с.
4. Иванов, А. А. Теория государства и права. — М.: Юнити-Дана, 2009. — 352 с.
5. Козлихин, А. В. История политических и правовых учений. — М.: Проспект, 2015. — 304 с.

Виды исков в процессуальном праве России

Ивасюк Иванна Андреевна, студент магистратуры

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород)

В статье рассматриваются различные виды классификаций исков в процессуальном праве России. Приводятся различные точки зрения авторов, которые исследуют данную проблематику, предлагается классификация групповых исков.

Ключевые слова: иск, виды исков, классификация групповых исков.

Вопрос о разновидности исков в процессуальном праве до настоящего времени является дискуссионным и проблемным.

Справедливо утверждение Г. Ю. Мицык, что для облегчения ориентировки в системе исков и приведения рассматриваемых материалов по искам к удобному для дальнейшего познания виду, необходима их научно-обоснованная классификация. [2, с. 68].

В современной юридической науке наиболее принятой считается следующая классификация:

- 1) от предмета спора или процессуальной цели;
- 2) от материально-правового основания;
- 3) от характера защищаемого интереса.

К видам исков, классифицируемых по предмету спора, следует отнести:

- иски о присуждении;
- иски о признании;
- иски о преобразовании;
- иски о воспреещении;
- иски превентивного характера [3, с. 10].

К видам исков, классифицируемых по материально-правовому основанию, следует отнести:

- иски из гражданских правоотношений;
- иски из семейных правоотношений;
- иски из трудовых правоотношений;
- иски из жилищных правоотношений;
- иски из земельных правоотношений;
- иски из иных правоотношений.

Рассматривая данную классификацию, Добровольский А. А., Иванова С. А., отмечают ее положительные моменты, значение которых состоит в том, что она способствует выявлению и учету процессуальных особенностей, при рассмотрении той или иной разновидности иска [4, с. 66].

М. Ю. Галюкова классифицирует иски в зависимости от характера защищаемого интереса на:

- личные иски;
- определенные и неопределенные групповые иски;
- иски в защиту публичных и государственных интересов [3, с. 11].

Н. В. Самсонов классифицирует иски в зависимости от того, кто приобретает выгоду от удовлетворения иска [5]:

1) личные иски — подаются истцом в защиту собственных интересов, который в случае удовлетворения иска становится выгодоприобретателем.

2) иски в защиту государственных или публичных интересов — предъявляются прокурором (ст.45 ГПК РФ) в целях защиты прав и интересов государства, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований и/или общества в целом. Истцом по такому иску является прокурор, а выгодоприобретателем — государство, субъект Российской Федерации, муниципальное образование и/или общество в целом.

3) иски в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц — предъявляются прокурором, органами государственной власти, иными уполномоченными законом субъектами в тех случаях, когда закон предоставляет таким субъектам право защищать интересы конкретного участника спорного материального правоотношения, которому принадлежит право требования (ст.ст.45,46 ГПК РФ).

4) иски в защиту неопределенного круга лиц, которые также могут быть предъявлены прокурором или иным уполномоченным законом субъектом (ст.ст.45,46 ГПК РФ). В данном случае выгодоприобретателем является не все общество в целом, а какая-то его часть, группа, объединяемая по тому или иному признаку, всех членов которой идентифицировать невозможно. Примером такого рода исков может служить иск, поданный обществом по защите прав потребителей о запрете распространения рекламы, нарушающей требования закона. В данном случае персональный состав группы, интересы которой защищаются решением суда при удовлетворении иска, не определен.

5) косвенные иски, которые направлены на защиту интересов лица, предъявляющего иск, прежде всего участника корпорации, однако эта защита осуществляется опосредованно, косвенно, путем защиты интересов другого лица — самой корпорации.

Так, например, иск предъявляется от имени акционерного общества, которое выступает истцом и выгодоприобретателем по делу, а акционер, инициировавший судебное разбирательство, в процессе выступает как представитель акционерного общества и в результате удовлетворения иска получает от процесса косвенную выгоду, связанную с получением обществом дополнительного дохода или уменьшением расходов, что влечет увеличение стоимости его акций и/или размера выплачиваемых ему дивидендов.

б) групповые иски (глава 28.2 АПК РФ и глава 22.3 ГПК РФ).

В научной литературе предлагается классификация и по субъектному составу:

1) эквивалентные иски (или равнозначные) — характеризуются полным совпадением всех элементов: сторон, предмета, основания иска;

2) тождественные иски (или сходные) — характеризуются тем, что при совпадении предмета и основания состав сторон тот же, что и в эквивалентных исках,

3) нетождественные иски — характеризуются иным составом сторон, когда вместо первоначального истца или ответчика действует новое лицо, ранее не принимавшее участия в деле ни в качестве истца, ни в качестве ответчика.

Необходимо остановиться на классификации групповых исков. Групповые иски закреплены в отечественном

гражданском судопроизводстве с 1 октября 2019 г., то есть с момента введения в действие главы 22.3 ГПК РФ, которая устанавливает особенности их рассмотрения [1].

Групповые иски по инициатору процесса можно подразделить на:

1) иски от гражданина или организации, являющиеся членами этой группы лиц, для в защиты прав и законных интересов этой группы;

2) иски от органа, организации и гражданина, не являющиеся членами этой группы лиц, в установленных федеральными законами случаях в защиту прав и законных интересов группы лиц.

Групповые иски в зависимости от сферы применения подразделяются:

1) по спорам в сфере ЖКХ,

2) по трудовым спорам,

3) в спорах с обманутыми дольщиками,

4) в сфере строительства

5) в иных сферах.

Таким образом, в научной литературе предлагаются различные классификации видов исков в зависимости от определенных оснований. Каждая классификация видов исков имеет существенное значение при реализации судебных решений по искам, так и практическое значение, поскольку целевое использование этого средства позволяет эффективно в рамках закона осуществлять защиту прав и законных интересов.

Литература:

1. Федеральный закон от 18 июля 2019 г. N 191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. N 29 (часть 1). Ст. 3858.
2. Мицык, Г. Ю. Проблема классификации исков в гражданском процессе // В сборнике: Теоретические и практические проблемы развития современной науки. сборник материалов IX Международной научно-практической конференции. 2015. с. 153–157.
3. Галюкова, М. И. Иск: теория и практика: учеб. пособие / М. И. Галюкова. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2020. 75 с.
4. Цитата по: Осокина Г. Л. Иск (теория и практика). М.: Городец, 2000. 192 с.
5. Самсонов, Н. В. Групповые иски — новый вид исков в российском гражданском процессе // <http://www.consultant.ru/document/> (Дата обращения 25.07.20 г.)

Институты процессуального соучастия и группового иска: сходство и отличие

Ивасюк Иванна Андреевна, студент магистратуры

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород)

В статье рассматриваются признаки институтов процессуального соучастия и группового иска, приводятся различные точки зрения авторов, которые исследуют данную проблематику, приводятся схожие черты и отличительные признаки.

Ключевые слова: процессуальное соучастие, групповой иск, соотношение понятий.

Институт группового иска впервые введен в гражданское процессуальное законодательство Федеральным

законом от 18.07.2019 N 191-ФЗ [1], хотя в арбитражном процессе он существует более одиннадцати лет [2].

В настоящее время в юридической литературе проводятся исследования правовой природы, сущности, оснований названного института, целесообразность введения в российское законодательство. Поэтому актуальным является вопрос сравнения института группового иска и процессуального соучастия, определения сходных черт и различий данных институтов.

Фактически в ч.1 ст.40 ГПК РФ законодатель закрепил определение процессуального соучастия, согласно которой иск может быть предъявлен в суд совместно несколькими истцами или к нескольким ответчикам. А. А. Карпова называет процессуальное соучастие как форму осложнения процесса, которой характерна множественность лиц на стороне истца и (или) ответчика [3, с. 55]. По мнению М. К. Треушникова, процессуальное соучастие следует рассматривать в качестве участия в одном и том же процессе нескольких истцов или нескольких ответчиков, причем их требования или обязанности не исключают друг друга [4, с. 77].

Практически аналогично дает определение процессуального соучастия А. М. Нурбалаева, называя его одной из форм множественности лиц, которые участвуют в одном процессе. Процессуальное соучастие вызывается из-за наличия многосубъектного спорного материального правоотношения, имеет место быть одно общее основание, из которого вытекает несколько спорных материальных правоотношений, являющихся предметом гражданского судопроизводства, и при условии возможности удовлетворения требований всех соучастников в одном процессе [5, с. 107].

При процессуальном соучастии происходит соединение исков по субъектам процесса, так как одни иски предъявляются несколькими субъектами или одним предъявляются к одному лицу либо к нескольким субъектам соответственно.

Законодательного определения группового иска нет. В. В. Ярков определяет групповой иск как процессуальный институт, который направлен на защиту интересов большой группы лиц, причем персональный состав которой неизвестен на момент возбуждения дела участникам этой группы, одному или нескольким, без специального получения на то полномочий со стороны всех входящих в нее лиц [6, с. 100].

Г. О. Аболонин считает, что такой иск следует определить в качестве письменного обращения в суд, обладающее следующими признаками:

- осуществляемое от имени многочисленной группы лиц,
- содержащее требование о взыскании с ответчика денежной суммы,
- основанное на общем юридическом факте либо общем требовании о восстановлении нарушенного права,
- выдвигаемое в законных имущественных интересах всех участников многочисленной группы лиц,
- рассмотрение осуществляется судом на основании адекватного представительства [7, с. 243].

Итак, анализ нормативных положений главы 22.3 ГПК РФ и АПК РФ позволяет сделать вывод, что групповой иск представляет собой:

- право на обращение в суд за защитой законных интересов группы лиц при наличии определенных условий (ч. 1 ст. 244.20 ГПК РФ)
- имеется общий для всех членов группы ответчик (п.1 ч.1 244.20 ГПК РФ);
- предметом спора выступают общие либо однородные права и интересы(п.2 ч.1 244.20 ГПК РФ);
- основания прав и интересов членов группы обусловлены схожими фактическими обстоятельствами (п.3 ч.1 244.20 ГПК РФ);
- все члены группы используют одинаковый способ защиты своих прав — обращение в суд(п.4 ч.1 244.20 ГПК РФ).

Процессуальное соучастие сходно с институтом группового иска в процессуальном праве России по совокупности следующих признаков:

- наличие в одном процессе множественности лиц, занимающих процессуальное положение сторон — истцы;
- требования истцов имеют взаимосвязь, обусловленную наличием совпадающих юридических фактов, послуживших предпосылкой возникновения спорного материального правоотношения;
- возможность удовлетворения в одном процессе требований всех истцов;
- общей целью институтов процессуального соучастия и группового иска является экономия времени, ответственного для рассмотрения дела, разгрузка судов.

Отличие процессуального соучастия от института группового иска заключается в следующем:

- множественность в групповом иске выражается только на стороне истца, а при процессуальном соучастии — на стороне истца и ответчика;
- в групповом иске должно быть указано лицо, которому поручено ведение соответствующего гражданского дела в интересах группы лиц, а при процессуальном соучастии каждый истец подает иски самостоятельно;
- при процессуальном соучастии каждый истец выступает в процессе самостоятельно, а в судебном разбирательстве при групповом иске участвует лицо, которому поручено ведение дела, и который сам является членом этой группы;
- в случае подачи группового иска минимальное число участников группы в гражданском процессе должно быть не менее двадцати, в арбитражном процессе — не менее пяти, а при процессуальном соучастии законодатель не устанавливает минимальный предел соучастников;
- при процессуальном соучастии решение по делу выносится в отношении каждого соистца или ответчика, при групповом иске — общее судебное постановление, которое распространяется на всех членов группы;
- рассматриваемые институты различаются и сроками судопроизводства: при процессуальном соучастии —

не более двух месяцев, при групповом иске — до истечения восьми месяцев;

— при процессуальном соучастии исковые заявления, подаваемые в защиту своих прав и законных интересов соистцов, должны соответствовать требованиям на основании ст.141 ГПК РФ и ст.125 АПК РФ, при групповом иске — кроме общих требований для искового заявления,

указанных в названных статьях, предусмотрены и специальные — в ст.244.21 ГПК РФ и ст.225.13 АПК РФ

Несмотря на схожесть, институты процессуального соучастия и группового иска имеют большее число отличительных признаков, что говорит о том, что они являются самостоятельными институтами процессуального права.

Литература:

1. Федеральный закон от 18.07.2019 N 191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»// «Собрание законодательства РФ», 22.07.2019, N 29 (часть I), ст. 3858
2. Федеральный закон от 19.07.2009 N 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»// «Собрание законодательства РФ», 20.07.2009, N 29, ст. 3642.
3. Карпова, А. А. Институт процессуального соучастия в гражданском процессе: понятие и виды // Вестник науки. 2019. Т.2. № 1(10). с. 55–57.
4. Гражданский процесс: Учебник для вузов / Под ред. М. К. Треушников. М.: Городец, 2014. 464 с.
5. Нурбалаева, А. М. К вопросу о процессуальном соучастии в гражданском процессе / А. М. Нурбалаева, С. И. Исмаилова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 23 (209). — с. 106–108. — URL: <https://moluch.ru/archive/209/51370/> (дата обращения: 27.10.2020).
6. Ярков, В. В. Групповой иск в проекте единого ГПК России // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 8. с. 100–111.
7. Аболонин, Г. О. Массовые иски в теории гражданского процессуального права // Вестник гражданского процесса. 2015. № 2. с. 243.
- 8.

Элементы иска в процессуальном праве России

Ивасюк Иванна Андреевна, студент магистратуры

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород)

В статье рассматриваются структура иска, элементы иска в процессуальном праве России. Приводятся различные точки зрения авторов, которые исследуют данную проблематику, внесено предложение о совершенствовании законодательства об элементах иска.

Ключевые слова: иск, предмет иска, основание иска, стороны, содержание иска.

Рассматривая значение иска в процессуальном праве России, нельзя обойти вопрос об элементах иска. Иск имеет внутреннюю структуру, складывающуюся из определенных элементов, и они, в свою очередь, определяют его содержание, индивидуализируют его, позволяют отличать друг от друга.

Анализируя процессуальное законодательство, можно делать вывод, что определения элементов иска ни в ГПК РФ, ни в АПК РФ нет. В то же время законодатель использует в ст.39 ГПК РФ, ст.49 АПК РФ такие выражения «как предмет иска» и «основание иска», что фактически является легитимным признанием элементов иска. В научной литературе вопросы изучения элементов иска исследуются давно, и они не менее дискуссионные, чем вопросы определения понятия и правовой природы иска.

Наиболее распространена позиция, что иск обладает двухэлементной структурой. Так, М. К. Треушников к эле-

ментам иска относит предмет и основание иска [1, с. 162]. А. Ф. Клейнман [2, с. 150], П. А. Иевлев [3, с. 29] выделяют еще один элемент — содержание иска. Г. Л. Осокина [4, с. 112] считает, что третий элемент кроме предмета и основания — это стороны иска.

Для более полного понимания необходимо рассмотреть и определения каждого элемента иска.

Предмет иска в теоретических источниках также понимается по-разному:

- как выдвигаемое истцом материально-правовое требование для защиты нарушенного права или охраняемого законом интереса [1, с. 163];
- как способ защиты нарушенного права или охраняемого законом интереса [5, с. 73];
- в качестве гражданского правоотношения, связывающего стороны: истца и ответчика [1, с. 199];
- в качестве спорных прав и обязанностей [6, с. 199];

— как требование к суду об удовлетворении притязания к ответчику [7, с. 146].

Наиболее подходящей представляется позиция, рассматривающая предмет иска в качестве материально-правового требования истца к ответчику, которое получает разрешение через суд с использованием процессуального механизма. Причем судебная практика содержит аналогичное понимание предмета иска. Так, в Решении № 2–42/2020 2–42/2020(2–597/2019;) от 26 февраля 2020 г. по делу № 2–42/2020 Мокшанский районный суд Пензенской области конкретно указывает, что предметом иска является конкретное материально-правовое требование истца к ответчику, возникающее из спорного правоотношения и по поводу которого суд должен вынести решение [8]. Аналогичные положения содержатся и в Решении № 2–335/2020 от 18 февраля 2020 г. по делу № 2–335/2020 Шпаковского районного суда Ставропольского края [9].

Не вызывает дискуссий наличие также такого элемента, как основание иска. Но понимание основания иска спорно и в настоящее время. Основание иска понимается:

— как фактические обстоятельства дела, на которые ссылается истец при предъявлении иска [10, с. 65];

— как юридические факты, на которые также ссылается истец при предъявлении иска [4, с. 122];

— как гражданское правоотношение, возникающее между истцом и ответчиком [11, с. 65];

Нет единого понимания основания иска и в судебной практике. В частности в Решении № 2–42/2020 2–42/2020(2–597/2019;) от 26 февраля 2020 г. по делу № 2–42/2020 Мокшанский районный суд Пензенской области конкретно указывает, что основание иска составляют юридические факты, на которых истец основывает свои материально-правовые требования к ответчику. [8]. В то же время в Решении № 2–1177/2020 от 29 апреля 2020 г. по делу № 2–1177/2020 Кировский районный суд города Саратова подчеркивает, что формулирование предмета иска (требования) непосредственно зависят от тех фактических обстоятельств, которые составляют основание иска [12].

Ерёменко К. М., исследуя проблематику основания иска, говорит, что оно представляет собой сложный фактический состав, в который входят факты: правопродуцирующие, активной и пассивной легитимации, повода к иску. Основание иска состоит из двух частей: фактической и юридической. Фактический аспект включает в себя лишь те факты, с которыми нормы материального права связывают возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей субъектов сторон материального правоотношения. Юридическое основание иска — это указание в исковом заявлении на законы и иные нормативные акты [13, с. 380].

Автор поддерживает позицию, что основанием как элемента иска являются юридические факты, которые обосновывают материально-правовое требование истца

к ответчику. Истец в своем исковом заявлении обязательно указывает, в чем заключается нарушение или угроза нарушения прав, свобод, законных интересов, а также излагает обстоятельства, являющиеся основанием его требований. И, конечно, основанием иска становится не просто один юридический факт, а несколько, требующий полного рассмотрения всех фактов в совокупности.

В качестве третьего элемента иска можно рассматривать стороны, поскольку одним из признаков исковой формы защиты права или законного интереса является наличие спора о субъективном праве или законном интересе, что, в свою очередь, предполагает наличие спорящих субъектов — сторон с противоположными интересами. Из этого следует логичный вывод, что для иска необходимо наличие такого элемента, как стороны.

Этот вывод, имеющий теоретический характер, нашел подтверждение в процессуальном законодательстве:

— на основании ст. 221 ГПК РФ не допускается повторное обращение в суд по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям не допускается, и производство по такому делу прекращается определением суда;

— на основании п. 2 ч. 1 ст. 150 АПК РФ производство по делу должно быть прекращено арбитражным судом, если имеется вступивший в законную силу судебный акт по спору между теми же лицами, о том же предмете, по тем же основаниям.

К. И. Комиссаров, выделяя стороны как третий элемент иска, объясняет, что предмет и основание иска только тогда приобретают необходимую определенность, когда говорится о конкретных носителях субъективных прав и обязанностей [14, с. 178].

Стороны также возможно отнести к элементам иска, так как без них невозможно конкретизировать сам иск.

Содержание иска как отдельного его элемента выделяли ученые А. Ф. Клейнман [15, с. 150–151], и определил его как конкретную просьбу истца о присуждении, признании или преобразовании его субъективного права. Тем не менее, содержание в качестве элемента иска не нашло своего выражения в процессуальном законодательстве. Данное положение подверглось критике со стороны Г. Л. Осокиной [4, с. 110–112]. Ученый подчеркивает, что при выделении содержания в качестве самостоятельного элемента иска ведет к противоречию сущностного толкованию этого понятия.

На основании проведенного в рамках настоящей статьи исследования элементов иска можно констатировать, что различные взгляды на понимание структуры иска, понятий его элементов, только обогащают учение об иске, позволяют его конкретизировать и индивидуализировать. Автор вносит предложение о введении в процессуальное законодательство нормы, где была бы закреплена элементная структура иска и раскрывались понятия элементов иска.

Литература:

1. Гражданский процесс: Учебник для вузов / Под ред. М. К. Треушникова. М.: Городец, 2014. 464 с.
2. Клейнман, А. Ф. Некоторые теоретические вопросы учения об иске в советском гражданском процессе (1969) // Избранные труды. Том 2 Краснодар, 2009. с. 720.
3. Иевлев, П. А. Уточнение иска: диспозитивное право истца, выработанное судебной практикой // Новеллы гражданского процессуального права: материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию М. С. Шакарян. М., 2004. с. 29.-35.
4. Осокина, Г. Л. Иск. Теория и практика. М., 2000. 192 с.
5. Улетова, Г. Д. Элементы иска: понятие и практическая значимость // Иск в гражданском и арбитражном процессах: Труды. № 1/2006. М, 2006 с. 73–74.
6. Гражданское процессуальное право: учебник / Под ред. М. С. Шакарян. М., 2004. 584 с.
7. Гражданское судопроизводство / под ред. В. М. Семенова. — Свердловск, 1974.
8. Решение № 2–42/2020 2–42/2020(2–597/2019;) от 26 февраля 2020 г. по делу № 2–42/2020 Мокшанский районный суд Пензенской области// <https://sudact.ru/regular/>(Дата обращения 20.07.20 г.)
9. Решение № 2–335/2020 от 18 февраля 2020 г. по делу № 2–335/2020 Шпаковского районного суда Ставропольского края// <https://sudact.ru/regular/>(Дата обращения 20.07.20 г.)
10. Исаенкова, О. В. Иск и исковая форма защиты в гражданском процессе. Монография. Москва, Издательство Юрайт. 2020. с. 65.
11. Добровольский, А. А. Элементы иска как его составные части // Добровольский А. А., Иванова С. А. Основные проблемы исковой формы защиты права. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. с. 45–46.
12. Решение № 2–1177/2020 от 29 апреля 2020 г. по делу № 2–1177/2020 Кировский районный суд города Саратова// <https://sudact.ru/regular/>(Дата обращения 20.07.20 г.)
13. Еременко, К. М. Понятие и элементы иска в арбитражном процессе// Аллея науки. 2020. Т. 2. № 4 (43). с. 379–383.
14. Советский гражданский процесс / под ред. К. И. Комиссарова, В. М. Семенова. — М., 1988. 272 с.
15. Клейнман, А. Ф. Советский гражданский процесс / А. Ф. Клейнман. — М. Изд-во МГУ, 1964. 355 с.

Соблюдение баланса интересов взыскателя и должника по алиментным платежам как одна из основных задач судебных приставов

Истомина Варвара Александровна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Проблема взыскания алиментов в пользу несовершеннолетних детей и престарелых родителей была раньше и остается сейчас настоящей болью современного общества. Пути решения этой сложной задачи скорее всего таятся в воспитании на генетическом уровне чувства ответственности перед беззащитными и нуждающимися в помощи. У судебного пристава возникает необходимость взвешенного подхода при взыскании алиментов в целях соблюдения баланса интересов взыскателя и должника.

Ключевые слова: судебный пристав, баланс интересов, алименты, взыскатель, должник.

Законодатель находится в перманентном поиске наиболее эффективных мер воздействия на злостных неплательщиков по алиментным обязанностям. Помимо гражданско-правовой и административной ответственности с принятием Уголовного Кодекса Российской Федерации 1996 года статьей 157 установлена уголовная ответственность за «злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей». С 12.04.2020 г. изменено название самой статьи, состав преступления определен как неоднократное уклонение от уплаты алиментов.

При отсутствии соглашения об уплате алиментов алименты взыскиваются в судебном порядке на нетрудоспо-

собных совершеннолетних детей (ст. 85 СК РФ), на нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей с трудоспособных совершеннолетних детей (ст. 87 СК РФ), на супруга либо бывшего супруга (ст. 91 СК РФ), на других членов семьи (ст. 98 СК РФ).

В статье 4 Закона об исполнительном производстве заложен принцип соотносимости объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения.

При взыскании алиментов с должника судебные приставы руководствуются Методическими рекомендациями по порядку исполнения требований исполнительных документов о взыскании алиментов (утв. Федеральной

службой судебных приставов от 19 июня 2012 г. № 01-16) [9]

Часто в практике судебных приставов возникает проблема баланса интересов участников правоотношения по алиментным обязательствам. Так, Конституционным судом РФ была рассмотрена жалоба гражданина В. Н. Гниломедова [6] о несоответствии конституционным нормам подпункта «о» пункта 2 «Перечня видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей» [10].

Гражданин, имеющий задолженность по алиментным платежам, заключил сделку купли-продажи земельного участка с жилым домом, которым он владел вместе с сестрой. С 25 % от суммы дохода, полученного в результате сделки, судебный пристав произвел удержание в пользу несовершеннолетних детей.

По мнению Гниломедова, подпункт «о» пункта 2 Перечня видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей, противоречит статьям 19, 35 (часть 2), 38 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, так как придает понятию «доход, из которого производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей» расширительное значение и позволяет обращать взыскание на доходы, полученные от сделок, носящих разовый характер.

КС РФ разъяснил, что порядок исполнения алиментных обязательств содержится в Семейном Кодексе РФ, который исходит прежде всего из приоритета добровольности исполнения родителями своих обязательств по отношению к детям. При осуществлении взыскания суд должен исходить из материального положения сторон.

Алименты подлежат удержанию из доходов, полученных должником по договорам, заключая которые плательщик алиментов реализует свое право на свободное использование способностей и имущества для законной экономической деятельности, а равно право на труд.

Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что оспариваемые положения не содержат неопределенности.

Однако, по прошествии нескольких лет Конституционный суд РФ признает, что «Перечень» нуждается в конкретизации. Должник по алиментным обязательствам Г. А. Белосков [11] заявил о неконкретном содержании подпункта «п» пункта 2, который исключает возможность наложения взыскания на некоторые виды выплат, производимые работодателем. Гражданин заявил о необходимости исключения из видов дохода, из которого могут быть взысканы алименты, компенсационных сумм выплат работодателя в связи с использованием работником личного автотранспорта. Конституционный Суд согласился с жалобой Г. А. Белоскова.

Как показывает практика, достаточно ощутимым стимулом для добровольного исполнения решения суда об уплате алиментов является наложение временного ограничения на выезд должника за границу, если он имеет перед кредитором задолженность свыше 10000 рублей.

Направление такой информации в миграционные и пограничные службы прекращает алиментщику выезд за рубежи Отечества.

Постановление об ограничении выезда пристав выносит на основании п. 15 ч. 1 ст. 64 Федерального закона от 02.10.2007 N 229-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «Об исполнительном производстве».

Инициатором вынесения такого постановления может являться как сам пристав, так и кредитор — как правило, один из родителей несовершеннолетнего ребенка. Если же явившийся должник оплатит сумму долга, то торопиться ему за границу все равно не стоит, поскольку срок отмены постановления об ограничении выезда законом не регламентирован.

Однако, как разъяснил Конституционный Суд РФ, судебный пристав-исполнитель, возбуждающий исполнительное производство, не может одновременно выносить постановление об ограничении выезда из Российской Федерации. Такие ограничения пристав может вводить после истечения установленного им срока на добровольное исполнение должником содержащегося в исполнительном документе требования, а также только при получении сведений о том, что должник обладает информацией о возбужденном в отношении него исполнительном производстве и уклоняется от добровольного исполнения содержащегося в исполнительном документе требования [3].

Из временных ограничений на пользование должником специальным правом (ст. 67.1 ФЗ «Об исполнительном производстве») следует прежде всего отметить лишение права управления транспортным средством, введенные в 2016 году новой редакцией Закона об исполнительном производстве.

Данное ограничение не допустимо, если установление такого ограничения лишает должника основного источника средств к существованию, а также если должник и члены его семьи проживают в местности с недостаточно развитой инфраструктурой и передвижение на личном транспорте служит средством жизнеобеспечения семьи.

Принимая во внимание условия современности, Федеральная служба судебных приставов и Министерство юстиции Российской Федерации обсуждают возможность временной приостановки на шесть месяцев принудительного взыскания долгов с граждан в связи с возникшей ситуацией масштабным заболеванием коронавирусом в нашей стране. Как же расставляются приоритеты в данном случае? Похоже, что детям, брошенным нерадивыми отцами (матерями), а также престарелым родителям следует объяснить, что в это беспокойное время им не следует хорошо питаться, заказывать доставку продуктов и лекарств, поскольку их родителю (сыну) тоже тяжело. Такой подход однозначно умаляет права взыскателя, являющегося престарелым одиноким пенсионером, либо представляющего интересы несовершеннолетнего ребенка, расставляя приоритеты только в сторону должников.

Таким образом, решение проблемы сохранения баланса интересов взыскателя и должника видится в систематическом обобщении судебной практики, изучении опыта зарубежных стран, приведения в соответствие с требованиями, выдвигаемыми реалиями современности.

Литература:

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации/ «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954;
2. Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «Об исполнительном производстве»/Собрание законодательства РФ», 08.10.2007, N 41, ст. 4849/;
3. Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2014 N 1561-О «По жалобе гражданина Черепанова Андрея Владимировича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 30 и частью 2 статьи 67 Федерального закона «Об исполнительном производстве»//СПС КонсультантПлюс
4. Определение Конституционного Суда РФ от 17 января 2012 г. N 122-О-О «По жалобе гражданина Гниломедова Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав подпунктом «о» пункта 2 Перечня видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей»//СПС КонсультантПлюс
5. Определение Конституционного Суда РФ от 11 мая 2012 г. N 800-О-Р «Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства гражданина Гниломедова Владимира Николаевича о разъяснении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2012 года N 122-О-О»
6. Определение Конституционного Суда РФ от 17 января 2012 г. N 122-О-О «По жалобе гражданина Гниломедова Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав подпунктом «о» пункта 2 Перечня видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. N 47.
7. Габов, А. В. Баланс конституционных принципов свободы экономической деятельности и социального государства (на примере правовых позиций Конституционного Суда) (под общ. ред. С. Д. Могилевского, М. А. Егоровой // Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Юридический факультет им. М. М. Сперанского).//«Юстицинформ», 2015 г.
8. Международно-правовой аспект права ребенка на получение содержания от родителей (Н. В. Кравчук, «Законы России: опыт, анализ, практика», N 1, январь 2015 г.)
9. Методические рекомендации по порядку исполнения требований исполнительных документов о взыскании алиментов (утв. Федеральной службой судебных приставов от 19 июня 2012 г. № 01-16)//Бюллетень ФССП Минюста РФ, 2012 г. № 8
10. Постановление Правительства РФ от 18 июля 1996 г. N 841 (в ред. от 01.04.2019 г.) «О перечне видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей» // СЗ РФ, 1996 г. N 31 ст. 3743
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 февраля 2019 г. N 7-П «По делу о проверке конституционности подпункта «п» пункта 2 Перечня видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей, в связи с жалобой гражданина Г. А. Белоскова»// СПС Консультант-Плюс

Особенности формы договора доверительного управления исключительными правами

Калякина Ольга Олеговна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Статья посвящена изучению требований, предъявляемых законодательством к форме договора доверительного управления исключительными правами. Автором исследуется вопрос о необходимости государственной регистрации таких договоров. Исходя из особенностей отдельных объектов интеллектуальной собственности автор статьи приходит к выводу о необходимости внесения в гражданское законодательство положения об обязательной государственной регистрации договоров доверительного управления исключительными правами на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения, товарные знаки, наименования места происхождения товара.

Ключевые слова: договор доверительного управления имуществом, интеллектуальная собственность, исключительные права, государственная регистрация.

В соответствии с общими положениями договор доверительного управления имуществом заключается в письменной форме, при этом в случае, если объектом договора является недвижимое имущество, необходима государственная регистрация доверительного управления (статья 1017 ГК РФ) [1].

Учитывая вышеизложенное, можно прийти к выводу, что договор доверительного управления исключительными правами заключается в письменной форме и не подлежит государственной регистрации. Однако анализ норм, регулирующих права на отдельные результаты интеллектуальной деятельности, приводит к необходимости более детального изучения вопроса государственной регистрации доверительного управления исключительными правами.

В соответствии с частью 1 статьи 1232 ГК РФ исключительные права на определенные результаты интеллектуальной деятельности и средства их индивидуализации признаются и охраняются после их государственной регистрации. К ним, в частности, относятся: изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения, товарные знаки, наименования места происхождения товара (статьи 1353, 1414, 1480, 1518 ГК РФ) [1].

При заключении договора по отчуждению исключительных прав на указанные результаты или средства индивидуализации, а также при их залоге, предоставлении права использования по договору, при переходе такого исключительного права без договора необходима государственная регистрация (часть 2 статьи 1232 ГК РФ) [1].

Договор доверительного управления исключительными правами не предполагает их отчуждение, следовательно, не подпадает под указанное правило.

Однако государственной регистрации подлежит предоставление по договору исключительного права на изобретения, полезные модели или промышленные образцы (часть 2 статьи 1369 ГК РФ), и на товарные знаки (часть 2 статьи 1490 ГК РФ) [1]. Следовательно, буквальное толкование указанных норм права предполагает необходимость регистрации доверительного управления исключительными правами на указанные результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

Внимание рассматриваемому вопросу уделяется и в научной литературе. С. П. Гришаев писал, что регистрация договора доверительного управления исключительными правами необходима, поскольку по этому договору происходит предоставление права использования объекта [4].

Е. В. Зубкова отмечала, что необходима регистрация в Роспатенте договора доверительного управления исключительными правами на объекты промышленной собственности, при этом она указывает на невозможность регистрации указанного договора как договора уступки прав, поскольку он обладает иной юридической природой [6, с. 19–20].

По мнению Г. Р. Тлягулова необходимо внести изменения в гражданское законодательство, установив обязательное правило о государственной регистрации договора доверительного управления в отношении тех результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, которые подлежат регистрации [9, с. 102].

В. Н. Евдокимова полагает, что в настоящее время отсутствуют основания для осуществления регистрации договора доверительного управления исключительными правами в Роспатенте, соответственно не приходится говорить о необходимости регистрации таких договоров и признания их заключения с момента регистрации. Однако далее она делает вывод о том, что существуют причины (в их числе — ведение учёта носителей производных правомочий), обуславливающие необходимость нормативного закрепления правила о государственной регистрации рассматриваемого договора [5].

А. В. Макаричев, анализируя цели государственной регистрации, приходит к выводу о том, что, поскольку доверительный управляющий, осуществляя свою деятельность, обязан уведомлять третьих лиц о том, что он действует в интересах учредителя управления, необходимость в дополнительной фиксации прав доверительного управляющего путём осуществления государственной регистрации отсутствует. По его мнению, требование осуществления такой регистрации в случаях совершения управляющим только фактических действий в отношении объекта управления может создать лишние трудности при заключении договора.

Однако если управляющий в своей деятельности осуществляет юридические действия — требование о государственной регистрации договора становится оправданным.

Также А. В. Макаричев указывает на проблему подтверждения полномочий управляющего при заключении договоров в отношении объекта управления с третьими лицами, когда такие договоры подлежат обязательной государственной регистрации (например, лицензионного договора). Учёный проводит аналогию с доверительным управлением недвижимым имуществом, поскольку в данном случае нормами права урегулирована возможность осуществления управляющим сделок по распоряжению недвижимостью. При этом соответствующий правовой механизм в отношении распоряжения исключительными правами отсутствует. Подавать документы в регистрирующий орган имеют право только стороны договора или их представители, чьи полномочия подтверждаются доверенностью. Правила о подаче документов доверительным управляющим отсутствуют, что может привести к сложностям при исполнении управляющим своих обязанностей [7, с. 135–139].

М. С. Андрианова также указывает на необходимость нормативного закрепления права доверительного управ-

ляющего на заключение договоров, связанных с распоряжением исключительными правами, которые подлежат государственной регистрации [26 с. 82].

3. Э. Беневоленская в свою очередь полагает, что в соответствии с частью 6 статьи 1232 ГК РФ договор доверительного управления исключительными правами должен быть зарегистрирован в федеральном органе исполнительной власти по интеллектуальной собственности, в противном случае такой договор будет признан недействительным [3, с. 744].

Однако в Административном регламенте предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по государственной регистрации распоряжения по договору исключительным правом на изобретение, полезную модель, промышленный образец, товарный знак, знак обслуживания, зарегистрированные топологию интегральной микросхемы, программу для электронных вычислительных машин, базу данных не предусмотрена регистрация договора доверительного управления исключительными правами. Следовательно, в настоящее время у Роспатента отсутствуют правовые основания для регистрации таких договоров.

Отсутствие регистрации договора доверительного управления исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, которые подлежат в соответствии с законом государственной регистрации, может негативно сказаться на возможности доверительного управляющего осуществлять свою деятельность. Как отметил Д. В. Мурзин

на заседании научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам 23.05.2014 при отсутствии регистрации договора доверительного управления товарным знаком такой договор не будет учитываться третьими лицами, поскольку в соответствующих реестрах о нём не будет никаких сведений. Следовательно, договор доверительного управления такими объектами не будет создавать прав и обязанностей для третьих лиц, хотя и будет действовать между учредителем и управляющим [8].

Таким образом, договор доверительного управления исключительными правами заключается в письменной форме и в соответствии с действующим законодательством не подлежит государственной регистрации. Несоблюдение формы договора влечёт признание его недействительным.

Однако, учитывая специфику некоторых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации (изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения, товарные знаки, наименования места происхождения товара) представляется необходимым внести в ГК РФ норму о государственной регистрации договоров доверительного управления в случае передачи права управления указанными объектами. Кроме того, следует включить доверительного управляющего в перечень лиц, которые вправе подавать документы на регистрацию договоров по распоряжению исключительными правами для предоставления управляющему возможности в полной мере осуществлять свою деятельность.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: ФЗ РФ от 18.12.2006 № 230-ФЗ (в ред. от 18.07.2019) // СЗ РФ. 25.12.2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496; 22.07.2019. № 29 (часть I). Ст. 3844.
2. Андрианова, М. С. Договор доверительного управления исключительными правами в системе гражданско-правовых обязательств / М. С. Андрианова. — Текст: непосредственный // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. — 2016. — № 1 (3). — с. 79–85.
3. Беневоленская, Э. Э. Доверительное управление имуществом в сфере предпринимательства: монография. — М.: Проспект. — 2017. — 304 с.
4. Гришаев, С. П. Доверительное управление имуществом / С. П. Гришаев. — Текст: электронный // СПС Гарант: [сайт]. — URL: <http://base.garant.ru/5859718> (дата обращения: 25.10.2020).
5. Евдокимова, В. Н. Вопросы правомочности лицензиара в лицензионном договоре / В. Н. Евдокимова. — Текст: непосредственный // Адвокат. 2000. № 7. с. 22–28.
6. Зубкова, Е. В. Доверительное управление исключительными правами: дисс... канд. юрид. наук / Е. В. Зубкова — М. — 2002. — 155 с.
7. Макаричев, А. В. Доверительное управление в праве интеллектуальной собственности: дис. ... канд. юрид. наук. / А. В. Макаричев — М. — 2011. — 188 с.
8. Протокол № 4 заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 23 мая 2014 года / Текст: электронный // ipc.arbitr.ru: [сайт]. — URL: <http://ipc.arbitr.ru/node/13493> (дата обращения: 25.10.2020).
9. Тлявгулов, Г. Р. Договорные способы распоряжения исключительными правами на объекты патентных прав / Г. Р. Тлявгулов. — Текст: непосредственный // *Matters of Russian and International Law*. 2017, Vol. 7, Is. 7A. с. 99–108.

Участие прокурора в гражданском судопроизводстве по защите прав несовершеннолетних

Килимова Юлия Евгеньевна, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Согласно статье 38 Конституции Российской Федерации детство, материнство и семья находятся под государственной защитой. Поэтому защита детей это одна из главных и важных задач российской Федерации, которая возложена как на родителей, так и на уполномоченные органы. Полномочиями по обеспечению соблюдения Конституции РФ, Гражданского кодекса РФ и Семейного кодекса РФ наделены органы прокуратуры.

Дети, в силу своей умственной и правовой незрелости нуждаются как никто другой в правовой защите в судопроизводстве. Государство в свою очередь может их обеспечить правовым помощником в этих делах — прокурором.

Приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации, «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» [5], в рамках своих полномочий прокурор пользуется предоставленными полномочиями, такими как:

- пресечение фактов жестокого обращения с родителями (психологическое, физическое, сексуальное насилие в семье и образовательных учреждениях);

- систематические проверки соблюдения российского законодательства о защите детей от информации, которая может нанести вред их здоровью, духовному и нравственному развитию, репутации, в деятельности средств массовой информации, органов и учреждений образования и культуры;

- систематические проверки по исполнению законодательства об охране жизни и здоровья несовершеннолетних и др.

При наличии оснований прокурор может инициировать проведение проверок в рамках уголовно-процессуального законодательства, а также обращаться в суд в рамках судебной защиты в порядке гражданского судопроизводства.

В рамках своих полномочий прокурор участвует в гражданском процессе в следующих формах: инициативная (за счет обращения в суд по заявлению о защите интереса других лиц) и участие в деле для дачи заключения [6].

Статья 45 Гражданско-процессуального кодекса РФ [2] отображает форму участия прокуроров в суде. Прокурор имеет право обратиться в суд самостоятельно от лица несовершеннолетнего гражданина или его родителей, опекунов, попечителей, либо он может вступить в уже начавшийся судебный процесс для заключения о допущенных нарушениях в защиту прав и интересов малолетних граждан нашей страны.

Согласно изменениям, внесенным в ГПК РФ [2] в 2009 году, прокурор в суде может не пояснять, почему несовершеннолетний гражданин или его попечители проявляют свою правовую пассивность, то есть не подают в суд иски

в защиту прав детей, если это касается главенствующих сфер жизни, таких как семейные отношения, социальная защита и обеспечение, охрана труда и здоровья, благоприятная окружающая среда, образование и др.

Исходя из российского законодательства, можно установить две причины, по которым прокурор может подключиться в дело о рассмотрении защиты и интересов несовершеннолетних лиц. Первым условием является наличие уважительных причин, по которым лицом не возможна реализация самостоятельного права, которое предусмотрено законодательством на судебную защиту (в таком случае прокурор имеет право самостоятельно направить обращение в суд, даже в случае отсутствия инициативы у несовершеннолетних лиц). Также важно отметить, прокурор имеет право обратиться в суд на основании ранее проведенных прокурорских проверок. Вторым условием является обращение к прокурору на основании заявления о нарушении прав и свобод, которые отображены в статье 45 ГПК РФ [2].

Законодательством РФ установлено два условия, на основании которых прокурор принимает участие по делам в интересах несовершеннолетних лиц: 1) уважительная «Что касается второй формы участия, когда прокурор вступает в уже начатый процесс, то в ч. 3 ст. 45 ГПК РФ [2] есть перечень дел, по которым участие прокурора предполагается. К ним относятся дела: о выселении; о восстановлении на работе; о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью и иные дела, предусмотренные ГПК РФ [2] и другими федеральными законами. По этим делам прокурор дает заключение, осуществляя тем самым свои полномочия по надзору за соблюдением законности» [6].

В случае участия прокурора в деле для дачи заключения, он должен опираться на обращение законных представителей несовершеннолетних лиц и непосредственно самих несовершеннолетних лиц, например, в случаях с детьми, оставшимися без попечения родителей или детьми-сиротами.

Согласно статье 10 Федерального закона «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [4], прокурор является лицом, которое наделено правами по обращению в соответствующие суды РФ в установленном порядке по вопросу защиты прав таких детей.

Как показывает судебная практика, судами часто приходит отрицательное решение о принятии таких исков. Основанием отказа, как правило, является статья 64 СК РФ, где отмечается то, что законными представителями несовершеннолетних лиц являются родители.

Но, к сожалению, суды не учитывают то, что из-за правовой безграмотности и гражданской пассивности роди-

тели и опекуны не обращаются за защитой несовершеннолетних в суд и тем самым ущемляют их права.

Ещё суды отказывают в принятии исков по делам, связанным с участием несовершеннолетних лиц, которые обрели процессуальную дееспособность, то есть подростки, прошедшие процедуру эмансипации, ведущие предпринимательскую или самостоятельную трудовую деятельность, для которых предусмотрено право на самостоятельную защиту в суде. Статья 37 ГПК РФ [2] к таким случаям относит граждан в возрасте от 14 до 18 лет, ставших участниками материально-правовых отношений, в которых они достигли возраста правоспособности. Но, здесь прокурор вправе обратиться за защитой прав и интересов несовершеннолетних граждан в суд, если обоснует причину, по которой именно прокурор в данном случае обратился в суд, а не сам ребёнок, который проявил самостоятельность в материально-правовых отношениях.

Но в противоречие этому, гражданско-процессуальное законодательство наделяет правом на привлечение к участию в процессе законных представителей, как правило, ро-

дителей или опекунов, которые опять же могут не обладать ни юридическими знаниями, ни возможностью подтвердить факт нарушения прав и свобод несовершеннолетнего лица.

Таким образом, главная проблема участия прокурора в судебной защите прав интересов несовершеннолетних заключается в том, что если у ребенка есть родители, то только они вправе обратиться в суд от имени ребенка, либо ребёнок подает иск самостоятельно, в случае эмансипации, как уже разъяснялось ранее.

Эта проблема является краеугольным камнем в гражданско-правовых отношениях, касающиеся защиты детей в судах. Поэтому эта проблема требует изменений в статье 45 ГПК РФ [2]. Нужно пересмотреть и узаконить обязательное участие прокурора во всех делах, связанных с интересами и правами несовершеннолетних лиц, а также тех, кто имеет процессуальную дееспособность.

Только изменив в этой области законодательство можно говорить о повышении эффективности защиты прав и интересов малолетних граждан посредством прокурорского надзора и защиту в суде.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.10.2020).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.10.2020).
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.10.2020).
4. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.10.2020).
5. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи: Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 26.11.2007 № 188 (действующая редакция). Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ. РУ» (дата обращения 15.10.2020).
6. Винокуров, Ю. Е. Прокурорский надзор: учебник для бакалавров / под ред. Ю. Е. Винокурова. — 10-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2011. — 365, 476 с.

Вина в гражданском и уголовном праве: сходства и различия

Ковалев Роман Дмитриевич, студент магистратуры
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

В настоящей статье рассматривается природа вины, становления понятия «вина», дается сравнение данного понятия в гражданском и уголовном праве.

Ключевые слова: вина, категория вины, концепция вины, форма вины.

В каждой отрасли юридической науки интерпретация природы вины дается по-разному, что в первую очередь обусловлено спецификой правового регулирования в этих отраслях, а само учение о вине занимает в правоведении особое положение.

Можно с уверенностью утверждать, что институт вины преодолел непростой и неоднозначный период становления, причем путь его развития еще далеко не завершен.

Уже при родовом строе возникли некоторые понятия о вине, хотя право, как таковое, тогда отсутствовало. Были

меры, способствующие примирению при возникновении конфликтов между родами. Для выживаемости рода от каждого индивида требовалось прежде всего соблюдать интересы общества. Отличные по направленности проступки не ограничивались, при установлении негативных последствий, не играло роли спровоцировали их умышленные или неосторожные действия, или это был несчастный случай. Во главу угла ставилось само действие, которое никак не было связано с сознанием и волей человека.

По мнению Г. Спенсера «пока среди обществ ведется деятельная борьба за существование, чисто животный элемент справедливости мало смягчается человеческим элементом» [22, с. 451].

С течением времени в первобытном обществе стали зарождаться зачатки права, которое пока было трудно отличить от обычаев. Архаичное право можно назвать первой стадией в процессе развития права.

Нормы данного права имели преимущественно устную форму, оно было некодифицированным, на первом этапе не подразделялось на уголовное и гражданское право. В архаичном праве отсутствовала конструкция вины, упор делался на то, что именно произошло и произошло ли вообще, то есть не надо было определять, виновно ли совершено деяние. Эти тонкости были не важны и не исследовались в процессе разрешения дел. И так, архаичное право было объективистским.

Ответственность носила коллективный характер. По мнению Т. В. Кошаниной «имущественная сфера каждого отдельного человека была неразделима с имущественной сферой рода (общины, семьи). Человек как таковой в экономическом плане не существовал. Он целиком включался в род (общину, семью) как хозяйственную единицу. Вот почему санкция накладывалась на род, в который входил преступник». [15].

Это во многом объясняет объективистский характер данного права: зачем нужно установление вины, когда причиненный вред возмещает община?

Объективное вменение долго доминировало в праве, где виновность не ограничивалась от мотивов преступления. При определении меры ответственности поведение оценивалось по внешним признакам, например, алкогольное опьянение смягчало ответственность [25, с. 41–50].

«Впервые термины «преступление» и «вина» появились в юридических текстах в конце XVI века. Однако критерием, которым определяется уголовно-правовой характер деяния, была не столько злая воля преступника, сколько степень нарушения общественного интереса.

Необходимость выяснять форму вины предписывалась уже в судебных актах XVI века. Более строгие наказания влекли либо особый статус преступника («ведомо лихой человек»), либо особые обстоятельства деяния (насилие и хитрость при совершении преступления)» [13].

Достигнуто последующее развитие вменения вины. Соборным Уложением было закреплено понятие таких

понятий как умысел, неосторожность, случайность, хотя нельзя говорить о их четком разграничении. Факторы, которые могут повлиять на степень виновности или на ее исключение: крайняя необходимость и необходимая оборона были включены в Уложение. Оговаривались смягчающие вину обстоятельства: малый возраст, воровство вследствие «нужды» или «простого ума» и отягчающее вину обстоятельство — повторность преступления.

Последующее развитие нормотворческой деятельности получила в годы правления Петра I. Впервые по законодательству Петра I уголовная ответственность, наступала в зависимости от виновности лица, совершившего общественно опасное и вредное для государства действие, во многих уголовно-правовых нормах говорилось о наказании только «виновных людей», по «вине» и т. д. [7].

Артикул воинский 1715 года явился значимым нормативным актом для дальнейшего совершенствования института вины. Он более четко разграничивал умышленные, неосторожные и случайные деяния [4, с. 327–365].

М. С. Строгович полагал, что Артикулы содержали основы современной презумпции невиновности: «лучше десять виновных освободить, нежели одного невиновного к смерти приговорить» [23, с. 35].

Анализируя нормы Свода закона Российской Империи (том X — Свод законов гражданских), можно прийти к заключению, что в данном документе не содержится отдельной нормы, предназначенной для определения вины. Глава VI этого тома «О праве вознаграждения за понесенные вред и убытки» содержит только общие правила гражданско-правовой ответственности: «Как по общему закону никто не может быть без суда лишен прав, ему принадлежащих, то всякий ущерб в имуществе и причиненные кому-либо вред или убытки с одной стороны налагают обязанность доставлять, а с другой производить право требовать вознаграждения». «Каждый имеет право, в случае неисполнения по договорам и обязательствам, а также в случае обид, ущербов и убытков, искать удовлетворения и вознаграждения посредством суда» [5].

Законодатель вменяет гражданско-правовую ответственность за три категории правонарушений: недобросовестное завладение чужим имуществом; причинение вреда и ущерба преступлением или проступком; причинение ущерба неисполнением договора и обязательства, не признанного преступлением или проступком. Хотя понятие «вина» не содержится в общих положениях о гражданско-правовой ответственности, однако нормы, охватывающие частные виды обязательств, говорят о том, что вина, для законодателя служит главным требованием для наступления ответственности.

А. Г. Берестенников, проводя анализ XV тома Свода законов Российской Империи (уложение о наказаниях) и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, пришел к следующему выводу: «Благодаря Своду

и Уложению руководящим для российского уголовного права сделался принцип вины. Он утвердился в законодательстве окончательно и обрел сложные формы, которыми охватывался институт вменяемости, а также ряд смягчающих наказание обстоятельств, апеллирующих к воле преступника» [10, с. 7–11].

Концепция вины в праве успешно разрабатывалась российскими правоведами в конце 19 начале 20 века, что и привело к выходу в 1903 году Уголовного уложения, ставшего тем нормативным актом, который в результате весомых теоретических обоснований вложил неоспоримый вклад в развитие института вины.

Данное Уложение делится на Общую и Особенную части, наряду с этим в Общей части заключаются нормы, устанавливающие следующие формы вины: умысел и неосторожность [6].

С.В. Векленко подчеркивает, что в Уголовном уложении 1903 года «впервые было закреплено понятие вины через внутреннее отношение к содеянному; были разработаны критерии вменяемости (медицинский и юридический), в том числе возраст нарушителя для привлечения к ответственности. Данный проект закрепил отход от принципа объективного вменения в сторону субъективного» [12, с. 45].

В гражданском праве, в отличие от уголовного, тяжесть вины должника в надлежащей мере не учитывалась вследствие неконкретности и неразвернутости законодательных положений. Однако понятие вины и ее воздействие на гражданско-правовую ответственность, при разработке проекта Гражданского Уложения 1905 года, выдвинулось для правоведов на передний план.

В итоге, была разработана норма, согласно которой должник отвечает за убытки, причиненные верителю неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства. Должник освобождался от ответственности только в том случае, если он сумел доказать, что случайное событие, наступление которого он не мог ни предвидеть, ни предотвратить при той осмотрительности, какая от него требовалась для исполнения обязательств, помешало должнику исполнить свои обязательства. Для имущественной ответственности вопрос о неисполнении обязательств с умыслом или без умысла не имел никакого значения. Общим правилом для признания должника соответственно виновным или невиновным в неисполнении обязательства проект российского Гражданского Уложения признавал отвлеченное понятие о степени осмотрительности рачительного, заботливого хозяина [11].

Отсюда следует, что период развития института вины в российском законодательстве, вплоть до октябрьской революции, был обусловлен развитием концепции индивидуальной и виновной ответственности, в уголовном праве на законодательном уровне установились понятия: умышленное и неосторожное деяние с описанием их основных признаков; в гражданском праве вина определялась через непринятие соответствующих ситуации мер.

Революционные преобразования не могли не коснуться института права, в котором прослеживается точка зрения отказа от категории вины. В Руководящих началах по уголовному праву 1919 года категория «вина» заменена категорией «опасное состояние» [8, с. 63–68]. Также, произошло отрицание субъективного вменения: «...виновным признается тот, кто посягает на основы советского строя, на установленный социалистический правопорядок, угодный и выгодный для трудящихся» [18, с. 157].

Только почти через сорок лет законодатель решил нормативно закрепить вину. Понятие «вина» зафиксировано в ст. 3 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года: «Уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, то есть умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние» [3, с. 6].

В Действующем Уголовном кодексе 1996 года ст. 5 закрепила принцип вины: «Лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина» [2], вина является субъективным основанием уголовной ответственности. Однако определение понятия вины в кодексе отсутствует, а ее уголовно-правовое содержание проявляется в главе 5 через формы: умышленную и неосторожную.

В современной уголовно-правовой теории принято различать следующие концепции вины: нормативная, теория опасного состояния, оценочная, психологическая, которая в последнее время является общепризнанной.

Нормативная теория вины: «Сторонники нормативного направления определяют вину как выраженную в законе конструкцию видов умысла и неосторожности. При этом не разрешаются возникающие внутренние юрико-практические противоречия. Проблема определения уголовно-правовой категории вины не ставится». [26, с. 21–25].

В.В. Лазарев считает, что «сам по себе нормативный подход к праву был бы не плох. Уязвимым его делает, как это ни парадоксально, государство. В силу разных причин, в определенных обстоятельствах оно удовлетворяется устаревшими нормами или, хуже того, издает акты, идущие в разрез с жизнью, принимает нормы, работающие на консервативные силы» [9, с. 57].

Теория опасного состояния: С.В. Познышев понимал под виной такое настроение субъекта, при котором он осознает или имеет возможность осознать, что действует преступно и находится в таких обстоятельствах, что мог бы удержаться от преступного поведения, если бы у него не были недоразвиты противодействующие этому чувства и представления (в силу личных особенностей) [20, с. 266–267].

Основным недостатком данной теории можно считать то, что вина за преступление подменяется опасно-

стью личности как таковой, а деяние воспринимается как внешнее проявление опасного состояния [16, с. 10].

Оценочная концепция вины: мнения законодателей о данной концепции можно разделить на две группы.

Б.С. Утевский, представляя мнения юристов, рассматривающих данную концепцию как оценку судом всех субъективных и объективных обстоятельств, которые связаны с преступлением, считает, что вина как основание уголовной ответственности должна содержать следующие элементы:

— наличие совокупности субъективных и объективных обстоятельств, характеризующих подсудимого, совершенное им преступление, последствия, условия и мотивы совершения им преступления;

— отрицательную общественную (морально-политическую) оценку от имени социалистического государства всех этих обстоятельств;

— убеждение советского суда, что действия подсудимого на основании этой оценки должны повлечь за собой уголовную, а не какую-либо иную (административную, дисциплинарную, гражданскую) его ответственность [24, с. 103].

Другие юристы под виной понимают морально-политическую оценку поведения правонарушителя с точки зрения классовых позиций.

Психологическая концепция вины в современном российском уголовном праве является господствующей. А.И. Рагог дает следующее определение вины — это «психическое отношение лица в форме умысла и неосторожности к совершаемому им общественно-опасному деянию, в котором проявляется антисоциальная, асоциальная либо недостаточно выраженная социальная установка этого лица относительно важнейших социальных ценностей» [21, с. 10].

По мнению Е.В. Юрчак «вина — это психическое отношение лица к совершаемому им противоправному общественно-вредному деянию и его последствиям, в котором проявляется отрицательное субъективное отношение лица к ценностям общества и которому государством дана соответствующая объективная оценка с учетом всех обстоятельств совершения деяния» [26, с. 21–25].

Наличие вины в уголовном праве может определить только суд (презумпция невиновности), то в гражданском праве, если доказаны следующие условия ответственности: противоправное деяние, вред и причинная связь между ними, то наличие вины будет предполагаться до тех пор, пока заинтересованное лицо не сможет доказать обратного (презумпция вины).

Как правило в российской цивилистике понятие вины соответствовало понятию вины в уголовном праве, поскольку вследствие исторических факторов, в науке уголовного права проводилось больше исследований категории вины, чем в гражданском праве. Поскольку в уголовном праве преобладала концепция вины как выражения психической основы личности и ее деяниях, ко-

торые не соответствуют законам, то данное представление о вине утвердилось и в гражданском праве.

Вина обозначалась как психическое отношение личности к своему действию, противоправному поведению и его результату. Например, Г.К. Матвеев рассматривает вину как «психическое отношение нарушителя социалистического гражданского правопорядка в форме умысла или неосторожности к своим противоправным действиям и их вредным последствиям» [17, с. 178].

О.С. Иоффе отмечает: «Под виной понимают психическое отношение лица к совершаемому им противоправному действию или бездействию, а также к наступающим в связи с этим противоправным последствиям» [14, с. 128].

Несовершенство психологической концепции понятия вины состоит в трудности истинного выявления формы психического отношения правонарушителя к своим поступкам, а преимущественно и ненужностью данного выявления. В гражданском праве существует понятие вины юридических лиц, а поскольку организация не может обладать собственной психикой, то вопрос о психическом отношении юридического лица к совершенному деянию не может ставиться в принципе.

На основании этого, психологическая концепция подвергается критике некоторыми современными правоведами, которые считают, что личные качества и психическое отношение субъекта к совершенному проступку не имеют никакого значения для оценки вины должника. Поэтому для установления вины используется общая модель ожидаемого поведения в той или иной ситуации разумного и добросовестного участника имущественных отношений [19, с. 63].

Действующий Гражданский кодекс дает следующее определение понятия вины: «Лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства» (п. 1 ст. 401 ГК РФ) [1].

М.И. Брагинский, указывая на появление «легального определения вины как условия гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств», сожалеет, что «доктрина гражданского права по инерции продолжает в основном оставаться на прежних позициях, смысл которых заключается в поиске все новых объяснений необходимости применения в цивилистике чуждых ей уголовно — правовых взглядов на вину как один из элементов состава правонарушения, представляющих собой некое гипотетическое психическое отношение правонарушителя к своим действиям и их последствиям» [11].

Концепции вины, существующие в гражданском праве и уголовном праве, имея точки соприкосновения, тем не менее разнятся не только между собой, но и в отдельно взятом праве. Изыскания правоведов, направленные на дальнейшую разработку понятия вины как в публичном праве, так и частном праве постоянно продолжаются.

Литература:

1. Гражданский кодекс РФ части первая, вторая, третья и четвертая. Официальный текст. Текст Кодекса приводится по состоянию на 1 ноября 2019 года — М.: Омега-Л, 2019. — 622 с.
2. Уголовный кодекс РФ. Текст с изменениями и дополнениями на 25 мая 2019 года. М.: Эксмо-Пресс, 2019. — 316 с.
3. Закон СССР от 25.12.1958 об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. (вместе с Основами законодательства) // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. ст. 6.
4. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. т. 4. — М.: Юридическая литература, 1986. — 512 с.
5. Свод законов Российской империи. Т. X.: издание неофициальное / под ред. и с примеч. И. Д. Мордухай-Болтовского; сост. Н. П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг. [сайт]: Классика российского права. Проект компании «Консультант Плюс» при поддержке изд. «Статут» и юридической научной библиотеки изд. «Спарк»/ URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/387.html#img388> (дата обращения 18.03.2020).
6. Уголовное уложение отд. 5 с. 10 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulozhenie_1903_goda.pdf (дата обращения 19.03.2020).
7. История государства и права России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vur-05-1.narod.ru/istotgp/42.htm> (дата обращения 18.03.2020).
8. Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917–1991 годов. — М.: Зерцало, 1997. — 592 с.
9. Теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юристъ, 2001. — 520 с.
10. Берестенников, А. Г. Развитие принципа вины в томе XV Свода законов Российской Империи 1832 г., Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. / А. Г. Берестенников // Заметки ученого. — 2015. — № 5. — с. 7–11.
11. Брагинский, М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М.: Статут, 2011. / Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Векленко, С. В. Виновное вменение в уголовном праве: дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2003. с. 45.
13. Заблудина, А. А. Система преступления и наказания по Соборному Уложению 1649 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2008/1002-sistema-prestupleniya-i-nakazaniya-po-sobornomu-ulozheniyu-1649-g> (дата обращения 17.03.2020).
14. Иоффе, О. С. Обязательственное право. / О. С. Иоффе. — М.: Юрид. лит., 1975. — 880 с.
15. Кошанина, Т. В. Происхождение государства и права [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://law.wikireading.ru/51762> (дата обращения 17.03.2020).
16. Лунеев, В. В. Субъективное вменение / В. В. Лунеев. — М.: Спарк, 2000. — 70 с.
17. Матвеев, Г. К. Вина в советском гражданском праве / Г. К. Матвеев. — Киев, изд Киевского уни-та, 1955. — 307 с.
18. Мишунин, П. Г. Очерки по истории советского уголовного права 1917–1918 гг. / П. Г. Мишунин. — М.: Госюриздат, 1954. — 231 с.
19. Пашенцев, Д. А. Вина в гражданском праве / Д. А. Пашенцев, В. В. Гарамита. — М.: Юркомпания, 2011. — 143 с.
20. Познышев, С. В. Основные начала науки уголовного права / С. В. Познышев. — М.: изд. А. А. Карева, 1912. — 668 с.
21. Рарог, А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений / А. И. Рарог. — М.: Профобразование, 2001. — 134 с.
22. Спенсер, Г. Синтетическая философия. пер с англ. / Г. Спенсер. — К.: Ника-центр, 1997. — 512 с.
23. Строгович, М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе / М. С. Строгович. — М.: Акад. Наук СССР, 1947. — 276 с.
24. Утевский, Б. С. Вина в советском уголовном праве / Б. С. Утевский. — М.: Госюриздат, 1950. — 319 с.
25. Федорова, А. Н. Правонарушение и юридическая ответственность по Русской Правде. Монография / Под общ. ред.: Хачатурова Р. Л. Тольятти: Изд-во ВолГУ, 2004. — 155 с.
26. Юрчак, Е. В. Концепция вины в юридической науке / Е. В. Юрчак // Актуальные вопросы российского права. — 2015. — № 7 (56). — с. 21–25.

Общие и специальные проблемы договора строительного подряда с участием потребителя

Кукушкин Павел Валентинович, студент магистратуры
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье автор пытается определить, рассмотреть и предложить пути решения проблем, связанных с участием потребителя в договоре строительного подряда.

Ключевые слова: строительство, договор, потребитель

Строительство является неотъемлемым элементом жизнедеятельности каждого гражданина. Потребность в обеспечении комфортным, безопасным и удовлетворяющим всем требованиям жильём во все времена считалась приоритетной задачей общества и государства.

Подряд, как институт гражданского права, направлен на реализацию потребностей сторон договора путём выполнения определённой работы и достижения конкретного результата. Договор строительного подряда получил широкое распространение и является основополагающим звеном в системе гражданско-правовых договоров. Популярность договора строительного подряда подтверждается делением договора на несколько самостоятельных и взаимосвязанных разновидностей, одной из которых является договор строительного подряда с участием потребителя.

Актуальность выбранной темы обусловлена рядом проблем общего и специального характера, подтверждающих необходимость проведения глубокого анализа сложившихся ситуации и поиска решений, направленных на гармоничное функционирование договора строительного подряда с участием потребителя.

В процессе изучения данного вопроса было сформулировано пять проблем, каждая из которых представляет особый интерес и нуждается в детальном исследовании.

Проблема первая. Отсутствие в правовой доктрине полных по содержанию работ, посвящённых исследованию договора строительного подряда с участием потребителя, которые позволяли бы объективно рассмотреть имеющиеся проблемы, найти оптимальные решения и сделать конкретные выводы.

Проблема вторая. Говоря о строительном подряде с участием потребителя, следует отметить, что действующее гражданское законодательство характеризуется наличием комплекса нормативных правовых актов, содержащих общие и специальные нормы права, которые могут вступать между собой в противоречия, следовательно, появляется необходимость поиска и принятия оптимальных решений для их гармоничного функционирования [9].

Проблема третья. Необходим детальный анализ и проработка идей, предлагаемых на самом высшем государственном уровне. Президент России В. В. Путин, выступая с ежегодным Посланием Федеральному Собранию 20 фев-

раля 2019 года, призвал обратить внимание на развитие индивидуального жилищного строительства в государстве и отметил следующее: «Необходимо предоставить семье возможность не только покупать готовое жильё, но и строить свой дом, на своей земле» [5]. Органами государственной власти ведётся работа по разработке предложений, направленных на решение проблемы, обозначенной В. В. Путиным, однако, желательно сделать данный процесс более динамичным.

Проблема четвёртая. Пренебрежение нормами гражданского права относительно формы договора строительного подряда с участием потребителя приводит к нарушению прав потребителя. В соответствии с пунктом 1 статьи 162 Гражданского кодекса РФ, несоблюдение простой письменной формы договора строительного подряда лишает стороны права ссылаться на свидетельские показания, но не лишает права приводить письменные и иные доказательства [2].

Проблема пятая. Вопрос соотношения прав и обязанностей подрядчика и заказчика, в роли которого выступает потребитель, требует особого внимания, так как его решение направлено на установление оптимального баланса интересов между сторонами. Необходимо рассмотреть пятую проблему подробнее.

Потребитель — гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести, либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. По поводу грамотного распределения прав и обязанностей, которые бы обеспечивали стабильность правоотношений и баланс интересов сторон в строительном подряде, в том числе, с участием потребителя, в настоящий момент развёрнута активная дискуссия.

Вопросы соотношения прав и обязанностей сторон договора строительного подряда с участием потребителя включают в себя, в частности, решение следующих задач: оформление технической документации и сметы, проведение дополнительных работ и привлечение инженера для проведения экспертной оценки объекта строительства.

О необходимости проведения дополнительных работ и изменения сметной стоимости указывает часть 3 статьи 743 Гражданского кодекса РФ, которая возлагает на подрядчика обязанность информирования заказчика о не-

обходимости проведения дополнительных работ и изменения сметной стоимости [3].

Пункт 3 статьи 33 Закона РФ «О защите прав потребителей» возлагает на подрядчика обязанность предупреждения заказчика о проведении дополнительных работ, существенно превышающих приблизительную смету [4].

Канд. юр. наук, доцент кафедры права ЛГТУ, Олег Васильевич Макаров в своей работе «Обязанности подрядчика по договору строительного подряда: проблемы совершенствования закона и практики», указывает на необходимость возложения на подрядчика обязанности информирования заказчика о проведении дополнительных работ вне зависимости от их объёма и стоимости [8]. По мнению автора, подрядчик обязан проинформировать заказчика о проведении дополнительных работ вне зависимости от их характера. Я поддерживаю точку зрения О.В. Макарова, так как она, в том числе, направлена на усиление защиты прав потребителей.

Обеспечение заказчика правовыми гарантиями связано с самой природой правоотношений в договоре строительного подряда с участием потребителя. Подрядчик действует в интересах заказчика (потребителя), помимо строительства объекта, особое внимание здесь следует обратить на иные строительные работы. Однако, следует не забывать основной интерес подрядчика — получение вознаграждения за выполненную работу, что может породить совершение каких-либо неправомерных действий, направленных прежде всего, на удовлетворение собственных интересов. Принимая во внимание, прежде всего, желание сторон действовать в своих интересах, я считаю необходимым ответственно подходить к процессу заключения договора, акцентируя внимание на спорных условиях договора, которые впоследствии могут привести к нарушению прав той или иной стороны.

Учитывая отсутствие у заказчика (потребителя) профессиональных знаний и навыков в сфере строительства, законодатель наделяет последнего правом привле-

чения инженера или инженерной организации (статья 749 Гражданского кодекса РФ). Олег Васильевич Макаров одобряет закрепление за заказчиком, в том числе, выступающим в роли потребителя, данной возможности. Однако, О.В. Макаров обращает внимание на следующий нюанс: «представляется, что данное правило создаёт для заказчика юридическое неудобство, заключающееся в том, что неясно, как быть в случае отказа подрядчика от определения функций инженера (инженерной организации) в договоре строительного подряда, однако, такой отказ вовсе не парализует право заказчика осуществлять контроль и надзор и привлекать для этих целей инженера (инженерную организацию)» [7]. Автор предлагает отказаться от определения в договоре функций инженера (инженерной организации) и исключить последнее предложение, изложенное в норме права. По мнению О.В. Макарова, достаточно указания закона на то, что при осуществлении контрольных и надзорных функций, заказчик не вмешивается в деятельность подрядчика, если она отвечает всем установленным требованиям.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что договор строительного подряда с участием потребителя представляет собой, в определённой степени, уникальное явление, сочетающие в себе переплетение общих и специальных норм гражданского права, неминуемо приводящих к возникновению противоречий и спорных ситуаций, в первую очередь, связанных с соотношением прав и обязанностей сторон данного договора.

Таким образом, верным и оптимальным решением сложившихся проблем будет являться постановка конкретных задач для современной юридической науки, направленных на совершенствование действующего гражданского законодательства в области договора строительного подряда, где особое внимание будет уделено участию потребителя в данных правоотношениях.

Полагаю, активная работа представителей строительного бизнеса, общества и государства будет продолжена и принесёт положительный результат.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 03.07.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
4. Закон РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 18.07.2019) // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1992. — № 15. — Ст. 766.
5. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019 «Послание Президента Федеральному Собранию» // Российская газета. — 21.02.2019. — № 38.
6. Агафонова, Н. Н., Белов В. Е., Солдатова В. И. Комментарий к Закону Российской Федерации «О защите прав потребителей» (постатейный). — Москва: Проспект, 2017. — 240 с.

7. Макаров, О. В. Содержание договора строительного подряда: соотношение прав и обязанностей сторон, проблемы, перспективы // Юрист. — Москва: Юрист, 2011, № 8. — с. 12–14
8. Макаров, О. В. Обязанности подрядчика по договору строительного подряда: проблемы совершенствования закона и практики // Адвокатская практика. — Москва: Юрист, 2010, № 3. — с. 8–14
9. Сергеев, А. П., Абрамова Е. Н., Аверченко Н. Н., Грачев В. В., Павлов А. А. и др. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая: учебно-практический комментарий / под ред. А. П. Сергеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2017. — 976 с.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 44 (334) / 2020

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 11.11.2020. Дата выхода в свет: 18.11.2020.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.